А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XXXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, Б. Н. Граков,
С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР И ПЛЕНУМ ИИМК АН СССР, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА 1948 г.[1]

I. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

РАСКОПКИ В НОВГОРОДЕ

Раскопки 1948 г. в Новгороде были прямым продолжением раскопок 1947 г., сообщение о которых напечатано в XXVII выпуске КСИИМК.[2]

В 1948 г. экспедиция развернула главные работы на Ярославовом Дворище, где в 1947 г. не все участки были доведены до материка. Теперь эти участки и все вновь взятые закончены; в итоге повсеместно доведен до материка один сплошной раскоп в виде прямоугольного четырехугольника; длина (с запада на восток) — 38 м, ширина (с севера на юг) — 22 м, глубина в среднем — 4 м. Раскоп находился на основной части Дворища, он почти сплошь заполнен деревянными сооружениями разных эпох.

В раскопе повсеместно прослежены четыре слоя. Подробное их описание и истолкование будет дано в публикации раскопок, подобно тому как это сделано для довоенных раскопок.[3] Здесь отмечу только даты. Первый слой относится к XVIII—XX вв., второй — к XVI—XVII вв. (в нем обильные следы большого пожара, происшедшего на Дворище в 1580 г.), третий — к XII—XV вв., четвертый — к IX—XII вв. Последней даты я еще кратко коснусь ниже.

---

[1] Часть докладов напечатана в КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

[2] Раскопки организованы ИИМК при участии ГИМ. Начальник экспедиции — А. В. Арциховский; заместители начальника — А. Л. Монгайт и Л. А. Голубева; начальники больших раскопов — Б. А. Колчин, А. Ф. Медведев и Т. Н. Никольская, научные сотрудники — Г. А. Авдусина, С. А. Изюмова и Н. Д. Мец; начальник химической лаборатории — А. В. Кирьянов; кинооператор — Ю. С. Селиванов. В раскопках участвовали студенты МГУ, из которых большие заслуги перед экспедицией имеют В. В. Седов и В. Л. Янин.

Помимо обильных полевых фотографий, экспедицией были сняты специальные кинофильмы, в том числе цветной фильм. Особо надо отметить высокое качество цветных киносъемок, открывающих для археологической документации совершенно новые возможности.

Для отвоза вырытой земли попрежнему применялись транспортеры (длина их 15 и 5 метров) с электрическими двигателями. Методика их применения была усовершенствована, что позволило значительно увеличить производительность труда, но самые раскопки выполнялись, конечно, только вручную, притом преимущественно ножами.

[3] МИА СССР, № 11, 1949.

Древние сооружения, раскопанные в 1948 г., были многочисленнее, чем обнаруженные в 1947 г. С них сняты точные архитектурные обмеры, для производства которых экспедицией были привлечены специалисты. Особенно много дала северо-восточная часть раскопа, вскрытие которой сверху донизу произведено в 1948 г.

Рис. 1. Бассейн

В третьем слое открылись настилы, отличные от настилов, встречавшихся до сих пор в Новгороде,— не уличные, а сплошное деревянное замощение площади. На смежных участках, пройденных в 1947 г., такое замощение можно было, по некоторым признакам, предполагать, но там оно не сохранилось. Здесь же отлично уцелели три яруса, лежавшие вплотную, один на другом без прослоек, и последовательно сменявшие друг друга. Культурного слоя между ними нет; это позволяет заключить, что настилы содержались в чистоте. Когда мостовая приходила в ветхость, поверх нее клали новую, а прежняя служила для нее тогда подстилкой; впрочем, иногда ее, вероятно, и ломали, так как смена мостовых, должно быть, происходила более трех раз. Никаких лаг, подобных лагам новгородских уличных настилов, под бревнами не было; сбоку бревна скреплялись, поперечными бревнами, в пределах раскопа прослеженными лишь с

одной стороны и на небольшом протяжении. Первый настил в пределах раскопа состоял из 29 бревен, второй — из 27, третий — тоже из 27. Длина этих бревен в пределах раскопа в среднем 4.8 м, диаметр 0.15—0.3 м.

Назначение настила не вызывает сомнений. Это впервые открытое в Новгороде замощение площади оказалось в центре Ярославова Дворища, где с XII по XV в. неизменно собиралось вече, как об этом единодушно и многократно говорят летописи и вечевые грамоты. Там должна была быть площадь, достаточная для размещения многих тысяч вечников. В Новгороде, где все улицы мостились, и подавно замостили такую важную площадь. Соответственные настилы уцелели далеко не всюду; возможно,

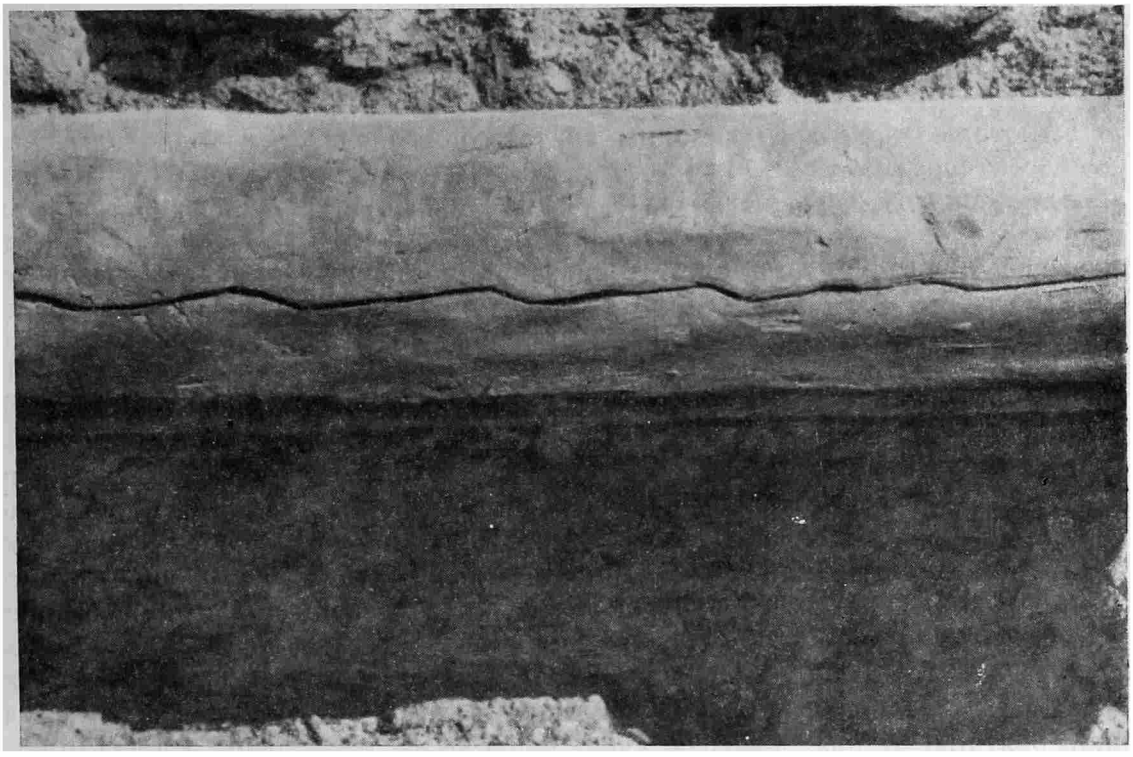


Рис. 2. Водопроводная труба с зигзаговым швом

что в других местах они были выломаны при уничтожении веча или повреждены позднейшими ямами. Но значительный кусок этого вечевого настила все же сохранился и был вскрыт при раскопках.

Вся площадь раскопа изрезана водопроводными деревянными трубами обычного новгородского типа разных эпох. Впервые такие трубы обнаружены были здесь же на Дворище раскопками 1938 г.; впоследствии они оказались и в других районах города, но на Дворище их было особенно много. Эти трубы свидетельствуют о высоком уровне городского благоустройства Новгорода, опередившего в этом отношении все города Северной и Средней Европы. В раскопе 1947—1948 гг. такие трубы, связанные со вторым, третьим и четвертым слоями, датируются XI—XVI вв.

Большинство труб относилось к нижней части третьего слоя, к XII в., и представляло целую систему. Три трубы впадали в деревянный бассейн, а одна вытекала из него. Бассейн этот, с деревянным дном, имел, очевидно, водоразборное назначение (рис. 1). Длина его 2.67 м, ширина 1.88 м, высота 0.84 м. Судя по стратиграфии, он был сооружен в свое время на поверхности площади. Граница между нижней частью бассейна, врытой в землю, и верхней частью, выходившей наружу, и сейчас отлично видна на стенках. Поскольку деревянные стенки не могут прилегать друг к другу

совсем плотно, между ними были забиты в свое время специальные клинья, чтобы предохранить бассейн от засорения. Это водоразборное сооружение находилось на вечевой площади, на уровне нижнего вечевого настила. Сверху оно могло быть архитектурно оформлено, но впоследствии, с нарастанием культурного слоя, оказалось под землей, и его перекрыли деревянной крышкой. Бассейн удалось привезти в Москву целиком и с большими отрезками всех четырех прилегающих труб. Он выставлен в Историческом музее.

Толщина водопроводных труб достигает 0.5 м, форма их цилиндрическая; состоят они всегда из двух долбленных половин — верхней и нижней. Линия соединения этих половин у больших труб всегда зигзаговая (рис. 2), что обеспечивает максимальную плотность соединения и предохраняет воду от засорения. Тщательность отделки этого скрепления поразительна. У тонких труб линия соединения половин прямая, но налегание тоже плотное.

Некоторые археологи склонны считать новгородские водопроводы дренажными сооружениями. Не могу с этим согласиться, поскольку системы дренажа, притом того же возраста и совершенно иной конструкции, были открыты в Новгороде довоенными раскопками нашей экспедиции; цилиндрические трубы, судя по их устройству и по конструкции открытого теперь бассейна, служили для водоснабжения. Авторитетнейший советский специалист по этим вопросам Н. И. Фальковский подтвердил намеченные мною различия между новгородскими водопроводами и водоотводами. [4] По поводу последних он пишет: «В Новгороде имеется первый случай устройства дренажа в Европе».

Новгородские водопроводы тоже показательны для высокого уровня древнерусского городского хозяйства. Они возникли, как это мною было доказано еще в 1938 г., не позже XI в. [5] В Западной Европе (если не считать маврской Испании) подобные сооружения тогда не строились, что совсем недавно показал английский историк водоснабжения Робинс, [6] привлекший и новые английские археологические данные. В средиземноморских странах остатки великолепных древнеримских водопроводов кое-как использовались в средние века; во Франции и Англии, не говоря уже о Германии, разучились пользоваться даже подобными остатками, а воду брали из колодцев и рек. Маленький водопровод, построенный для крестоносцев в Сирии в XIII в., Робинс считает продуктом местной сирийской культуры, поскольку из Европы подобных навыков никто не мог вывезти, а в мусульманских странах соответственная отрасль техники всегда была хорошо развита. [7] Столь же необычным для Европы явлением он признает генуэзский водопровод того же времени в Феодосии (в Крыму). [8] Впрочем, именно XIII в. был в этом отношении переломным и для Западной Европы. Тогда появились первые, еще небольшие, водопроводы в некоторых английских городах; к этому времени относится древнейший водопровод в Лондоне Тайберн. [9]

Богатый фландрский город Брюгге славился в XIV в. по всей Европе прекрасным водоснабжением. Современники считали эту систему труб чудом, но зачатки ее восходят там тоже только к XIII в. [10] В Париже, три

---

[4] Н. И. Фальковский. История водоснабжения в России. М., 1947, стр. 32—33.
[5] МИА СССР, № 11, 1949.
[6] F. W. Robins. The story of water supply. London, 1946.
[7] Там же, стр. 94.
[8] Там же, стр. 109.
[9] Там же, стр. 129—130; см. также стр. 107.
[10] Там же, стр. 107—108.

римских водопровода которого были в начале средних веков полностью разрушены, водоснабжение развилось позднее, чем в Англии и Фландрии. Древнейший водопровод Бельвиль в Париже известен с XIV в.[11] В Германии первые сведения о проводке воды восходят тоже только к XIV в.[12] Разветвленная и древняя сеть новгородских водопроводов была, таким образом, для средневековой Европы исключительным явлением.

Деревянные водопроводы еще в Римской империи конкурировали с глиняными, свинцовыми и каменными.[13] В средние века в Западной Европе они тоже применялись, хотя и редко, от Англии до Дании, где в замке XV в. Кристиансборг деревянный водопровод восходит, повидимому, ко времени постройки замка.[14] Только в XVII в. деревянные трубы широко распространились по Европе, придя на смену свинцовым, до того преобладавшим.[15] Робинс описывает такие трубы XVII — XVIII вв.— они в среднем несколько у́же древних новгородских. В начале XIX в. на смену дереву в водопроводном деле пришел чугун.[16]

Новгородские трубы вполне оригинальны по материалу и конструкции. Во время их появления на юге (мусульманский Восток и Византия) были глиняные водопроводы, а на западе никаких не было.

В четвертом слое в северо-восточной части раскопа вскрылась стена большого деревянного сооружения, значительно превышавшего размеры всех открытых в Новгороде срубов. Стена вошла в раскоп не целиком; длина вскрытой части 17 м (рис. 3). Сооружение это делится в пределах раскопа на три прирубленных один к другому сруба. От стены сохранилось местами до четырех венцов; система скрепления сложная; диаметр бревен 0.2—0.4 м. Постройка частично лежит на материке, частично на культурном слое. Судя по стратиграфии и местоположению, это деревянная часть дворца, построенного Ярославом Мудрым и упоминаемого в летописи. Такое предположение подтверждается и тем, что других больших сооружений многолетние раскопки на Дворище нигде не открыли. Основная часть дворца находится, надо полагать, под стоящим доныне жилым каменным зданием XVII — XVIII вв.; судя по идущей в данном направлении в четвертом слое прослойке щебня, эта часть, вероятно, уже в XI в. была каменной.

Вскрытое деревянное сооружение XI в. непосредственно примыкает к каменному зданию. Предполагать, что дворец был в другом месте, нет основания, так как все остальные районы Дворища исследованы раскопками экспедиций ИИМК или Новгородского музея. Правда, остается необследованным район, непосредственно прилегающий к Волхову; но там едва ли мог находиться дворец, так как он был бы слишком удален от церкви Николы, построенной в начале XII в. на княжьем дворе, вышеупомянутое современное здание стоит прямо против этой церкви. Будущие раскопки позволят полнее изучить вскрытую в 1948 г. большую деревянную постройку, стены которой уходят в стенки раскопа.

Древний рельеф местности резко отличался от современного. Теперь поверхность Дворища довольно ровная, с равномерным склоном на запад, к Волхову. Между тем упомянутая большая постройка XI в., лежавшая, как уже говорилось, частично на материке, занимала в свое время вершину небольшого холмика. На юг от него была низина; разница в высоте была всего 2—3 м, но спуск резок. На эту низину (юго-западная часть

---

[11] Там же, стр. 162; см. также «La Grande Encyclopédie», т. 6, стр. 69.
[12] Robins. Указ. соч., стр. 124.
[13] Там же, стр. 71 и 77.
[14] Там же, стр. 160.
[15] Там же, стр. 159—161, 164, 167.
[16] Там же, стр. 168, 193—194.

раскопа) приходятся участки, начатые раскопкой в 1947 г. и законченные в 1948 г. Здесь было много мелких срубов.

Большая часть срубов связана с третьим слоем; они раскопаны еще в 1947 г. и дальнейшему изучению вширь пока не подвергались. Под ними

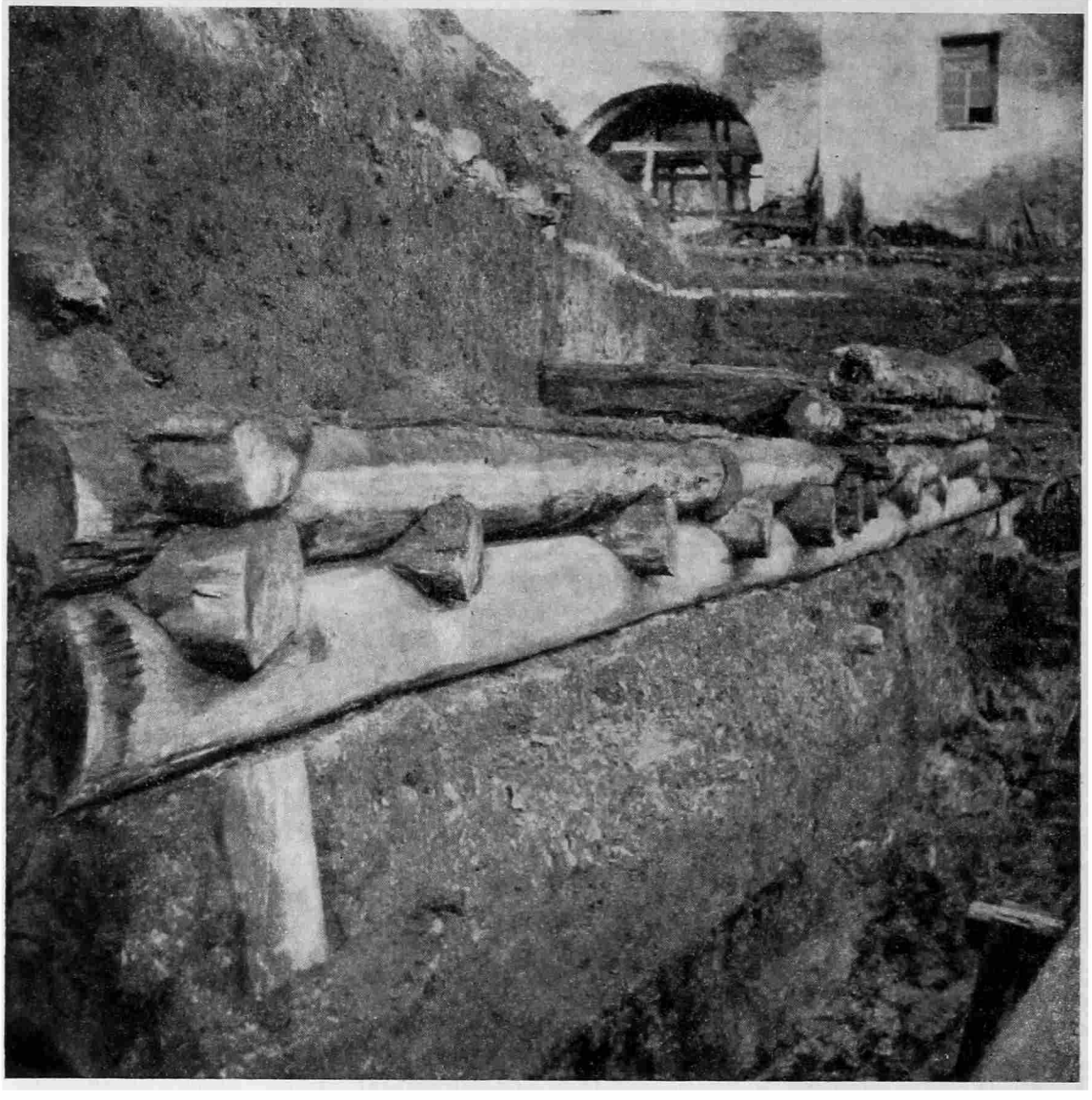


Рис. 3. Большая постройка в северо-восточной части раскопа

оказались срубы четвертого слоя, в основном современные упомянутой большой постройке XI в., но частично и более древние. Не вдаваясь здесь в их подробное описание, отмечу только, что от одного из них сохранились четыре венца на всей площади, а местами и пятый.

Впервые за 20 лет раскопок в Новгороде удалось найти слой IX в. (если не VIII) с лепной керамикой (как доказано раскопками, в X в. в Новгороде вся керамика делалась уже на кругу). Но этот древнейший слой занимал небольшую площадь в основании юго-западной части раскопа; больше такой керамики нигде не найдено. Можно попрежнему утверждать, что никакого значительного поселения на территории Новгорода в эту раннюю эпоху не было и что город возник лишь в X в., откуда и его название. До того на его месте могли быть лишь маленькие поселки, лег-

кие следы одного из которых теперь встретились. Не случайно этот древнейший русский центр называется новым городом, ему предшествовал на севере другой, еще более древний город — повидимому, Ладога.

Небольшой раскоп был заложен в проезжей части Никольского переулка, пересекающего Дворище. Это единственная часть основной территории Дворища, не подвергавшаяся еще исследованию. Длина раскопа (с севера на юг) 14 м, ширина (с запада на восток) 6 м. Никаких сооружений там не оказалось, и интересных находок тоже не было.

Особый отряд экспедиции работал на городском валу, где было продолжено исследование открытой в 1947 г. каменной крепостной стены XIV в. Здесь было обнаружено величественное каменное обрамление дороги, шедшей из крепостных ворот в Москву, и сделаны важные находки. Сведения о раскопках на валу будут опубликованы руководившим ими заместителем начальника экспедиции А. Л. Монгайтом.

Были организованы также раскопки в Перыни, на берегу Ильменя, в 4 км от Новгорода, где, по летописи, в X в. находился храм Перуна. Там и поныне стоит церковь, время постройки ее было спорно. Недавнее обследование, произведенное сотрудниками Академии архитектуры, установило, что основная кладка стен этого здания относится к XI—XII вв. Первый раскоп на Перыни был заложен сотрудниками нашей экспедиции внутри церкви. Длина его (с севера на юг) 4 м, ширина (с запада на восток) 1.75 м. Раскоп вплотную примыкал к церковным столбам и южной стене; он подтвердил наличие кладки XI—XII вв., проследив типичное для этой эпохи чередование прослоек белого камня с прослойками тонкого плинфового кирпича. Под современным полом церкви оказались два древних кирпичных пола, а под ними — культурный слой, и в нем керамика, частично сделанная на гончарном кругу, но архаичная, частично лепная. Дата слоя по керамике IX—X вв.

К югу от церкви на Перыни был заложен второй раскоп, квадратный, длина его (с севера на юг) и ширина (с запада на восток) по 8 м, глубина более 2 м. Культурный слой этого раскопа в значительной своей части датируется тоже IX—X вв. В основании слоя много лепной керамики, почти вовсе отсутствующей в Новгороде; гончарная керамика тоже характеризуется архаическими профилями, напоминающими сосуды гнездовских курганов. Из вещей в этом маленьком раскопе можно отметить только широкую железную стрелу криновидной формы (рис. 11*а*). Дерево в Перыни не сохраняется, так как там, в отличие от Новгорода, сухо. В основании слоя обнаружены две землянки (повидимому, киевского типа), вскрытые пока частично. За 20 лет раскопок землянок в Новгороде не встречалось вовсе.

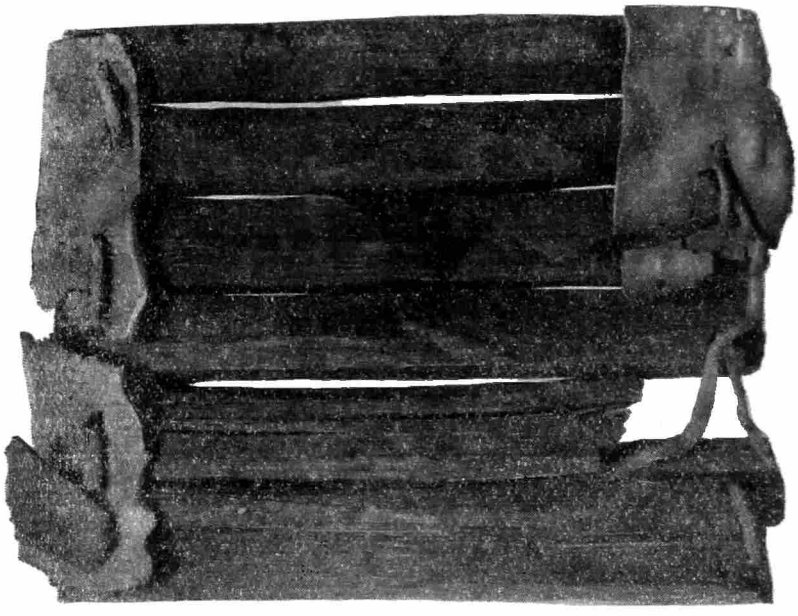
Небольшие раскопки на Перыни привели уже к существенным результатам, поскольку обнаружены следы поселения, возникшего, судя по керамике, не позднее IX в., т. е. до основания Новгорода. Слой в значительной части датируется IX—X вв., именно тем временем, когда, по летописи, на Перыни был храм Перуна. Итак, уже наметилось совпадение археологических и летописных данных. Здесь, на берегу Ильменя, существовало, повидимому, небольшое поселение культового характера. Раскопки пока были слишком малы, чтобы обнаружить храм Перуна.

Перынский холм возвышается среди низменных озерных берегов и увенчан сосновой рощей, очень живописной, особенно если смотреть со стороны Ильменя. Заложенные в роще шурфы не обнаружили следов культурного слоя, который доходит лишь до ее границ. Вероятно, на этом месте и тысячу лет назад рос лес, граничивший с храмом. Можно предполагать здесь священную рощу Перуна. Дальнейшие раскопки, уточнив границы культурного слоя, помогут проверить это предположение.

Недалеко от Перыни, на самом берегу Ильменя, экспедиция открыла неолитическую стоянку и исследовала ее разведочными раскопками. Найдены ямочно-гребенчатая керамика и кремневые орудия, в том числе хорошее кремневое копье.

Перейду теперь к характеристике вещей, добытых раскопками 1948 г. на Ярославовом Дворище. Характеристика эта предварительная, научное определение находок еще не закончено. Все упомянутые ниже предметы найдены в третьем и четвертом слоях.

Деревянных вещей попрежнему много, сохранность их на Дворище еще лучше, чем в других районах Новгорода. Среди них и теперь найдены довольно крупные предметы, в том числе целая бочка, две калитки (вроде



0 1 2 3 4 5 см

Рис. 4. Жалюзи

современных садовых) и дно лодки. Оконное жалюзи (рис. 4) очень напоминает современные жалюзи (например, пароходные), только у́же последних, поскольку в средние века были узкие окна. Жалюзи с обеих сторон обито кожаными обоймами, скреплявшими деревянные планки и приводившими их в движение. Это дает представление о характере волоковых окон в древнем Новгороде; но, судя по постоянно находимым при всех новгородских раскопках кускам слюды, здесь широко применялись также и слюдяные окна. Большой деревянный черпак (рис. 5), широкий и плоский, с прорезной ручкой, применялся, повидимому, для черпания воды из ладьи. Деревянный жезл (рис. 6) украшен восьмигранным набалдашником, каждая грань которого состоит из девяти пирамидок в ряд, всех их, таким образом, 72. Деревянные гребни (рис. 7) с одной стороны частые, с другой стороны редкие. Один из них, кроме обычного циркульного узора, имеет изображение льва, другой интересен по узору, выполненному в четыре раствора циркуля. Можно отметить еще среди находок целый хомут с отверстиями и доску, на которой большим циркулем начерчен круг (диаметр 0.11 м).

Особо стоит коснуться деревянных предметов с надписями. Это — новая для славяно-русской археологии тема, первые по ней материалы открыты в Новгороде в 1947 г.; 1948 год опять дал такие находки. Среди

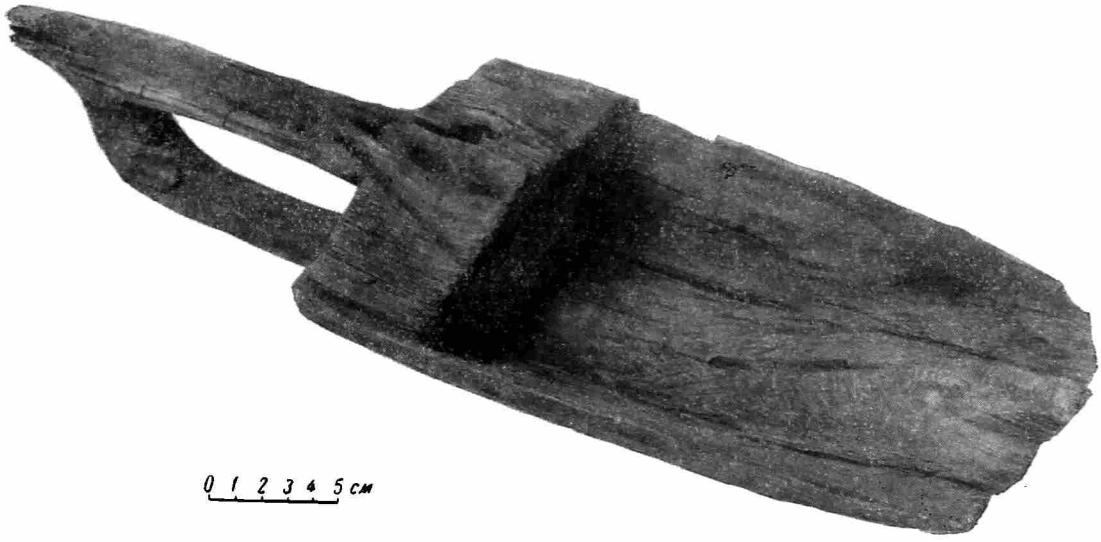


Рис. 5. Черпак

Рис. 6. Жезл

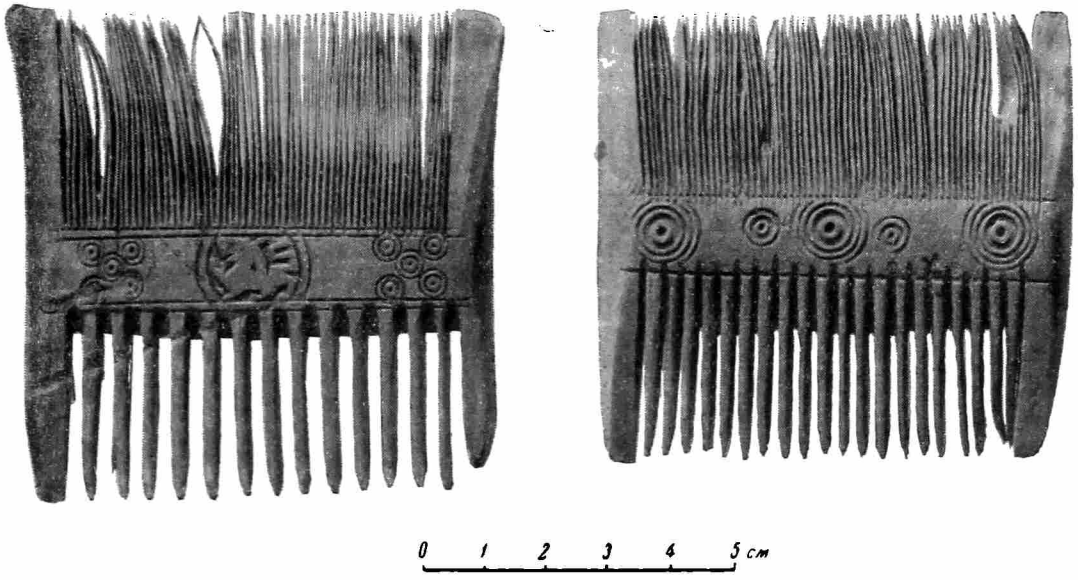


Рис. 7. Гребни

а

б

Рис. 8. Кубок (*а*) и надпись на его дне (*б*)

многочисленных сосудов, изготовленных на токарном станке, наиболее интересен кубок на высокой тонкой ножке, с широким днищем (рис. 8*а*), на котором тщательная и четкая надпись: «Смова» (рис. 8*б*),— быть может, сокращенное имя. Прямолинейная планка правильной формы имеет небрежно процарапанную надпись: «Святого Иеваноск...» (рис. 9). Здесь перед нами «Еваньскый локоть», упоминаемый в XII в. в известном уставе Всеволода Мстиславича. Оригинал этого локтя хранился в церкви Ивана на Опоках, недалеко от Дворища. На Дворище же теперь найден один из бытовых экземпляров; он обломан, поэтому надпись не завершена, и длина осталась неизвестной. Во всяком случае, форма и облик предмета подтверждают, что он служил измерительной линейкой. Эпиграфическая дата обеих надписей (на кубке и на локте), по консультации М. Н. Тихомирова, примерно XII в., что соответствует и слою, где оба

Рис. 9. Еванский локоть

предмета найдены. Вообще находки попрежнему свидетельствуют о широком распространении грамотности; среди них опять сапожная колодка, на этот раз не женская, а мужская, и не с именем, а с инициалом заказчика «Р».

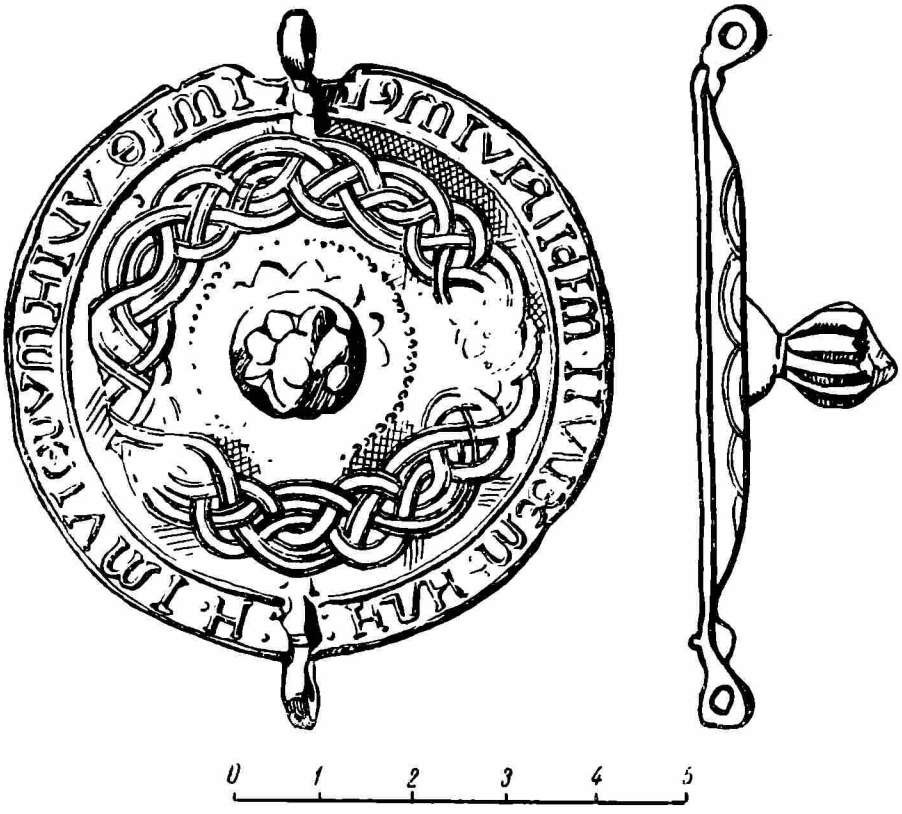


Рис. 10. Надпись тайнописью на медной крышке сосуда

Обнаружена также надпись из непонятных букв (рис. 10) не на дереве, а на меди. Она нанесена на медную крышку небольшого сосуда. Крышка эта, с ребристой головкой в центре, покрыта снаружи плетеным узором, а изнутри украшена восьмиконечной звездой. Буквы нанесены вдоль ободка, окаймляющего наружную сторону. Они довольно четки,

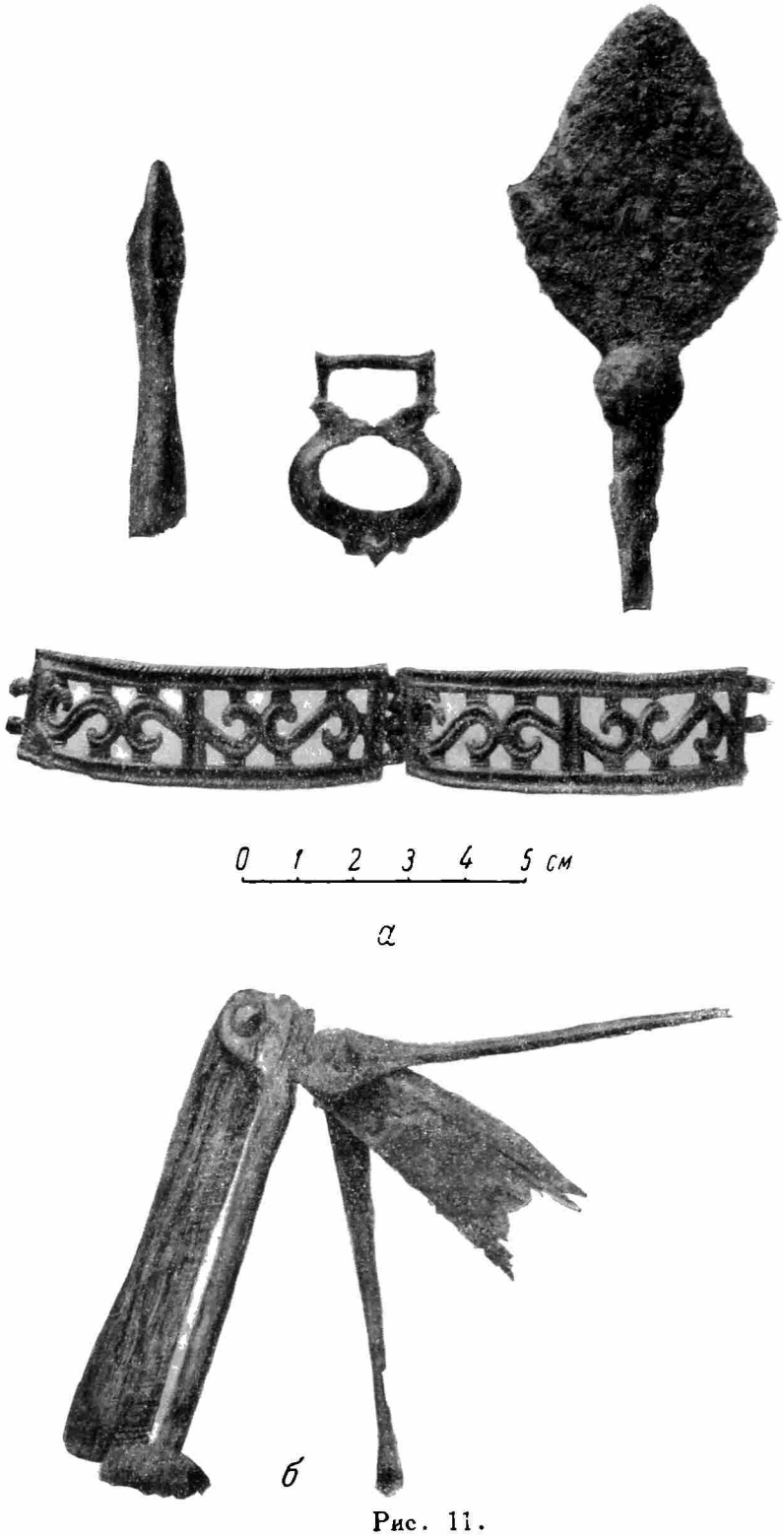


Рис. 11.
а — браслет, пряжка и две стрелы; *б* — набор инструментов

число их более сорока. Некоторые совпадают с обычными древнерусскими буквами, другие — с греческими, третьи — с глаголическими, четвертые вообще не поддаются истолкованию ни по одному из применявшихся в древней Руси алфавитов. Для прочтения этой надписи я привлекал все известные алфавиты Европы, Азии и Африки по своду алфавитов Тэйлора и

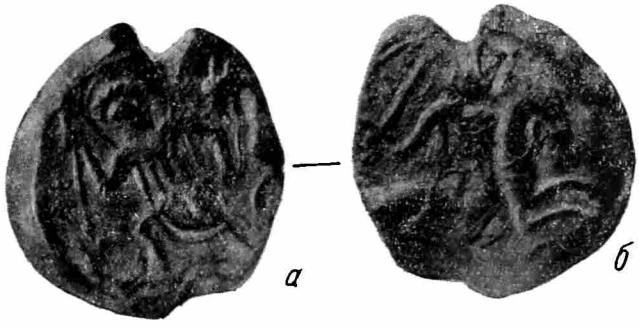


Рис. 12. Печать Александра Невского:
а — лицевая сторона; *б* — оборотная сторона

Рис. 13. Средиземноморская губка (нат. вел.)

другим изданиям; ни один из них не подошел. Несомненно, перед нами тайнопись, притом довольно типичная для древней Руси. М. Н. Сперанский, исследуя разные системы русской тайнописи, издал ряд подобных азбук, где обычные или слегка измененные буквы чередуются со специально придуманными.[17] Для некоторых систем известны ключи, но они здесь не подходят, а без ключа дешифровать тайнопись более чем трудно. Думаю все же, что рано или поздно филологи прочтут издаваемый мною теперь текст, старательно зашифрованный древними новгородцами.

---

[17] М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. Л., 1929, стр. 78—82, 87—92.

Из прочих медных вещей наиболее интересен складной браслет с ажурным узором в виде шести латинских букв S. Можно отметить еще обычную древнерусскую лировидную пряжку, поскольку такие пряжки в Новгороде пока не встречались (рис. 11*а*).

Среди железных вещей важен для истории техники набор четырех маленьких инструментов, повидимому ювелирных или костерезных: нож, шило, ложковидный резец и напильник с тонкой ручной нарезкой; все они прикреплены на шарнирах к одной железной рамке (рис. 11*б*). Такой несессер носил, очевидно, мастер при себе и применял для тонких работ. Можно отметить еще железную стрелу, втульчатую, четырехгранную (рис. 11*а*). Есть топоры, скобели, ножницы и др.

Слой XI—XIII вв. характеризовался, как всегда, стеклянными браслетами.

Наконец, надо отметить банную греческую губку, происходящую из Средиземного моря (рис. 13).

Из свинцовых вещей отмечу вислую печать с изображением на одной стороне воина, ведущего под уздцы коня, на другой стороне всадника с мечом (рис. 12). Совершенно такие же печати встречались и раньше, но не при раскопках, а в случайных находках. Н. П. Лихачев доказал, что печати с этими изображениями принадлежат Александру Невскому.[18]

---

[18] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928, стр. 89—96.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ

(1948)

Керченская экспедиция ИИМК и Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина продолжала в 1948 г. раскопки предшествующих лет. Эти работы пополнили наши представления об истории столицы Боспора, уточнили данные по исторической топографии города и жизни отдельных частей его. В частности, в 1948 г. производились раскопки акрополя и западной окраины города, до сего времени мало подвергавшихся

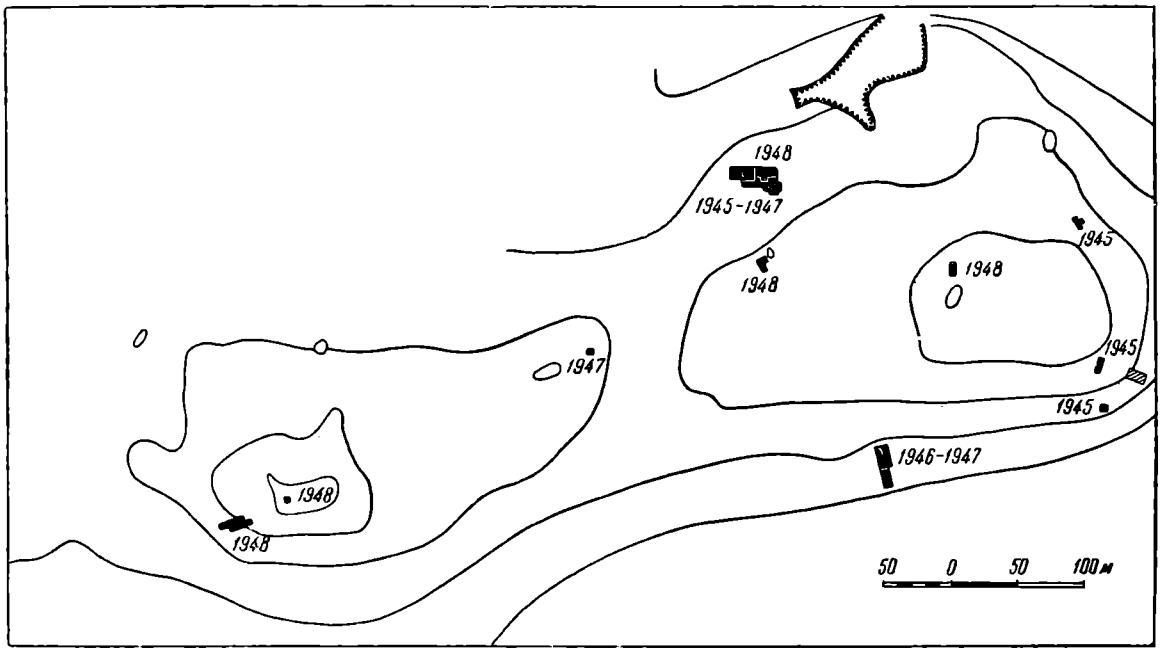


Рис. 14. Генеральный план раскопок Пантикапея

исследованию. Обильные материалы были собраны по истории строительства Пантикапея (рис. 14).

Работы производились на горе Митридат в четырех пунктах: 1) в верхней части юго-западного склона Второго Кресла Митридата, в 45 м к югу от скалистой вершины горы; 2) на северном склоне горы, около Эспланадной улицы, где продолжались раскопки 1945—1947 гг.; 3) примерно в 50 м вверх по склону горы от Эспланадного раскопа; 4) к северу от Первого Кресла Митридата.

Остановимся сначала на раскопе около Второго Кресла. Западная граница города в этом районе до сего времени не была твердо установлена. План Ашика, основывающийся на плане Бларамберга, показывает западную границу города около подножья Пирамидальной горы. Последующие раскопки и наблюдения, произведенные в 1945 г., заставляли сомневаться в правильности плана Ашика, однако вопрос нельзя было считать окончательно решенным. Исследования 1948 г. позволили точно установить западную границу Пантикапея в районе к юго-западу от Второго Кресла. Там, на верхней части покатости горы, был заложен раскоп, общей площадью 112 м^2. Он открыл мощный развал больших каменных глыб, достигавший 5 м в ширину и являющийся остатками городской оборонительной стены. Развал лежал на материковой светложелтой супеси и тянулся в направлении с юго-востока на северо-запад. Глубина материка различная — от 0.70 до 2.20 м. За пределами стен, ниже по склону холма, не было культурного слоя, за исключением пласта явной осыпи, заключавшей находки III—IV вв. н. э., местами поврежденной в XIX—XX вв.

Внутри стены обнаружены остатки вымосток — вероятно улиц, сооруженных по правилам античной фортификации. Над слоем, заключавшим находки раннеримского времени, на глубине 1.45—1.65 м обнаружен развал вымостки № 4, относящейся примерно к I в. н. э. Выше залегал слой, заключающий находки I—II вв. н. э. Над ним (на глубине 0.38—0.63 м) открыта вымостка № 3, которую можно датировать приблизительно II—III вв. н. э., ибо на ней лежал слой с находками III—IV вв. н. э. Сказанное позволяет полагать, что открытая оборонительная стена возникла примерно в I в. н. э. и, вероятно, существовала до IV в. н. э.

Не исключена, однако, возможность, что город простирался до этого места еще и в более раннее время — примерно во II в. до н. э. В пользу такого предположения говорят обнаруженные на материке находки III—II вв. до н. э. и обилие в культурном слое обломков эллинистической керамики.

В ходе работ (при удалении лежавшей над развалом земли с находками III—IV вв. н. э.) на глубине 0.45 м было обнаружено повторное захоронение (могила № 6). В чернофигурной амфоре первой половины V в. до н. э., с изображением пальметт на шейке, лежал жженый прах покойника. Среди костей найдены обломки изделий из кости, с резным орнаментом в виде меандра. Надо думать, что в позднеантичную эпоху эта амфора была обнаружена при земляных работах и перенесена на другое место. Только так можно объяснить находку ее в столь позднем слое. Напомним, что ниже по склону был некрополь более раннего времени.

В 12.75 м к северу от основного участка был раскопан квадрат 4×4 м. Работы доведены до материковой скалы на глубине 3.60 м. Обильные находки различных предметов эллинистического периода, а также I—II вв. н. э. показывают, что городская жизнь шла здесь примерно со II в. до н. э. Однако слоев указанного времени не сохранилось. На материковой скале обнаружены остатки построек III—IV вв. н. э. Достойно внимания, что при сооружении их широко применялась подтеска материковой скалы. Выше обнаружены остатки вымостки второго слоя, также относящегося к III—IV вв. н. э.

Основные работы были сосредоточены на участке к северу от Эспланадной улицы, где продолжались работы 1945—1947 гг. Там была вскрыта площадь около 160 м^2 к северо-западу от участка работ прежних лет. Раскопки доведены до материка, обнаруженного на глубине около 3.30 м. Эти работы пополнили наши представления об исследованном участке. Вместо восьми культурных напластований, известных ранее, теперь их обнаружено девять (рис. 15).

Самый ранний слой относится к VI—V вв. до н. э.— это пласт темной серо-зеленой глины, заключающей только фрагменты посуды без каких-либо остатков построек. Это побуждает считать, что в древнейшую эпоху существования Пантикапея, а равно и при Археанактидах данный участок представлял собой загородный пустырь.

Площади, вскрытые в предшествовавшие годы, позволяли думать, что пустование нашего участка продолжалось с VI до IV в. до н. э. Раскопки 1948 г. сокращают эту дату на одно столетие, когда впервые был обнаружен слой IV в. до н. э., заключающий остатки монументальной постройки. К ней принадлежит кладка (№ 110) из больших рваных камней; толщина ее около 1.00 м, в высоту она сохранилась на 0.55 м. В переплет с этой кладкой связана другая кладка (№ 91), толщиной 0.90—1.05 м. Эти развалины свидетельствуют о том, что исследуемый район в эпоху ранних Спартокидов, несомненно, вошел в городскую черту.

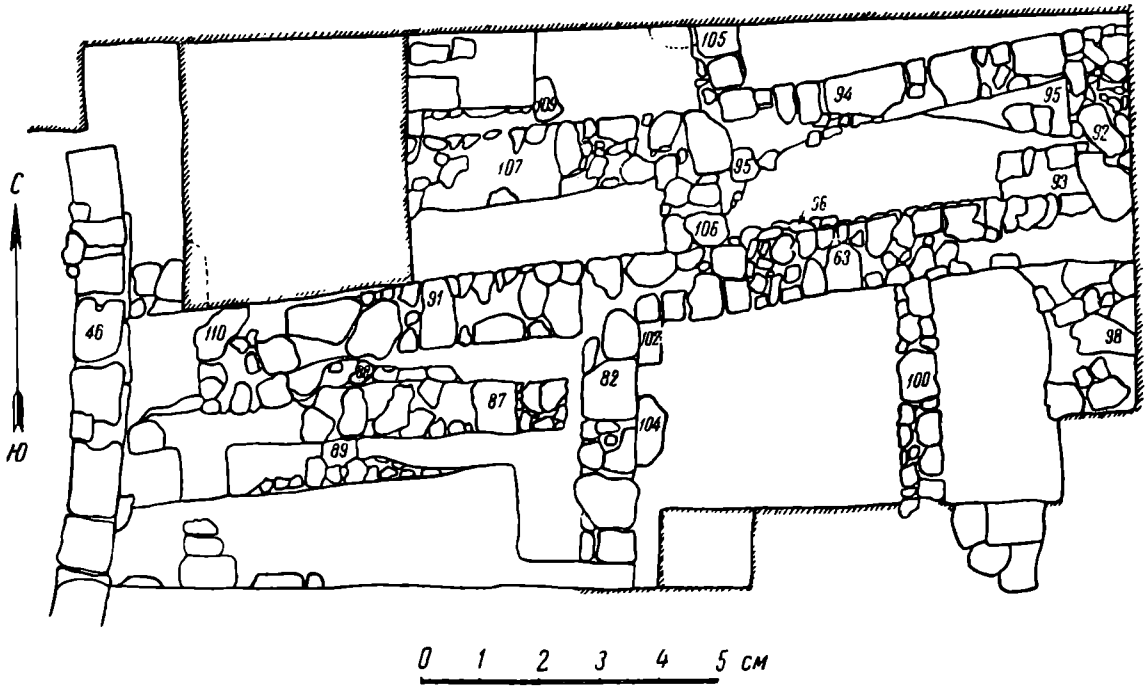


Рис. 15. План эспланадного раскопа

Выше залегал третий слой, относящийся к III—II вв. до н. э. Сооружения этого времени неоднократно были обнаружены при раскопках 1945—1947 гг. В 1948 г. была продолжена работа по выявлению монументальной кладки (№ 46), сложенной из тщательно обтесанных больших известняковых квадров, лежащих в два ряда (один над другим). Восточнее открыты развалины обширного здания, вероятно жилого дома, состоявшего из нескольких помещений, которые в 1947 г. удалось исследовать только частично. Длина вскрытой части здания 12 м, ширина около 8 м. К этому зданию относятся более или менее хорошо сохранившиеся кладки (№ 63, 63а, 82, 92, 94, 100, 105, 106, 107, 108) и вымостки (№ 93, 95, 96). При сооружении этих кладок был, видимо, широко использован бутовый камень из постройки второго слоя (IV в. до н. э.). Как известно, подобное использование камней, выбранных из старых стен,— явление, нередкое в античном строительстве вообще,— неоднократно встречалось и в Пантикапее. Более того, можно утверждать, что аналогичная судьба постигла и описываемое здание третьего слоя. Главнейшая из кладок (№ 63), принадлежавших этому зданию, местами сохранилась очень хорошо до 1.78 м в вышину (0.96 м — фундамент и 0.82 м — стена). В за-

падной же части эта кладка не сохранилась вовсе: она была выбрана до основания. Однако продолжение этой кладки удалось проследить на протяжении 3 м по яме, которая осталась после выборки камня, ибо заполнившая ее земля отличалась по характеру от остальной земли на раскапываемой площади.

Переходим к следующему, четвертому слою. Раскопки 1945—1947 гг. установили разрушение Пантикапея в конце II в. до н. э. вследствие восстания Савмака и последовавшего взятия города Диофантом. Следы разрушения и дальнейших восстановительных работ были установлены на восточном и южном склонах горы Митридат при раскопках 1945—1947 гг. В 1948 г. аналогичное явление удалось проследить и на северном склоне — на Эспланадном раскопе. Там была обнаружена большая свалка I в. до н. э., в значительной мере состоявшая из битой керамики, в особенности кровельных черепиц, часть которых имела клейма: ВАСІЛІКН.

Эта свалка строительного мусора возникла в результате разрушения домов в конце II в. до н. э. По всей вероятности, при восстановительных работах в I в. до н. э. этот мусор был удален с расчищаемых для новой стройки площадок и свален на один из заброшенных участков. Он образовал нижний горизонт свалки, верхние пласты которой (относящиеся к I—II вв. н. э.) раскапывались в предшествующие годы.

Остатки построек четвертого слоя весьма незначительны. Это развалины кладок и вымосток, небольшие по размерам и рваные по очертаниям.

Следующие, пятый и шестой, слои относятся к I и II вв. н. э. В это время в восточной части исследованного участка продолжали сооружаться постройки, от которых сохранились кладки и вымостки. В западной же части постепенно образовалась мощная мусорная свалка из золистой земли с большим количеством обломков керамики, костей животных и раковин моллюсков.

К позднеантичным слоям седьмому, восьмому и девятому, приходящимся на III—IV вв. н. э., относятся развалы вымосток и одна зерновая яма (№ 103). Прежними работами на Эспланадном раскопе было обнаружено значительное число подобных ям, свидетельствующих о рустификации сооружений в Пантикапее в позднюю эпоху его существования.

Помимо многочисленных находок, обычных для большого античного городища, особо следует отметить обломки каменных черепиц и профилированных блоков, цветной и расписной штукатурки, терракотовых украшений, в том числе антефикса со скульптурной головой богини Коры, или Деметры, примерно конца IV или начала III в. до н. э.; большое количество фрагментов расписной и рельефной посуды, а среди них часть чернолаковой ситулы с различными рельефными изображениями (рис. 16), терракотовые статуэтки, светильники, костяные изделия, среди которых часть флейты, тяжелый свинцовый отвес, много монет; наиболее интересен электровый кизикин VI в. до н. э., с изображением головы кабана и тунца.

Таким образом, работы на Эспланадном раскопе значительно пополнили ранее намечавшуюся картину тысячелетней жизни данного участка города. Они подтвердили, что в древнейшую эпоху существования Пантикапея и во времена владычества Археанактидов над Боспором этот участок находился вне городской черты. В эпоху ранних Спартокидов (IV в. до н. э.) расширившийся Пантикапей захватил и наш участок. В это время здесь появляются монументальные здания, которые продолжают сооружаться и в III—II вв. до н. э. Повидимому, исследуемый участок, как и другие части города, подвергся разрушению в конце II в. до н. э. Последующую жизнь рисуют нам главным образом данные из раскопок предшествующих лет. С I в. до н. э. резко меняется облик исследуемого района,

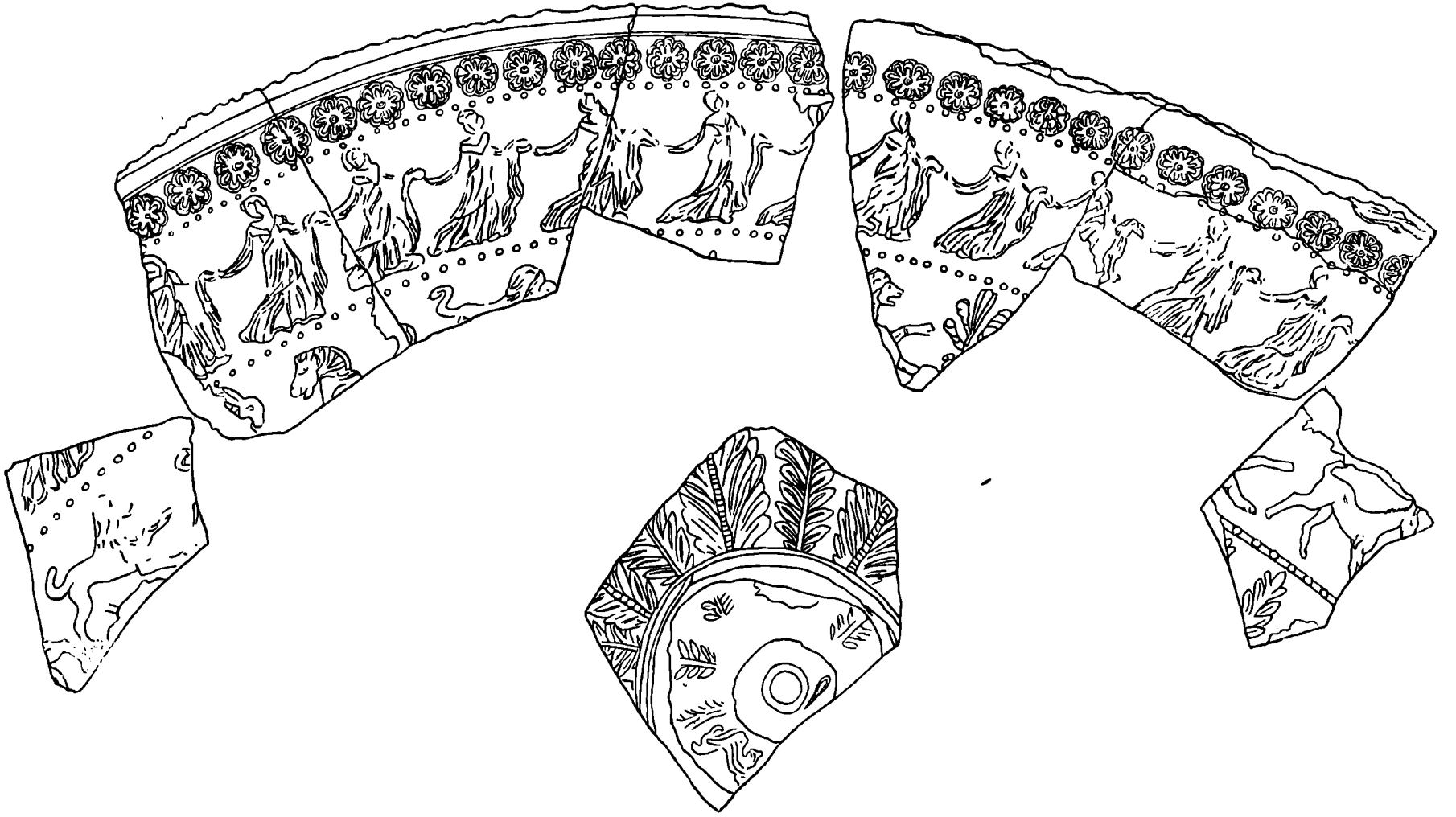


Рис. 16. Рельефные украшения чернолакового сосуда

(в развернутом виде)

на нем появляются хозяйственные сооружения: винодельни (относящиеся к I в. до н. э.— II в. н. э.), зерновые ямы (III — IV вв. н. э.).

Совершенно иную картину дал третий раскоп, расположенный, как мы отмечали, недалеко от Эспланадного, несколько выше по склону горы, уже на границе акрополя Пантикапея. Там была вскрыта небольшая площадь (48 м²). Обследована выровненная подтеской скала, служившая основанием древним оборонительным сооружениям. Восточная часть исследованной площади, отличавшаяся небольшой глубиной культурного слоя, находилась в пределах акрополя. Лежавшая вне акрополя западная часть имела мощные культурные напластования, достигавшие 4.05 м. Работы шли на двух горизонтах и были доведены до материковой скалы, имевшей в восточной части значительно более высокую отметку, чем в западной.

По зачистке скалы стало очевидно, что обработанная наподобие отвесной стены, обращенной лицом в сторону нижнего города, скала представляет собой монументальное основание крепостных сооружений. Над краем отвесного среза скалы заметно выступают многочисленные следы подтесок для укладки плит башен и стен акрополя.

В западной части раскопа самые ранние культурные напластования относятся к IV — III вв. до н. э., т. е. к эпохе ранних Спартокидов. Вполне вероятно, что уже в это время была произведена упомянутая выше подтеска скалы. При всех обстоятельствах это не могло иметь места позднее I в. до н. э. Дело в том, что в скале имеется грот; он был заложен кладкой, которую по характеру и культурному слою следует отнести к I в. до н. э. Отметим, что эта кладка имеет хищнический характер. Она состоит из разнородных блоков, подобно одновременным кладкам подпорных стен, обнаруженных на восточном склоне акрополя в 1945 г. Нужно думать, что эти особенности кладок в обоих случаях были вызваны одними и теми же явлениями — разрушением города в конце II в. до н. э. и широким использованием при восстановительных работах строительных материалов, взятых из различных разновременных построек.

С верхней террасы восточной части раскопа в грот вело отверстие в виде люка не вполне правильной круглой формы, диаметром 0.70—0.76 м. Люк был заложен камнями. Выше лежал слой, заключавший находки I в. до н. э.

Следующий, третий слой, обнаруженный в обеих частях раскопа, относился к I—II вв. н. э. Выше залегал последний, четвертый слой, относящийся к III — IV вв. н. э., по большей части перекрытый мощным слоем пожарища — черной сажи, без находок. Над этим слоем находился тонкий дерновый слой. Можно полагать, что в позднеантичное время исследуемый участок пришел в запустение, и на нем могли происходить захоронения. К этому времени относится обнаруженная на глубине 1.84—2.05 м (в слое I — II вв. н. э.) могила № 7 с раздавленной остродонной реберчатой амфорой, заключавшей кости младенца. Амфора была ориентирована горлом на ССВ.

Находки на описываемом раскопе были весьма обильны и заметно отличались от находок на других раскопах. Это объясняется, видимо, иным характером жизни на акрополе по сравнению с другими частями города, а равно и наличием на нем парадных общественных зданий. Примечательно, что вне акрополя найдено значительное число светильников с одним или двумя рожками. Светильников на описываемом раскопе найдено немного, но среди них имеется один девятирожковый. Подобный светильник скорее всего был предназначен для общественного здания. Особенно характерно для данной территории наличие значительного количества различных частей и обломков парадных построек. Здесь прежде всего выделяются три больших блока карниза из мраморовидного известняка.

Размеры одного из них 0.96 × 0.60 × 0.33 м. Эти части карниза принадлежали, несомненно, монументальному зданию.

Не менее важны многочисленные обломки облицованных плиток различных форм из белого, пестрого и красного мрамора. Эти плитки заставляют вспомнить так называемый инкрустационный стиль росписей боспорских склепов. Истоки данного стиля обычно принято было видеть только в метрополии. Данные находки свидетельствуют о существовании на акрополе Пантикапея парадных зданий, богато украшенных разноцветными мраморными облицовками, которые могли служить образцами для художников, расписывавших боспорские склепы.

Четвертый раскоп, площадью 32 м², был разбит в самой верхней части акрополя, к северу от Первого Кресла Митридата. Работы были доведены до материковой скалы, наибольшая глубина их достигала 3.27 м. В расселинах скал были найдены черепки архаической керамики, показавшие наличие культурной жизни в этом районе еще в VI в. до н. э.

Наличие только одного культурного слоя III—IV вв. н. э., лежавшего непосредственно на скале, заставляет полагать, что все предшествующие культурные напластования V в. до н. э.— II в. н. э. старательно удалялись с вершины акрополя, вероятно, на свалки за чертой древнего города. Это наглядно свидетельствует о высоком уровне благоустройства акрополя Пантикапея.

Помимо работ на горе Митридат, экспедицией 1948 г. был исследован курган, находящийся в ближайших окрестностях Керчи, недалеко от железнодорожной станции Керчь-Вторая. Высота кургана в настоящее время достигает 5.5 м, диаметр — 65 м. Вершина кургана сильно повреждена земляными работами. Северо-восточная часть его срыта до подошвы при сооружении круглой в плане каменной печи, глубоко впущенной в курганную насыпь. В юго-восточную полу кургана врезан широкий открытый карьер. Верхняя часть кургана повреждена с южной и юго-западной сторон; средняя и нижняя — с северной, северо-западной, западной, юго-западной и южной сторон.

В одной из выемок с юго-западной стороны, в обрезе северного и восточного борта, на глубине 0.60—1.40 м заметно выступал пласт известняковых отесков, около 0.05 м толщиной, очевидно, представлявших собою строительный мусор, оставшийся при сооружении каменного склепа. В насыпной земле, лежавшей в этой выемке, найден обломок массивной мраморной ножки в виде сустава лапы льва, около 0.23 м высотой. Эта ножка, по всей вероятности, является частью жертвенного стола.

В западной части кургана была вскрыта площадь в 80 м². В нижней части западной полы была обнаружена большая, прямо стоявшая профилированная плита из известняка, представлявшая собой массивную ножку жертвенного стола. Длина плиты 1.28 м, высота 0.61—0.74 м, толщина 0.18—0.20 м. Профиль торца плиты соответствует очертаниям львиной лапы.

Находок в курганной насыпи немного, главным образом это черепки посуды. Среди них отметим обломок акварельной пелики с росписью розовой и голубой краской по черной глине, а также осколок сосуда, покрытого красным лаком. Заслуживает упоминания обломок квадра, на котором сохранилась часть штукатурки.

В южной части вскрытой площади сначала было обнаружено пятно рушенной гумированной белоглазки, представлявшей засыпь впускного склепа. В засыпи найдено 14 кедровых шишек. В дальнейшем был открыт каменный склеп, верхняя часть которого находилась на уровне курганной насыпи, остальная часть была впущена в материковую белоглазку на 1.75 м в глубину.

Вход в склеп был с запада. Широкая дверь вела в прямоугольное помещение, перекрытое полуциркульным сводом. Склеп был сложен из больших, тщательно отесанных каменных блоков. Вся кладка исполнена насухо, только местами, где хрупкий камень при укладке тяжелых блоков давал трещины, применялась подмазка строительным раствором, чтобы заделать выбоины или приморозить отпавшие куски.

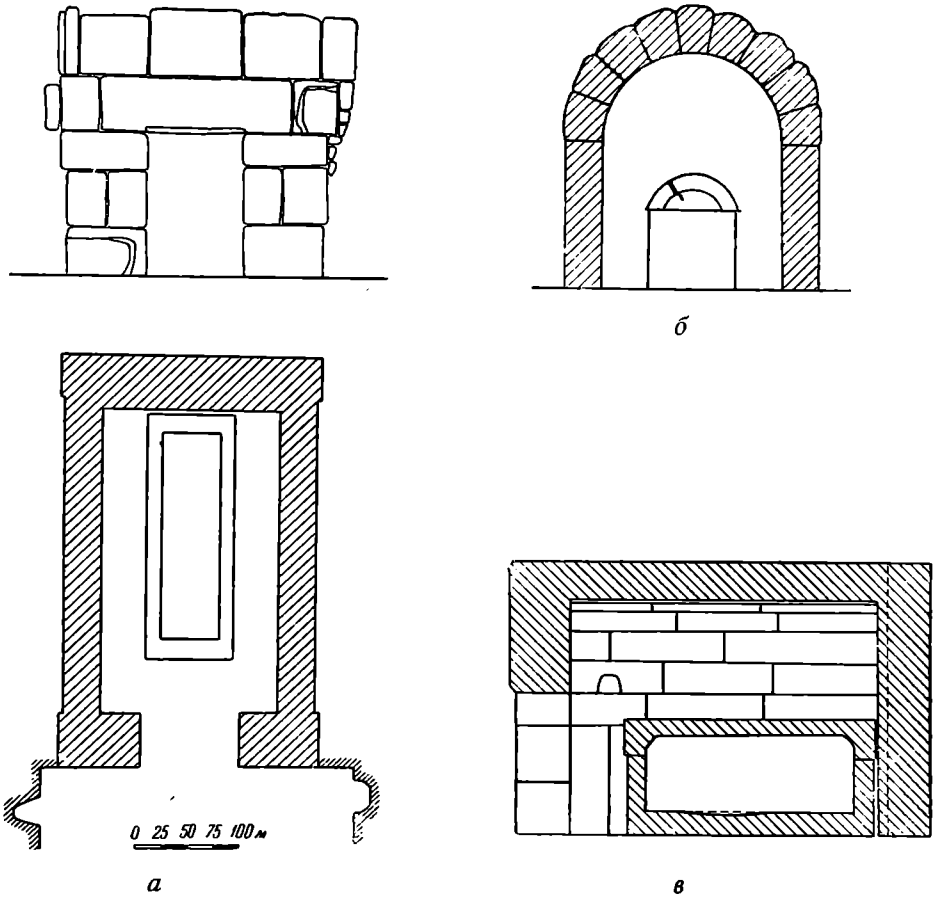


Рис. 17. Склеп:

а — фасад и план; *б* — поперечный разрез; *в* — продольный

Склеп отличается простотой и монументальностью форм (рис. 17). Фасад его имеет 2.47 м в высоту; ширина его в нижней части 2.56 м, несколько увеличивается вверху, достигая 2.78 м. Эта своеобразная особенность объясняется тем, что наш склеп впускной. Он сооружался не как надземная постройка, а строился в котловане, вырытом в кургане. Фасад склепа сложен из пяти рядов симметрично расположенных больших, преимущественно высоких каменных блоков. Простая по очертаниям дверь прорезает фасад. Проем ее немного суживается кверху. Ширина проема вверху 0.89 м, внизу — 0.91 м, при высоте 1.35 м. Порогом служила довольно тонкая плита. Высоте двери соответствуют три нижних ряда камней. Они образуют два мощных простенка или столба, каждый из которых сложен из четырех камней; внизу широкая, длинная плита, на ней по два поставленных рядом высоких парных блока; на блоках опять широкая, длинная плита. Дверной проем перекрыт громадным блоком, достигающим 1.82 м в длину, 0.52 м в высоту и 0.60 м в толщину. Этот блок и два других по его сторонам немного шире камней трех нижних рядов и в силу этого несколько нависают над ними. Край блока, находящийся над дверью, обработан простой подрезкой. Верхний, пятый, ряд состоит из трех довольно широких и двух узких блоков.

Торцовая стена склепа имеет 0.49—0.51 м в толщину; она выложена в один камень, в силу чего сетка швов внутри склепа точно отвечает наружной. Вышине трех нижних рядов торца отвечает высота продольных стен склепа, также сложенных из трех рядов камней. На продольные стены опирается перекрывающий камеру полуциркульный свод. Таким образом, высота пят свода строго отвечает высоте постели блока, перекрывающего дверной проем. Свод состоит из девяти рядов узких клинчатых камней. Эти клинья расположены не раздельными полукольцами, а связаны в переплет. Толщина свода около 0.35 м. Восточная стена камеры, подобно западной, сложена из больших блоков, толщина стены около 0.50 м. Камера имеет в плане прямоугольную форму (с незначительными отклонениями). Длина восточной стороны 1.68 м, западной — 1.67 м, северной — 2.85 м, южной — 2.82 м. Высота до пяты свода 1.40, до шелыги — 2.17 м.

В углу, налево от входа, в нижнем блоке, над самой пятой свода находится небольшая ниша для светильника. Длина ее 0.20 м, высота — 0.16, глубина — 0.13 м. Ниша вырублена инструментом, ширина лезвия которого была 0.062 м.

В склепе стоял большой монолитный каменный саркофаг, одной из узких сторон придвинутый к задней стене склепа. Длина ящика достигала 2.26 м, ширина — 0.80, высота — 0.75 м; толщина стенок — 0.13 и 0.18 м. На верхней поверхности саркофага видны следы меток для выемки породы каменотесом. Юго-восточный угол ящика не выбран полностью. Крышка саркофага, также монолитная, имела подобие невысокого свода; длина ее 2.32 м, ширина — 0.86 м, высота — 0.33 м. На крышке следы, видимо, того же инструмента, которым вырублена ниша при входе.

Склеп подвергся сильному разграблению, притом не менее двух раз. Камни заклада, закрывавшего вход в склеп, были смещены и по большей части оказались втащенными в камеру. Помимо этого, в юго-восточном углу свода находилась пробоина. Через эту пробоину, оставленную грабителями незакрытой, в склеп насыпалось большое количество рыхлой земли.

Снаружи, перед входом в склеп, около вывороченных камней заклада обнаружены остатки совершенно разрушенного деревянного предмета с сильно поврежденными ржавчиной железными частями. Содержимое склепа подверглось сильному разграблению и разрушению. Крышка саркофага была сброшена грабителями к северной стене камеры. Внутри саркофага оказались лишь незначительные остатки погребения. Посредине обнаружены следы дерева, а под ним — подстилка из лавровых листьев. В восточной части саркофага найдены кедровая шишка, обломок бедряной кости, два позвонка, часть лопатки, коленная чашка и несколько мелких обломков других костей. На полу склепа местами заметны следы перегнившего дерева, человеческие кости и немногочисленные уцелевшие находки. Около северной стены камеры найден раздавленный человеческий череп с сильно стертыми зубами и остатки деревянной шкатулки с бронзовым запором, ручкой и ключом. Наличие шкатулки позволяет заключить, что в склепе, по всей вероятности, была похоронена женщина. Недалеко от шкатулки обнаружены остатки погребального золотого венка — тонкие листики и маленькие плоды (?), золотая индикация со схематическим изображением герма и глиняный флакон.

В юго-восточном углу саркофага, среди остатков истлевшего дерева, обнаружена довольно хорошо сохранившаяся деревянная голова пантеры с инкрустированным глазом из белой и черной пасты. Скорее всего, эта голова служила украшением какого-либо предмета, возможно небольшого столика. Вполне вероятно, что частью ножки этого столика является обломок дерева, найденный в западной части склепа, там же обнаружены и куски железных гвоздей. Наконец, следует упомянуть о раз-

бросанных у южной стены многочисленных осколках толстостенного хрустального сосуда с рельефным узором в виде поясков, точек, ветки с листьями и пальмовой ветви.

Остатки погребального инвентаря и архитектура позволяют датировать склеп I в. н. э.

Несмотря на сильнейшие повреждения, причиненные грабителями, склеп, открытый в 1948 г., представляет большой интерес для истории культуры и искусства Боспора I в. н. э. Суровый простой язык архитектурных форм сильно отличается от расписных склепов первых веков нашей эры и заставляет вспомнить уступчатые склепы ранних Спартокидов. Весьма примечательно также соответствие сводчатого склепа и стоящего в нем саркофага с округлой по форме крышкой.

Наконец, следует заметить, что в 1948 г. были довершены начатые в предшествовавшем году работы по обмерам и описанию Золотого кургана.

Таковы результаты работ, производившихся экспедицией в 1948 г. Еще до начала этих раскопок в Керчи, при обходе городских улиц сделано было наблюдение, весьма существенное для истории северной части Пантикапея. Вдоль северной стороны улицы Карла Маркса, между улицей Ворошилова и Крестьянской, вырыта узкая канава около 1 м глубиной. В выкиде сильно гумированной земли обнаружено небольшое количество черепков простой посуды, в том числе остродонных амфор последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры, а также краснолаковой посуды.

Среди случайных находок и приобретений экспедиции наибольший интерес представляет блок дорийского архитрава из белого мрамора. Высота блока 0.31 м, ширина 0.17—0.22 м, в длину он сохранился на 1.18 м. На верхнем крае блока сохранились гутты двух триглифов. Небольшим сбоем у сохранившегося края архитрава уничтожены гутты, отвечавшие приходившейся над ними половине триглифа.

Большая часть лицевой стороны блока занята следующей надписью:

ΒΑΣΙΛΕΙΜΕΓΑΛΩΙΑΣΠΟΥΡΓΩΙΦΙΛΟ ΡΩΜΑΙΩΙΤΩ ...
ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΙΠΑΝΤΟΣ ΒΟΣΠΟΡΟΥΚΑΙ ΘΕΟΔΟΣΙΑΣΚ ...
ΨΗΣΩΝΤΕΚΑΙΤΑΝΑΙΤΩΝΥΠΟΤΑΞΑΝΤΙΣΚΥΘΑΣΚ ...
ΤΩΙΕΑΥΤΟΥΣΩΤΗΡΙΚΑΙΕΥΕΡΓΕΤΗΙΚΑΘΙΕΡΩΣΕ ...
ΕΝΤΩΙΚΤΕΤΕ ...

Как видно из текста, правая часть надписи утрачена, однако первые две строчки ее могут быть без особого труда восстановлены. В них заключается титул царя Аспурга, известный нам по надписи Менестрата, сына Менестрата.[1] Значительно сложнее обстоит дело с третьей и четвертой строками, содержание которых, как нам представляется, не поддается надежному восполнению. О них мы можем высказывать лишь более или менее достоверные догадки. В третьей строке могли находиться имя, отчество и титул посвятившего лица или, что более вероятно, наименование корпорации или общины. Тогда в четвертой строке, скорее всего, можно ожидать наименования эпимелетов. В конце пятой строки должно стоять указание месяца и дня посвящения.

Итак, предлагаю текст надписи восстановить следующим образом:

Βασιλεῖ μεγάλωι Ἀσπούργωι φιλορωμαίωι, τω[ι ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου,]
βασιλεύοντι παντὸς Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας κα[ὶ Σινδῶν καὶ Μαιτῶν καὶ Ταρπείτων καὶ Τορετῶν]

[1] IosPE, II, № 36.

Ψησῶν τε καὶ Ταναιτῶν ὑποτάξαντι Σκύθας κ[αὶ Ταύρους...
τῶι ἑαυτοῦ σωτῆρι καὶ εὐεργέτηι καθ(ε)ιέρωσε...
ἐν τωι κτ ἔτε[ι καὶ μηνὶ...

Перевод: Великому царю Аспургу, другу римлян, происходящему от царя Асандроха, друга кесарей и друга римлян, царствующему над всем Боспором и Феодосией и Синдами и Мэотами и Тарпитами и Торетами, Псесами и Танаитами, подчинившему Скифов и Тавров [такая-то община] своему спасителю и благодетелю посвятила [попечениям таких-то] в 320 году [в таком-то месяце, дня такого-то].

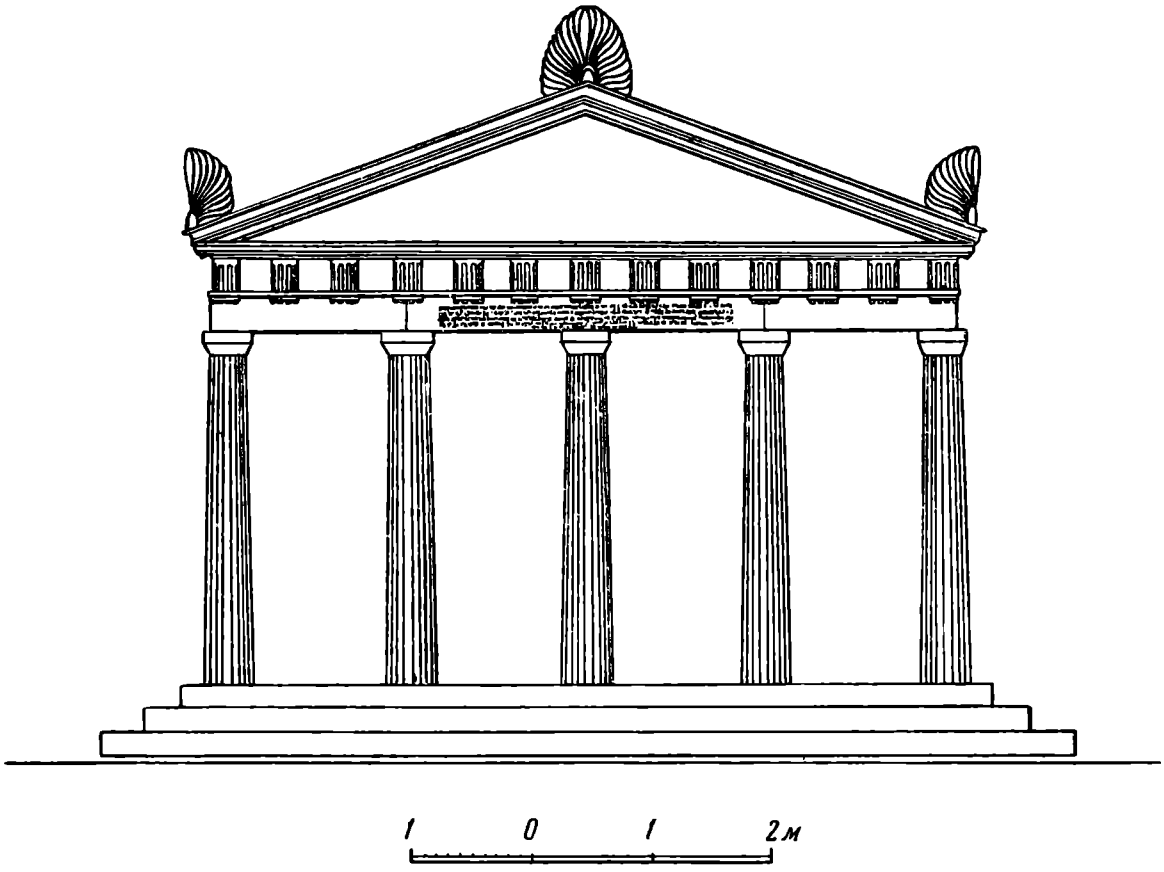


Рис. 18. Реконструкция фасада здания, посвященного Аспургу

320 год боспорской эры, как известно, отвечает 23 году н. э. Содержание надписи свидетельствует о посвящении царю Аспургу сооружения, частью которого был дошедший до нас блок. Архитрав может принадлежать только ордерной постройке. Правда, архитравы известны и на алтарях, но наличие четких следов абака у сохранившегося края на нижней поверхности блока не только не позволяет сомневаться в принадлежности нашего архитрава к ордерному зданию, но еще позволяет установить величину капители (длина абака 0.40 м). Следовательно, можно примерно установить и высоту колонн. Восстановление антаблемента по архитраву также не вызывает затруднений.

Таким образом, описываемый нами блок является частью ордерной постройки, которая, вероятно, представляла собой храм или портик. Как мы уже говорили, расчет пропорций ордера разрешается сравнительно просто. Сложнее обстоит дело с решением вопроса о фасаде этого здания. Сколько было колонн и каковы были интерколумнии? Доступные нам данные по боспорской ордерной архитектуре весьма скудны. Однако известны изображения двух построек, довольно близких по типу и не очень

далеких по времени. Это изображение героона на рельефе эллинистического времени из Пантикапея[2] и Капитолия на монетах Котиса II и Евпатора. Оба здания имеют пятиколонный фасад. На основании этого мы можем высказать предположение, что и наше здание, посвященное Аспургу, имело пять колонн по фасаду (рис. 18). Такую реконструкцию (с тремя метопами в интерколумниях) можно проверить двумя путями — данными эпиграфики и строительной техники.

Не подлежит сомнению, что надпись на торцовой стороне любого здания должна занимать середину фасада. От первой строки нашей надписи сохранилось 36 букв, из них семь представляют собой очень узкую букву — иоту; утрачено 46 букв, из которых шесть иот. Другими словами, до нас дошло, примерно, $^3/_7$ надписи и нехватает $^4/_7$. Следовательно, общая длина надписи весьма значительна. Она не могла бы уместиться на одном блоке архитрава, ибо тогда в пролете между двумя колоннами оказалось бы примерно шесть метоп, что явно невозможно. Это неизбежно приводит к выводу, что надпись занимала два блока архитрава, следовательно, посредине фасада должна быть колонна, а не интерколумний. Итак, число колонн на фасаде оказывается нечетным и притом не менее пяти, ибо наш блок явно не мог быть с краю фасада.

Другая проверка нашей реконструкции возможна данными строительной техники. П. В. Щусев любезно произвел расчет работы балки на прогиб при предлагаемой нами реконструкции. Сечение балки таково, что при предлагаемой нами длине 1.5 м она должна нести нагрузку 7.5 кг на 1 см^2. Такая нагрузка вполне возможна; более того, она как раз характерна для построек первых веков нашей эры, ибо постройки более раннего времени были более прочны. Вместе с тем, значительное увеличение нагрузки недопустимо, что заставляет притти к двум выводам: трудно предполагать четное число колонн на фасаде, ибо это вызвало бы значительное увеличение нагрузки; еще менее вероятно, чтобы число колонн на фасаде могло быть более пяти, так как это, непомерно увеличив фронтон, привело бы к еще большей нагрузке. Таким образом, все сказанное подтверждает предлагаемую реконструкцию пятиколонного фасада здания.

Вновь открытая надпись является ценнейшим документом для истории Боспора. Она позволяет категорически утверждать, что в 320 г. боспорской эры (23 г. н. э.) Аспург управлял Боспором. До сего времени дата конца правления Аспурга (235 г. боспорской эры; 38 г. н. э.) была установлена только предположительно. Данные эпиграфики надежно подтверждали ее только до 313 г. боспорской эры (16 г. н. э.); теперь стала доступной надпись, датированная семью годами позднее.

Не менее важно и то, что в надписи говорится о посвящении здания царю Аспургу. Такая формула в надписях, найденных на Боспоре и в других местах, применялась только по отношению к божеству. Это наводит на мысль, что Аспург был обожествлен, а наш архитрав является частью здания (скорее всего храма), посвященного этому правителю. Обожествление Аспурга, видимо, произошло через некоторое время после обожествления Августа и строительства храмов Роме и Августу в восточных провинциях. В обожествлении Аспурга нам представляется возможным видеть стремление Боспора сохранить свое значение. Притязавшему на власть над Боспором Риму противопоставлялся авторитет обожествленного боспорского царя.

---

[2] В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, стр. 83, рис. 48.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

II. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМЕ

И. И. ЛЯПУШКИН

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА [1]

I

Памятники культуры «полей погребений» [2] представляют одну из интереснейших групп среди древностей среднего Приднепровья. Впервые они были обнаружены и исследованы Хвойка в конце XIX в. [3] С первых же дней открытия поля погребений привлекли внимание многих исследователей, однако после Хвойка длительное время никто не занимался их серьезным изучением. Особенно мало было сделано в изучении полей погребений на территории Левобережья Днепра, вследствие чего создавалось впечатление, что поля погребений являются памятниками преимущественно Правобережья.

Первоначальные не вызывающие никакого сомнения данные о наличии на Левобережье элементов культуры полей погребений первой половины I тысячелетия н. э. связаны с открытием и исследованием М. Я. Рудинским в 1924 г. могильника и поселения у с. Кантемировка Чутовского р-на Полтавской обл. [4] Число известных памятников полей погребений стало быстро возрастать в послевоенные годы в связи с широкими разведочными работами, предпринятыми ИИМК и ИА АН УССР. За время полевых работ (1940, 1945—1948 гг.) Левобережной экспедицией было обследовано более 30 памятников, относящихся к культуре полей погребений. Следует отметить, что из обширной территории Левобережья только бассейн среднего и нижнего течения р. Ворсклы был подвергнут сплошному обследованию, да и то преимущественно в нагорной части; вся же остальная область (бассейны рек Псла, Сулы, Сейма, нижнего течения Десны, верховьев Сев. Донца) была охвачена лишь предварительными разведками. Нет никакого сомнения в том, что выявленные памятники составляют лишь незначительный процент их действительного наличия.

---

[1] Полный текст доклада печатается в «СА», XIII; термин «поля погребений» в тексте дается без кавычек, хотя понимается автором условно.

[2] Термин «культура полей погребений» далеко не отвечает содержанию рассматриваемых памятников. Мы пользуемся им в том же условном значении, в каком он применяется большинством исследователей к памятникам первой половины I тысячелетия н. э. среднего Приднепровья и смежных областей.

[3] В. В. Хвойка. Поля погребений в среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII. Новая серия. СПб., 1901.

[4] М. Рудинський. Кантамирівські могили римської доби Записки ВУАК. т. I, Київ, 1930.

Это подтверждается ежегодными открытиями новых памятников этой культуры. Весьма показательны в этом отношении результаты 20-летней работы харьковских научно-исследовательских учреждений, ставшие известными широкому кругу исследователей только в последнее время.[5]

Вновь открытые памятники в совокупности с известными ранее коренным образом изменяют представление о месте культуры полей погребений в области Левобережья. Взять хотя бы количественные показатели. На Левобережье поселений культуры полей погребений черняховского типа известно сейчас больше, чем на Правобережье в рамках одних и тех же широт (Сейм — Ворскла и Тетерев — Рось). Территориально эти памятники охватывают не какую-либо узкую полосу, а все лесостепное Левобережье от Днепра до Сев. Донца и от Ворсклы до Сейма. Правда, известные нам памятники в очерченной области размещены неравномерно. Их больше в бассейне Ворсклы и верхнего течения Сев. Донца, но они имеются и в бассейнах нижнего и верхнего течения рек Псла и Сулы, а также по левому берегу Днепра — от устья Орели до Трубежа. Остатки их прослеживаются и в бассейне Сейма. Однако эти данные не могут являться свидетельством того, какой из районов Левобережья в начале нашей эры был населен плотнее. Это — показатель лишь степени изученности того или иного района, не больше. В этом в достаточной мере убеждает полевая работа последних лет (рис. 19).

II

Подавляющее большинство известных нам памятников культуры полей погребений — поселения. По своему внешнему облику поселения весьма однообразны. Это — открытые, не имеющие никаких искусственных укреплений пункты, селища. На Левобережье неизвестно ни одного городища, где были бы найдены отложения этой культуры. Не меньше однообразия и в топографическом размещении этих памятников. Все известные поселения Левобережья расположены на первой надпойменной террасе, при устьях небольших речек или мокрых балок. Они тянутся узкой (50—100 м) полосой вдоль берега на протяжении от сотни метров до километра и более.

Поселения полей погребений Левобережья почти не подвергались исследованиям. Незначительные раскопки были произведены лишь в двух точках — у сел. Кантемировка[6] и Пересечное.[7] Но результаты и этих исследований остаются неопубликованными. Все материалы, на основе которых дается характеристика этой культуры, подъемные, собранные при обследовании поселений. Они не позволяют воссоздать полную картину общественного и хозяйственного строя жизни обитателей Левобережья. Нет возможности обосновать и твердые хронологические границы как отдельных поселений, так и культуры в целом. Вот почему мы датируем эти памятники широкими хронологическими рамками — первой половиной I тысячелетия н. э., несколько отступая от наиболее распространенной в настоящее время датировки II—IV в. н. э.

Основную массу культурных отложений на поселениях составляют остатки глиняной посуды, куски обожженной глины с отпечатками прутьев и кольев, кости животных и т. п. На многих поселениях остатки глиняной посуды принадлежат сосудам, изготовленным на гончарном круге; но на

---

[5] І. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харьківської області. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 164—178.

[6] М. Рудинський. Указ. соч.

[7] І. Луцкевич. Указ. соч.

некоторых встречаются и остатки лепных сосудов. В некоторых случаях облик последних не вызывает сомнений в принадлежности их к иным культурно-хронологическим комплексам (к эпохе бронзы или скифскому времени). На большей же части поселений остатки лепной посуды настолько мало характерны, что нет возможности не только найти им место среди известных керамических групп, но даже и восстановить хотя бы приблизительно типы отдельных сосудов. Остатки посуды, сделанной на гончарном круге, достаточно выразительны, и принадлежность их к сосудам черняховского типа не вызывает сомнений. Часто встречаются остатки амфор так называемого римского типа, изредка — предметы украшения: фибулы, поясные пряжки, бусы из стекла и горных пород (сердолик) и т. п. [8]

Существенное место среди материалов, характеризующих культуру полей погребений, занимают остатки гончарных обжигательных печей. В области Левобережья известны три таких пункта: с. Коровинцы Сумской обл. Недригайловского р-на, [9] с. Пересечное Харьковской обл. Дергачевского р-на, [10] с. Фроловка Полтавской обл. Чутовского р-на. [11]

Могильников полей погребений в области Левобережья известно немного, всего семь. Как и поселения, могильники почти не исследовались. Незначительным раскопкам были подвергнуты лишь могильники у сел Кантемировка, Пересечное и Гурбинцы. Остальные были открыты случайно при хозяйственных земляных работах.

В могильниках у сел. Горбинцы, [12] Пересечное [13] и Свинковка [14] обнаружены два обряда захоронения — трупосожжение и трупоположение в обыкновенных ямах. В могильнике у с. Писаревка [15] — только трупоположение. Все эти могильники бескурганные. Могильники курганные, содержащие инвентарь полей погребений, имеют иной обряд захоронения — трупоположение в глубоких ямах с камерами; таковы Кантемировский могильник [16] и могильник у с. Воронцовка. [17] В инвентаре Кантемировских погребений наряду с вещами, характерными для культуры полей погребений (керамики черняховского типа), имеются и такие, которые ближе стоят к инвентарю сарматских могил. Автор исследования называет эти вещи «варварскими элементами». [18]

Некоторые дополнительные данные для суждения о характере культуры полей погребений можно почерпнуть из случайно найденных материалов, хранящихся в местных музеях. Интересен в этом отношении «клад», открытый в 1922 г. при рытье колодца в с. Коровинцы Сумской обл. Недригайловского р-на (б. Роменский уезд), находящийся сейчас в Роменском краеведческом музее. [19] Основную часть «клада» составляют сосуды черняховского типа. «Клад» интересен, однако, не керамикой, а вещами из железа, особенно плужным ножом (чересло́м), который, с нашей точки зрения,

---

[8] І. Луцкевич. Указ. соч., стр. 165, 168, 169, 175, 176.

[9] Обнаружена Днепровской Левобережной археологической экспедицией 1948 г.

[10] І. Луцкевич. Указ. соч., стр. 168.

[11] Збірник, т. І, присвячений 35-річчю музею. Полтава, 1928; Хроніка, стр. 287—288.

[12] М. Макаренко. Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р., Київ, 1927, стр. 111—112.

[13] І. Луцкевич. Указ. соч.

[14] И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы, КСИИМК, вып. XVII, М.—Л., 1947, стр. 128—129.

[15] И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, № 12.

[16] М. Рудинський. Указ. соч.

[17] І. Луцкевич. Указ. соч.

[18] М. Рудинський. Указ. соч., стр. 154—156.

[19] Михайло Семенчик. Випадкові археологічні знахідки на Роменщині. Хроніка археології та мистецтва, ч І. Київ, 1930, стр. 70—71. Вещи хранятся в Роменском музее. Инвентарные номера вещей: 994—1006; 1008—1010.

придает данному «кладу» особое значение среди материалов, характеризующих культуру полей погребений. Что касается керамики, то она служит лишь хорошим датирующим материалом, показателем культурно-хронологического облика «клада» (рис. 20).

Среди находок в среднем Приднепровье, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э., плужных ножей неизвестно; это, повидимому, первая находка Из земледельческих пашенных орудий этой поры, найденных на Левобережье, можно указать лишь на симметричный сошник, найденный Д. Я. Самоквасовым при исследовании песчаной россыпи у дер. Шмырево.[20]

На территории Левобережья в разное время при всевозможных земляных работах было найдено много римских монет первых трех веков нашей эры как в виде отдельных экземпляров, так и в виде кладов. Границы территории, на которой найдены римские монеты, совпадают с границами территории известных памятников полей погребений. Некоторые из монетных находок территориально увязываются с известными в настоящее время поселениями полей погребений.[21]

III

Как ни малочисленны собранные нами материалы, они все же дают возможность составить некоторое представление о населении Левобережья первой половины I тысячелетия н. э. Судя по этим данным, это было оседлое земледельческое население, стоявшее на довольно высокой ступени общественного развития. Оно знало пашенное земледелие с применением плуга типа сабана. Ему не чужды, повидимому, были и ремесла. Широкое распространение имело гончарное производство, о чем в достаточной мере свидетельствуют остатки гончарных обжигательных печей, обнаруженных в разных районах Левобережья. Имеются данные, говорящие о значительных связях населения Левобережья со средиземноморскими областями, хотя характер этих связей остается пока неясным.

Интересный материал дают и могильники. Мы уже отмечали, что население Левобережья применяло разнообразные способы захоронения покойников — трупосожжение, трупоположение в обыкновенных ямах, трупоположение в глубоких ямах с камерами и курганными насыпями. Это разнообразие, повидимому, не случайное явление. Если даже допустить, что трупосожжение и трупоположение в обыкновенных ямах, без курганных насыпей, есть не более как свидетельство наличия имущественного неравенства (богатые хоронили по обряду трупоположения, бедные сжигали трупы), как предполагают одни исследователи,[22] или, как предполагают другие,[23] что это обряды разновременные, но все же принадлежащие одной и той же племенной группе, то в отношении захоронений в глубоких ямах с камерами и курганными насыпями можно сделать лишь один вывод — что это обряд захоронения

---

[20] Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губ., произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым. М., 1915, стр. 3—5; Атлас гочевских древностей. Приложение к дневнику раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губ. М., 1915, табл. Iа, IIа.

[21] В. Г. Лясюронский. Находки римских монет в области среднего Приднепровья. Тр. XI АС, т. I, М., 1901; В. Е. Данилевич. Карта монетных кладов и находок отдельных монет Харьковской губернии. Тр. XII АС, т. I, М., 1905; см. также ОАК за 1900—1915 гг.; К. Сосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда Курской губ. Тр. Курской губернской архивной комиссии, вып. 1. Курск, 1911.

[22] В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 19—20.

[23] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 44.

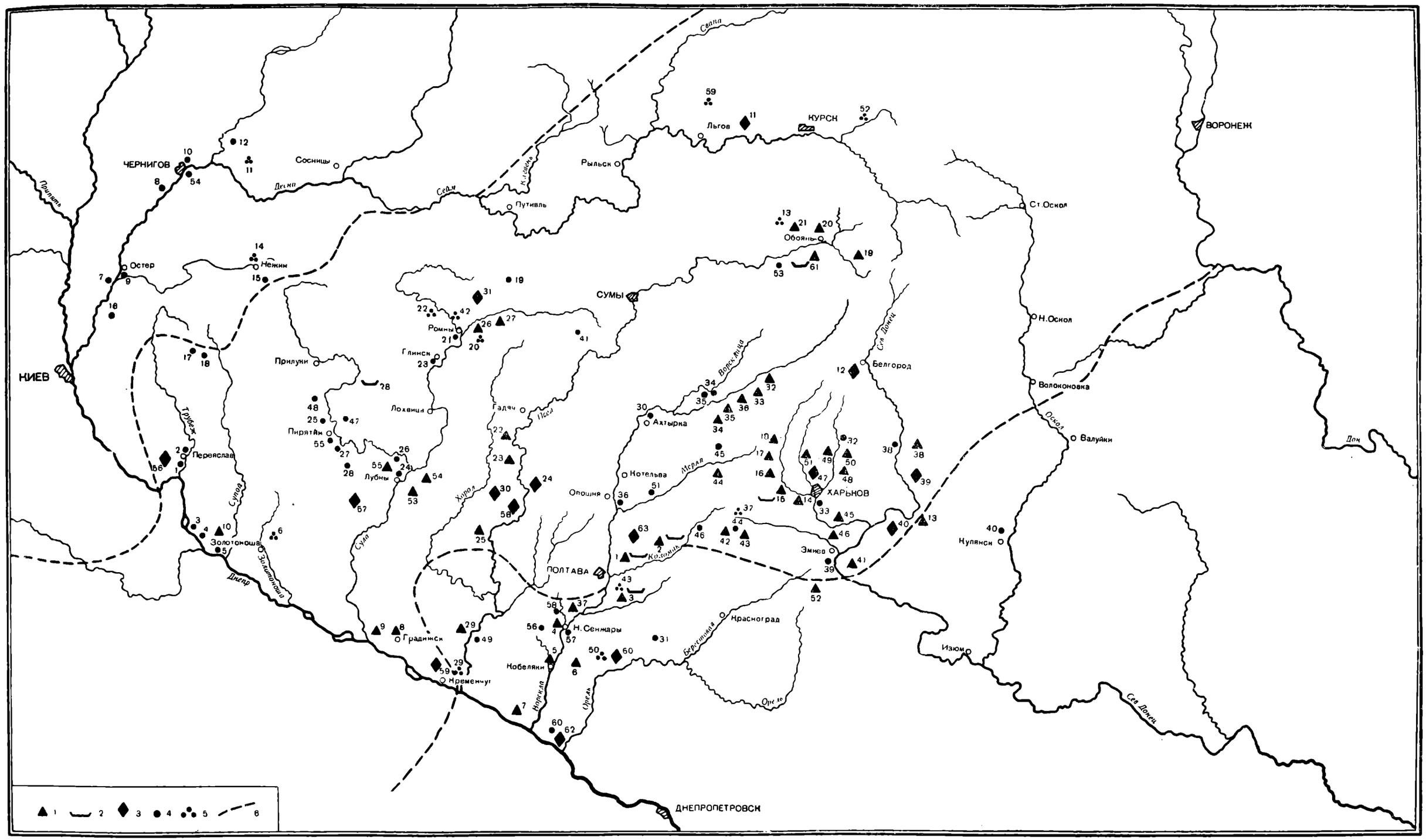


Рис. 19. Схематическая карта археологических памятников первой половины I тысячелетия н. э.

1 — селища культуры полей погребений; *2* — могильники культуры полей погребений; *3* — находки отдельных вещей культуры полей погребений; *4* — места находок отдельных римских монет начала нашей эры; *5* — клады римских монет начала нашей эры; *6* — граница лесостепи.

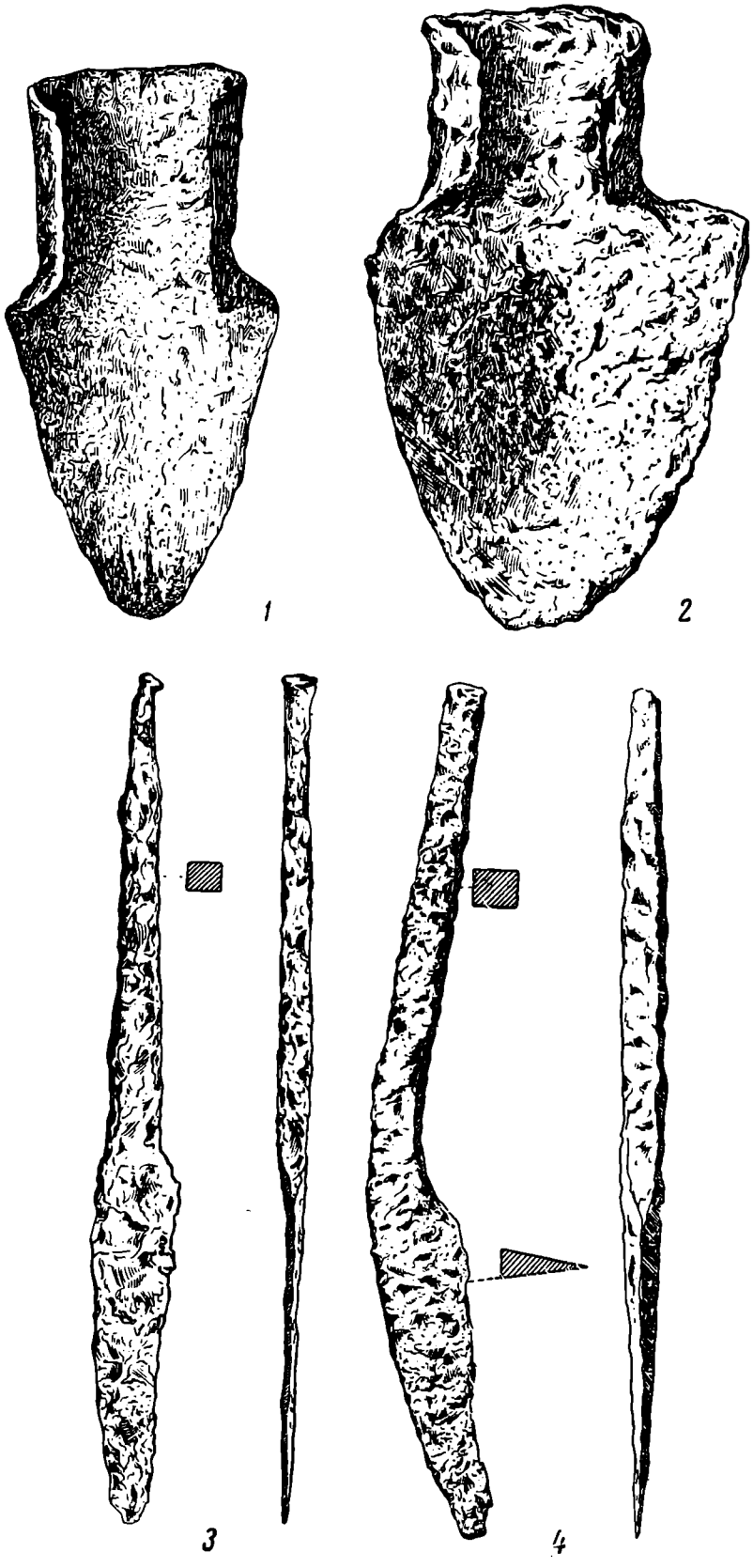


Рис. 20. Земледельческие орудия культуры полей погребений и салтово-маяцкой культуры

1. Культура полей погребений (Шмырево) $^1/_3$ н. в. *2.* Салтово-маяцкая культура (Правобережное Цымлянское городище) $^1/_3$ н. в. *3.* Культура полей погребений (Коровинцы) $^1/_6$ н. в. *4.* Салтово-маяцкая культура (Правобережное Цымлянское городище) $^1/_5$ н. в.

какой-то иной племенной группы, отличной от первой. В юго-восточной части Восточной Европы подобный обряд захоронения имел широкое распространение и существовал длительный период. Обычно он связывается с населением сарматской группы. Повидимому, к этой группе населения и следует отнести обитателей поселений близ Кантемировки и Воронцовки.

Из-за отсутствия достаточных данных, к сожалению, ничего конкретного нельзя сказать об этническом составе той части населения, которая хоронила покойников в обыкновенных ямах без курганных насыпей по обряду трупосожжения или трупоположения. Этот обряд характерен и для многих могильников культуры полей погребений Правобережья Днепра, принадлежащих, по мнению большинства исследователей, славянскому населению [24]

Изложенное выше подводит непосредственно к одной из основных задач в изучении культуры полей погребений — к выяснению места населения этой культуры в истории Левобережья, его отношения к населению предшествующего (скифского) и последующего (славянского) периода. Задача эта не новая. Она встала перед историками вместе с открытием первых памятников культуры полей погребений. В работах многих исследователей, начиная с Хвойка, можно найти и решение этой задачи, но, к сожалению, не всегда обоснованное. [25] Мы не ставим своей целью решить эту задачу, ибо состояние изученности памятников Левобережья пока не позволяет сделать окончательных выводов. Мы ограничиваемся в данной работе лишь характеристикой материалов, которыми располагаем для ее решения. Начнем с предшествующего периода.

Сравнительный анализ культуры «скифов-пахарей», широко представленной в области Левобережья в памятниках VII—II в. до н. э., и культуры полей погребений показывает, что они существенно отличаются одна от другой как по общему облику, так и по составляющим их элементам. Ни на поселениях «скифов-пахарей», ни на поселениях полей погребений пока не найдено остатков, которые свидетельствовали бы о какой-то близости материальной культуры населения этих двух хронологических этапов. Пока можно утверждать лишь одно, что в хозяйственной и общественной жизни населения Левобережья на рубеже нашей эры (от «скифов-пахарей» до «полей погребений») произошли значительные изменения. Изменился тип поселений и их местоположение; появились ремесла, явно отсутствующие в предшествующий период, например производство посуды на гончарном круге. Повидимому, произошли изменения и в земледелии. Материалы, которыми мы располагаем, для суждения о происшедших изменениях незначительны; ответ нужно искать в материалах переходного периода, который, судя по всем данным, следует отнести к концу I тысячелетия до н. э. (II — I вв.). К сожалению, памятников этой поры мы пока не знаем.

Столь же неясным остается и время исчезновения культуры полей погребений. Некоторые исследователи предполагают, что поля погребений на Левобережье исчезают в конце первой половины I тысячелетия н. э., и связывают этот факт с гуннским нашествием. [26] Такое решение наиболее соответствует фактическим данным. Во всяком случае, от второй половины I тысячелетия до нас дошли на той же территории памятники уже иных культур: поселения и могильники салтово-маяцкой культуры (VII — X вв.)

---

[24] П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 43 и сл.; М. И. Аргамонов. К вопросу о происхождении восточных славян. Вопросы истории, 1948, № 9, стр. 102—106.

[25] В. В. Хвойка. Указ. соч.; В. В. Мавродин. Очерки истории левобережной Украины. Изд. Ленингр. гос. ун-та, 1940, стр. 30—31; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 18—19; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.— Л., 1948, стр. 52 и сл.

[26] П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 70—71.

и поселения и курганные могильники раннеславянской культуры роменско-боршевского типа (VIII — X вв.). Первые размещены в юго-восточной части Левобережья (бассейн Сев. Донца), вторые — преимущественно в Днепровском бассейне.

Вопрос об отношении населения культуры полей погребений к населению последующей поры, в частности к роменской, не менее сложен. В поисках ответа на него мы сталкиваемся с хронологическим разрывом между временем исчезновения памятников культуры полей погребений и появлением славянских памятников роменско-боршевского типа, а также с своеобразием материальной культуры каждой из этих групп населения. Своеобразие это настолько резко бросается в глаза, что связи между населением полей погребений и «роменцами» не находят не только сторонники позднего заселения Левобережья «роменцами», [27] но и те, которые считают «роменцев» аборигенами Левобережья и, естественно, должны были бы рассматривать последних стоящими в непосредственной связи с населением полей погребений. [28]

Несмотря на более или менее единый взгляд исследователей на этот вопрос, мы не можем признать его разрешенным. Нам кажется, а к этому есть некоторые основания, что он нуждается еще в серьезном всестороннем изучении.

Население Левобережья во второй половине I тысячелетия н. э. не исчерпывается славянским населением роменской группы. Одновременно с ним в юго-восточном углу этой области обитала другая группа оседлого населения, оставившая памятники, известные в настоящее время под названием «салтово-маяцкой культуры». При изучении памятников культуры полей погребений Левобережья, в частности наиболее полно исследованного Кантемировского могильника, мы пришли к заключению, что некоторые черты культуры полей погребения прослеживаются в памятниках салтово-маяцкой культуры. В результате разведочных работ последних лет число известных памятников салтово-маяцкой группы значительно возросло. Изучение их дало новые материалы, свидетельствующие о связях этой культуры с полями погребений. Особенно показательны в этом плане земледельческие орудия полей погребений (из Коровинц и из Шмырево), с одной стороны, и из правобережного Цымлянского городища, относящегося к салтово-маяцкой культуре — с другой. [29] Долгое время комплекс земледельческих орудий Цымлянского городища стоял особняком, вне связи с предшествующим периодом. Плужный нож из Коровинц и сошник из раскопок Д. Я. Самоквасова у дер. Шмырево, относящиеся к культуре полей погребений, в свете других материалов помогают нам разобраться в этом вопросе.

Близость некоторых элементов салтово-маяцкой культуры с культурой полей погребений едва ли можно считать случайным совпадением. Вероятнее всего, что какая-то группа населения культуры полей погребений, в первую очередь Кантемировская (сарматская), близко стоящая к степному населению, явилась позднее одним из слагаемых в формировании оседлого населения салтово-маяцкой культуры бассейна Дона. Эта группа и внесла в отдельные области как хозяйственной, так и духовной жизни салтово-маяцкого населения некоторые элементы культуры «полей погребений».

---

[27] П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 156; его же. Восточнославянские племена. М.— Л., 1948, стр. 170—171.

[28] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ. Сборник статей, VI—VII, 1947, стр. 94.

[29] И. И. Ляпушкин. Раскопки правобережного Цымлянского городища. КСИИМК, вып. IV, 1939.

Все изложенное позволяет сделать следующее заключение:

1. Левобережье в первой половине I тысячелетия н. э. (точнее датировать пока не представляется возможным) было занято различными племенами оседлого населения. Одна из групп этого населения, связанная с памятниками типа Кантемировки, может быть определена как сарматская; вторая — по обряду захоронения близка к населению Правобережья, которое большинством исследователей считается славянским.

2. Население знало развитое ремесло (гончарное производство), пашенное земледелие и имело тесные связи с средиземноморскими областями. По сравнению с предшествующим, скифским, периодом, в хозяйственной и общественной жизни Левобережья ощущаются значительные изменения. Переходный момент между этими двумя периодами проследить пока не представилось возможным.

3. Культура полей погребений в области Левобережья исчезает в конце первой половины I тысячелетия н. э. В последующий период продолжение этой культуры можно подметить лишь на незначительной территории области, в ее юго-восточном углу, в памятниках салтово-маяцкой культуры бассейна Дона. В них прослеживаются некоторые традиции полей погребений, в первую очередь Кантемировской группы. На остальной части территории во второй половине I тысячелетия н. э. культура полей погребений сменяется славянскими памятниками роменско-боршевского типа, по общему облику резко отличающимися от памятников полей погребений. Взаимоотношение этих двух групп населения требует дальнейшего всестороннего изучения.

ПРИЛОЖЕНИЕ К КАРТЕ

I. Список населенных пунктов, близ которых расположены археологические памятники.

1. Свинковка, Полтавской обл. и р-на — селище и могильник
2. Кантемировка, Полтавской обл. Чутовского р-на — селище и могильник
3. Писаревка, Полтавской обл. Н.-Сенжарского р-на — селище и могильник
4. Н. Сенжары, Полтавской обл.— селище
5. Кобеляки, Полтавской обл.— селище
6. Сухиновка, Полтавской обл. Кобелякского р-на — селище
7. Исаевка, Полтавской обл. Кишеньковского р-на — селище
8. Градижск, Полтавской обл.— селище
9. Вырвихвист, Полтавской обл. Градижского р-на — селище
10. Шабельники, Полтавской обл. Золотоношского р-на — селище
11. Авдеевка, Курской обл. Ленинского р-на — отдельные находки
12. Топлинка, Курской обл. Белгородского р-на — отдельные находки
13. Мартовая, Харьковской обл. Печенежского р-на — селище
14. Железнодорожная остановка Курортная, близ с. Пересечное, Харьковской обл. Дергачевского р-на — селище
15. Пересечное, Харьковской обл. Дергачевского р-на — селище и могильник
16. Должик, Харьковской обл. Золочевского р-на — селище
17. Ореховские хутора, Харьковской обл. Золочевского р-на — селище
18. Рассоховатое, Харьковской обл. Золочевского р-на — селище
19. Пересыпь, Курской обл. Кривцовского р-на — селище
20. Услонка, Курской обл. Обоянского р-на — селище
21. Гредасово, Курской обл. Обоянского р-на — селище
22. Рашовка, Полтавской обл. Гадячского р-на — селище
23. Хутор Терновый, близ Б. Сорочинцы, Полтавской обл.— селище
24. Ковалевка, Полтавской обл., Шишаковского р-на — отдельные находки
25. Грянчиха, Полтавской обл. Богачковского р-на — селище
26. Волковцы, Сумской обл. Роменского р-на — селище
27. Коровинцы, Сумской обл. Недригайловского р-на — селище
28. Гурбинцы, Черниговской обл. Сребнянского р-на — могильник
29. Манжелея, Полтавской обл. Великокрынковского р-на — селище
30. Ковали, Полтавской обл. Хорольского р-на — отдельные находки
31. Холодный, Сумской обл. Смеловского р-на — отдельные находки

32. Хотмыжск, Курской обл. Борисовского р-на — селище
33. Луговое, Сумской обл. Великописаревского р-на — селище
34. Яблочное, Сумской обл. Ахтырского р-на — селище
35. Между Н. Рябина, Ахтырского р-на и Добренское, Великописаревского р-на Сумской обл.— селище
36. Писаревка, Сумской обл.— селище
37. Кунцы, Полтавской обл. Н.-Сенжарского р-на — селище
38. Волчанск, Харьковской обл.— селище
39. Верх. Писаревка, Харьковской обл. Старо-Салтовского р-на — отдельные находки
40. Кочеток, Харьковской обл. Чугуевского р-на — отдельные находки
41. Черкасский Бишкин, Харьковской обл. Змиевского р-на — селище
42. Снижки, Харьковской обл. Валковского р-на — селище
43. Замоский Кут, Харьковской обл. Валковского р-на — селище
44. Крючик, Харьковской обл. Богодуховского р-на — селище
45. Терновое, Харьковской обл. Чугуевского р-на — селище
46. Водяное, Харьковской обл. Чугуевского р-на — селище
47. Харьков и его окрестности — отдельные находки
48. Хутор Прелесный, Харьковской обл.— селище
49. } Б. Даниловка, Харьковской обл.— селища
50. }
51. Дергачи, Харьковской обл.— селище
52. Западенька, Харьковской обл.— селище
53. Засулье, Полтавской обл. Лубенского р-на — селище
54. Войнин, Полтавской обл. Лубенского р-на — селище
55. Калайденцы, Полтавской обл. Лубенского р-на — селище
56. Гречаники, Киевской обл.— отдельные находки
57. Хутор Савинской, Полтавской обл.— отдельные находки
58. Шишаки, Полтавской обл.— отдельные находки
59. Кременчугщина (точное место неизвестно), Полтавской обл.— отдельные находки
60. Нехвороща, Полтавской обл.— отдельные находки
61. Шмырево, Курской обл. Обоянского р-на — могильник (?) и поселение
62. Орлик, Полтавской обл. Кишеньковского р-на — отдельные находки
63. Фроловка, Полтавской обл. Чутовского р-на — отдельные находки

II. Список населенных мест, близ которых найдены римские монеты

1. Андруши и Коран, Киевской обл.— отдельные монеты
2. Переяслав-Хмельницкий, Киевской обл.— отдельные монеты
3. Леплява, Полтавской обл.— отдельные монеты
4. Келеберда, Полтавской обл.— отдельные монеты
5. Прохоровка, Полтавской обл.— отдельные монеты
6. Ковтуны, Полтавской обл.— клад
7. Выползово, Черниговской обл.— отдельные монеты
8. Шестовицы, Черниговской обл.— отдельные монеты
9. Остер, Черниговской обл.— отдельные монеты
10. Чернигов — отдельные монеты
11. Стольное, Черниговской обл.— клад
12. Борзна, Черниговской обл.— отдельные монеты
13. Гредасовка, Курской обл.— клад
14. Нежин, Черниговской обл.— клад
15. Безугловка, Черниговской обл.— отдельные монеты
16. Семиполки, Киевской обл.— отдельные монеты
17. Крупол, Киевской обл.— отдельные монеты
18. Войтова, Киевской обл.— отдельные монеты
19. Терны, Сумской обл.— отдельные монеты
20. Волковцы, Сумской обл.— клад
21. Ромны, Сумской обл.— отдельные монеты
22. Медвежье, Сумской обл.— клад
23. Глинск, Сумской обл.— отдельные монеты
24. Лубны, Полтавской обл.— отдельные монеты
25. Пирятин, Полтавской обл.— отдельные монеты
26. Хитцы, Полтавской обл.— отдельные монеты
27. Лазорки, Полтавской обл.— отдельные монеты
28. Слейпородские хутора, Полтавской обл.— отдельные монеты
29. Кременчуг, Полтавской обл.— клад

30. Ахтырский р-н Сумской обл.— отдельные монеты
31. Карловка, Полтавской обл.— отдельные монеты
32. Липцы, Харьковской обл.— отдельные монеты
33. Жихар, Харьковской обл.— отдельные монеты
34. Семереньки, Сумской обл.— отдельные монеты
35. Колки, Сумской обл.— отдельные монеты
36. Лихачевка, Полтавской обл.— отдельные монеты
37. Старые Валки, Харьковской обл.— клад (?)
38. В. Салтов, Харьковской обл.— отдельные монеты
39. б. Змиевский уезд (без указаний места) Харьковской обл.— отдельные монеты
40. Купянск, Харьковской обл.— отдельные монеты
41. Грунь, Сумской обл.— отдельные монеты
42. Рогинец, Сумской обл.— клад
43. Лукощино, Полтавской обл.— клад
44. Снижки, Харьковской обл.— отдельные монеты
45. Сенняский хутор, Харьковской обл.— отдельные монеты
46. Резуненков хутор, Харьковской обл.— отдельные монеты
47. Дейманoвка, Полтавской обл.— отдельные монеты
48. Сасиновка, Полтавской обл.— отдельные монеты
49. Мануйловка, Полтавской обл.— отдельные монеты
50. Нехвороща, Полтавской обл.— клад
51. Колонтаев, Харьковской обл.— отдельные монеты
52. Троица, Курской обл.— клад
53. Шмырево, Курской обл.— отдельные монеты
54. Аносов, Черниговской обл.— отдельные монеты
55. Малая Круча, Полтавской обл.— отдельные монеты
56. Хутор Ладатки, Полтавской обл.— отдельные монеты
57. Н. Сенжары, Полтавской обл.— отдельные монеты
58. Лелюховка, Полтавской обл.— отдельные монеты
59. Севенки, Курской обл.— клад
60. Орлик, Полтавской обл.— отдельные монеты
61. Чугуев, Харьковской обл.— отдельные монеты
62. Лихачевка, Полтавской обл.— клад
63. Прикуты, Черниговской обл.— клад
64. Чеховка, Полтавской обл.— отдельные монеты

} на карте не отмечены

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

Е. И. ГОРЮНОВА

ИТОГИ РАБОТ МУРОМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Муромский район и сам город Муром, являвшийся наряду с Ростовом и Белоозером одним из древнейших городских центров на дальнем северо-востоке Киевской Руси, насыщены первоклассными памятниками конца I — начала II тысячелетий н. э. Особой известностью пользуются могильники муромы, давшие обильный и яркий материал для характеристики этого племени, вскоре исчезающего со страниц летописей. К сожалению, сама территория города, равно как и многочисленные славянские и муромские селища, расположенные в его ближайшей округе и представляющие большой научный интерес, до самых последних лет не привлекали внимания археологов.

Многолетние обследования, произведенные директором Муромского музея И. П. Богатовым, значительно обогатили археологическую карту Муромского района. Выявилась густая сеть муромских и славянских поселений IX—XI вв., узлом которых являлся город Муром. Результаты разведок И. П. Богатова легли в основу плана больших систематических работ Муромской экспедиции (рассчитанных на несколько лет), в итоге которых намечается решение весьма важных исторических вопросов: 1) освещение истории возникновения русского города среди иноплеменного населения; 2) освещение процесса славяно-русской колонизации муромского течения Оки и «исчезновения» муромы; 3) выяснение взаимоотношений города и деревни в условиях ранней ступени феодализации.

Раскопки 1946—1948 гг. дали исключительно интересный материал, подводящий нас к решению поставленных больших вопросов. Работы экспедиции 1946 г. уже освещены в печати.[1] В процессе раскопок в самом Муроме был установлен характер мощного культурного слоя, дающего уже сейчас картину смены первоначального муромского поселения IX—X вв. русским городом, с разительным различием в уровне развития материальной культуры.

Видимо, в основе города лежала группа муромских селищ, занимавших береговую гряду Оки.

Дальнейшие исследования города с его мощным четырехметровым слоем требовали крупных расходов, поэтому археологические работы в самом городе пришлось отложить и сосредоточить внимание на изучении сельской округи города, в частности Тумовского селища (муромского), обследованного еще в 1946 г. Селище это находится в 7 км к западу от Мурома и расположено вдоль края надпойменной террасы левого берега небольшой речки Илемны (приток р. Оки).

[1] Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, М.—Л., 1947, стр. 136.

В выборе объекта раскопок мы руководствовались следующими соображениями: 1) Тумовское селище — ближайший к Мурому поселок, который своей экономикой, несомненно, был связан с центром муромской округи; 2) в ближайшем соседстве с Тумовским селищем находятся синхронные славянские памятники (селище и могильник). Комплексное изучение тех и других может осветить проблему славяно-муромских отношений.

В 1946 г. был произведен лишь поверхностный осмотр селища, так как основная его территория была засеяна. Небольшие разведочные раскопки почти не дали результатов. В 1947 г. по той же причине пришлось ограничиться вскрытием сравнительно узкой площади на его южной окраине.[2]

Исследованный в 1948 г. участок селища, площадью 306 м², находится в 85 м к северу, точнее к ССЗ от раскопа 1947 г. Он был увязан с рекогносцировочной траншеей 1946 г. (рис. 21).

Стратиграфия продольного разреза раскопа по линии северной стенки участков *Г* показывает, что первые находящиеся на склоне участки почти лишены культурного слоя, который, повидимому, смыт. В восточном направлении (рис. 22) слой приобретает бо́льшую мощность (до 70—80 см) и насыщенность культурными остатками. Можно полагать, что центр поселка находился на возвышенной части плато.

Добытый раскопками материал настолько выразителен, что позволяет сделать некоторые, хотя и предварительные, выводы. Следует заметить, что в условиях мелкого залегания культурных остатков стратиграфия верхних горизонтов, вследствие ежегодной распашки, в значительной степени нарушена. Поэтому планы жилых и хозяйственных сооружений читаются с большим трудом и в очень общих чертах.

На участках *А/1* и *Б/1* сохранились слабые следы жилого дома. Культурный слой в этом месте почти до основания смыт. Найденные здесь обломки керамики обкатаны, поверхность их выветрена. Комплекс жилых и хозяйственных сооружений мы имеем и на участках *А/2*, *А/3*, *Б/2* и *Б/3*. Следы врытых в землю столбов свидетельствуют о том, что здесь имелось крытое надворное сооружение, которое примыкало с юго-восточной стороны к жилому дому № 2. Жилая площадь дома 3.2 × 2.3 м. Выход располагался по северо-восточной стороне; в правом, дальнем от входа, углу помещался очаг. Пол был, повидимому, земляным. На его площади найдены: обломок железного шильца, две бронзовые раскованные полоски, обломок оселка, бронзовая трапециевидная подвеска, глиняное пряслице, железное сверло, дно глиняной цедилки, железный цилиндрический и бронзовый четырехгранный дроты, каменная гладилка, жетон, обломки пряслиц, цветных стеклянных бус, височного кольца, бронзового браслета, обрывки бронзовой проволоки и проволочной спирали и др. Характерно, что наряду с бытовыми вещами и украшениями обнаружены предметы, свидетельствующие о занятиях обитателей данного жилища ювелирным делом: обломки железных и бронзовых дротов, обрывки проволоки и проволочных спиралей, куски раскованных бронзовых полосок, маленькие сверла, шильца.

Среди большого числа керамических находок, в основном обломков муромской лепной грубой посуды с примесью дресвы в глине и, как правило, неорнаментированной, здесь оказались крупные фрагменты славянских гончарных мисок и горшков, позволяющих собрать целые сосуды. Находки эти сосредоточены главным образом в очажном слое жилища и

---

[2] Е. И. Горюнова. Муромская экспедиция (раскопки Тумовского селища). КСИИМК, вып. XXVII, М.—Л., 1949.

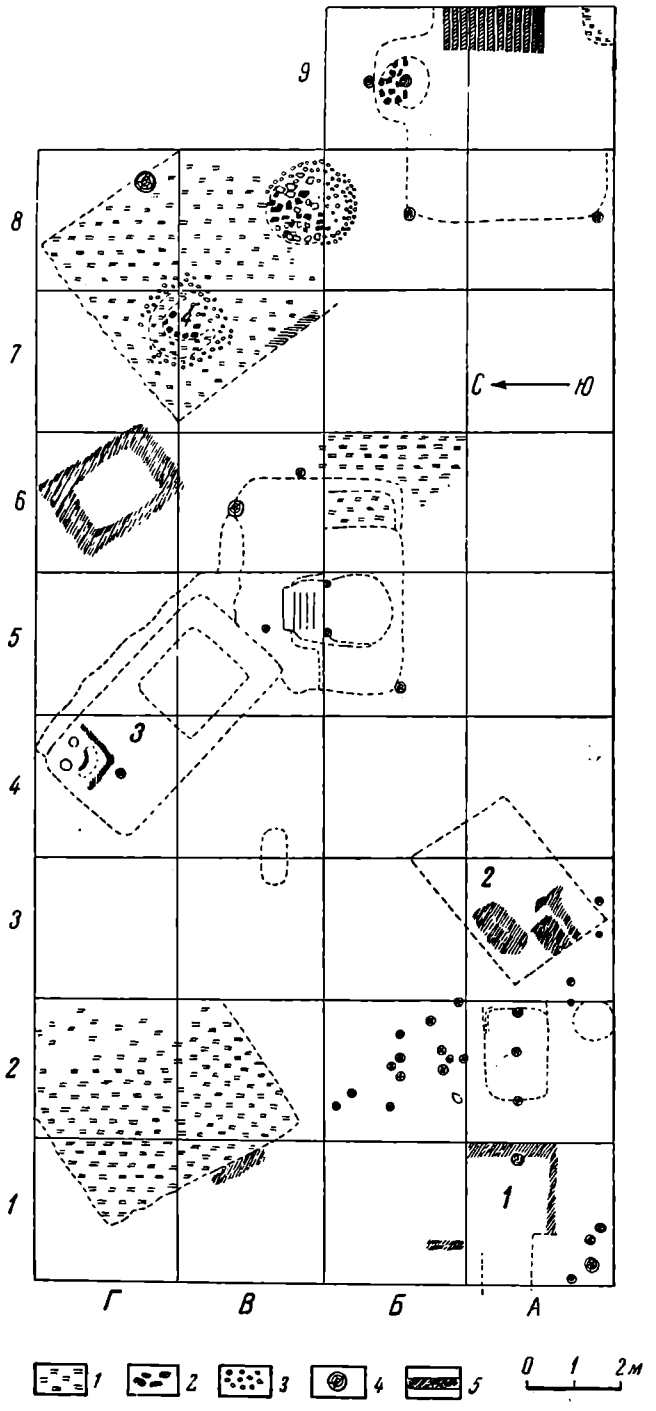


Рис. 21. Тумовское селище. План раскопок 1948 г.

1 — глина; *2* — уголь; *3* — зола; *4* — столбы от строений; *5* — горизонтально лежащее дерево

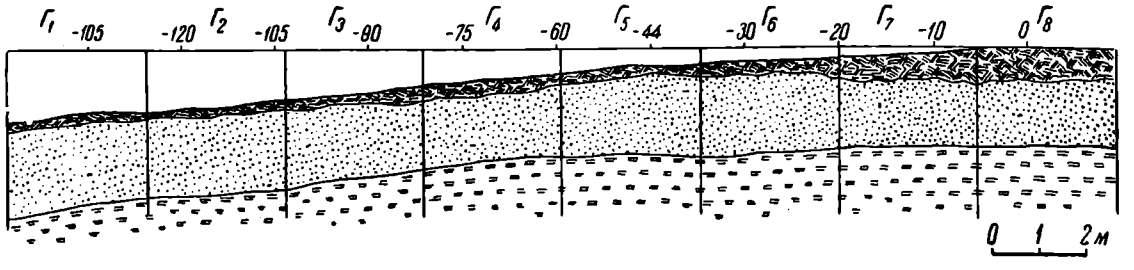


Рис. 22. Профиль северной стенки участков по линии *Г*

свидетельствуют о том, что посуда употреблялась в быту обитателей данного жилища.[3] Характер находок перед входом в жилище также довольно своеобразен. Это — преимущественно обломки женских украшений, утерянных или выброшенных их владелицами. Среди них обломок железной крученой гривны, обломки бронзового браслета, перстня, бус и пр. (рис. 23).

В 5 м на северо-запад от дома № 2, на участках *Г/1*, *В/1*, *Г/2* и *В/2* была открыта прямоугольная, хорошо утрамбованная глиняная площадка (3×4.75 м), служившая, повидимому, током для обмолота хлеба. По краям площадки найдено всего несколько обломков женских металлических украшений, железный клин, край железного котла и обломок железной мотыги.

Третий комплекс жилого и хозяйственных сооружений (уч. *В/4*, *Г/4*, *В/5* и *Г/5*) сохранился несколько лучше. Жилой дом (2.5×5 м) расположен выходом на юго-восточную сторону. В его передней половине — подпольная яма 1.3×1.9×0.75 м. В заднем правом углу — развал глинобитной печи. На одном из кусков печной обмазки сохранился отпечаток зубчатого штампа. В засыпке подпольной ямы найден кусок ручного жорнова, обломок глиняного кольца, железная крица, обломок железной крученой гривны, железные пластинки, сланцевая и бронзовая колокольчатая подвески, много обломков тиглей и лепной муромской посуды. Выход из дома был обращен во двор, где находились хозяйственные сооружения. Почти непосредственно к дому примыкал находившийся под навесом глубокий (2 м) погреб. Ступенчатый спуск в погреб был облицован тесом. По обе стороны основания земляной лестницы находились два столба. Яма погреба исключительно богата находками. По мере углубления заполняющий яму слой становился темнее, насыщеннее органическими остатками. В глубине погреба найдено большое количество недробленых костей животных (преимущественно свиньи, коровы и овцы) и почти целых крупных сосудов.

Заслуживают внимания находки предметов, связанных с меднолитейным производством. Здесь найдены десятки мелких обломков глиняных тиглей, два целых тигля, обломок литейной формы, большое количество бронзовых шлаков гроздевидной формы. Примечательно, что в погребе, очевидно, наряду с продуктовыми запасами, хранился инвентарь литейного мастерства. С восточной стороны к погребу примыкали другие хозяйственные постройки. Находки вещей здесь единичны; из них можно упомянуть железный нож, железный клин, спиральное кольцо и обломок чашевидного тигля. У северной стены дома найдена треугольная бронзовая пластинка-подвеска с одним звеном цепочки. С восточной стороны двора была обнаружена глиняная площадка, подобная описанной выше, но меньших размеров и без резко очерченной границы.

В северо-западном углу раскопа, на участках *Б/7*, *Г/7*, *В/7*, *В/8* и, отчасти, *Б/8* было обнаружено прямоугольное пятно, площадью 3.75×4.60 м, сплошь покрытое плотным слоем глины (15—27 см) неравномерной толщины. Северо-восточная и юго-западная его границы прямолинейны и прослеживаются совершенно отчетливо; юго-восточная граница расплывчата и, повидимому, разрушена пахотой.

В западном углу находился мощный, своеобразной конструкции каменный очаг на глинобитном фундаменте, обращенный устьем на юго-восток. На уровне пода печи в золе найдено большое количество кусков медного шлака, железных криц, тиглей (среди них один рюмко-

---

[3] Находки обломков славянской керамики в слое Тумовского селища вообще единичны и встречаются рассеянно.

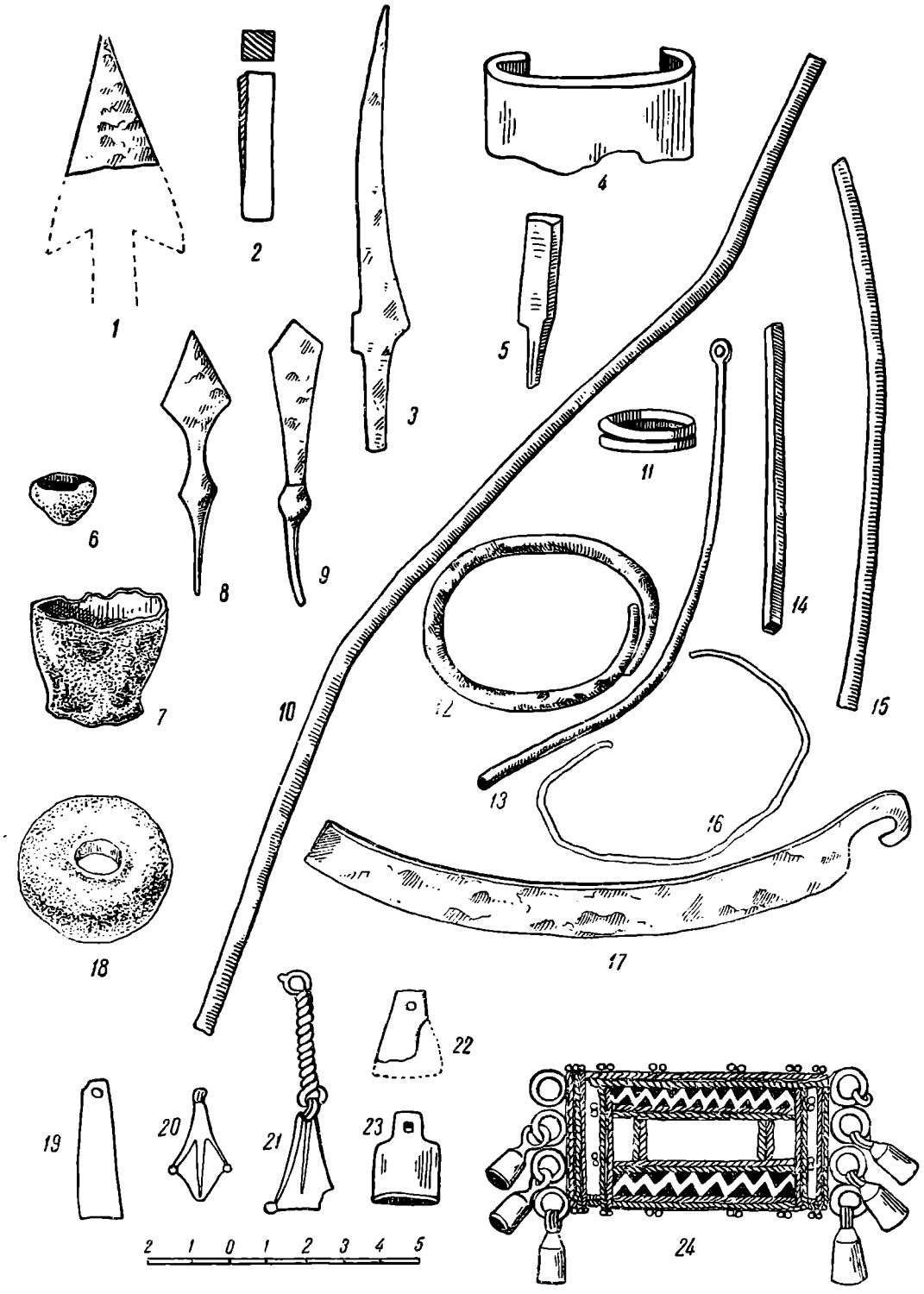


Рис. 23. Инвентарь Тумовского селища:

1 — обломок копья; *2* — клин; *3* — нож; *4* — обломок мотыги; *5* — стерженек, из которого тянули проволоку; *6* — глиняный горшочек — детская игрушка с отпечатками детских пальцев; *7* — глиняный горшочек — детская игрушка; *8,9* — наконечники стрел; *10* — цилиндрический дрот; *11* — спиральное кольцо; *12* — браслет, сделанный из дрота; *13* — гривна из тонкого дрота; *14* — четырехгранный дрот; *15* — цилиндрический дрот; *16* — ленточка; *17* — обломок скобеля; *18* — глиняное пряслице; *19* — трапециевидная пластинка; *20* — лапчатая привеска; *21* — часть «шумящего» украшения; *22* — сланцевая привеска; *23* — колокольцевидная привеска; *24* — образец украшения, сделанного «наборной» техникой (*1—4*; *8—10*; *12—14* и *17* — железо; *5*, *11*, *15*, *16*, *19—21*, *23* и *24* — бронза)

видной формы), слитков бронзы и пр. Вокруг очага в зольном слое найдено большое количество обломков глиняной посуды; среди них фрагменты толстостенных горшков, на внутренней поверхности которых находится слой металла. В них, повидимому, плавили медь. Здесь же найден обрывок круглой в сечении медной проволоки, кусок четырехгранного железного дрота, крупный кусок железной крицы с приставшей к ней глиной и известью, половинка глиняной литейной формы (в глине обильная примесь дресвы). Рядом с очагом найден обломок костяного наконечника, оселок, стеклянная бусина (черная с красным глазком), проволочный браслет, проволочная кольцевидная серьга, много керамики, среди которой преобладает лепная. На расстоянии 3 м к юго-востоку от первого очага (на том же слое уплотненной глины) находился второй крупный очаг, сложенный из камня. В мощном зольно-угольном слое мы имеем приблизительно тот же состав находок, что и в первом очаге, т. е. предметы, непосредственно связанные с литейным и ювелирным мастерством.

Последний комплекс каких-то сооружений, расположенный в самой восточной части раскопа, дал ту же картину наличия домашнего ремесла. В зоне угольного очажного пятна найдено большое количество обломков тиглей, шлаков, кусков металла и пр. Не были закончены раскопки пятого комплекса, который обещает богатые результаты как в смысле выяснения планировки усадьбы, так и в отношении интересных находок.

Какие же предварительные исторические выводы позволяют сделать материалы Тумовского селища? Это, видимо, рядовой и характерный поселок муромской округи, расположенный в ближайшем соседстве с городом Муромом и тесно связанный с ранними страницами его истории. Насельники Тумовского селища и насельники дорусского Мурома — одно и то же племя «мурома» начальной летописи.

Тумовское селище поражает широким развитием обработки металла, особенно ювелирного дела, следы которого обнаружены в каждом жилище. Что касается железоделательного производства, то оно, несомненно, питалось местным сырьем — железными рудами, залежи которых известны в нескольких пунктах ближайших окрестностей Мурома. Следов выплавки железа на территории самого селища пока не обнаружено, однако не исключено, что при дальнейших исследованиях они будут открыты. В 1946 г. при поверхностном осмотре селища нами были обнаружены остатки разрушенного дренажной канавой сыродутного горна, который находился за пределами территории, занятой древним муромским поселком.

Продукты выплавки железа — многочисленные куски шлаков и крицы — представляют едва ли не самую многочисленную (не считая керамики) группу находок на селище. Особенно много их в слое жилищ и домашних очагов. Это как будто указывает на то, что кузнечное дело не обособилось еще в самостоятельную отрасль, хотя открытая нами на том же селище землянка-мастерская как будто свидетельствует о том, что процесс выделения кузнечного ремесла уже наметился. Факт нахождения в той же мастерской вещей, связанных с литьем цветных металлов (бронзы и серебра) и ювелирным делом, указывает, что кузнец был одновременно и литейщиком и ювелиром, мастером женских украшений. В этой связи можно вспомнить знаменитого кузнеца Калевалы Илмаринена, который кует мечи, копья, плуги, косы, ножи и женские украшения.

Какова же была техника ювелирного дела у муромы в X—XI вв.?

Повидимому, не случайно, что при обилии находок тиглей мы за два года раскопок обнаружили всего три небольших обломка литейных форм весьма несовершенной, грубой формы. Все они предназначались для отливки мелких деталей украшений. Вместе с тем мы имеем довольно значительное количество полуфабрикатов — заготовок отдельных частей

украшений в виде кусков круглой и граненой проволоки, круглых и гранчатых железных и бронзовых дротов, мелких спиралек (плоских и цилиндрических), тонко раскованных пластинок и т. п.

Внимательное изучение готовых муромских украшений подтверждает наш вывод о том, что техника литья в ювелирном деле играла второстепенную, подсобную роль. Отливались лишь отдельные части, мелкие детали украшений. В основном же ювелирная техника муромы может быть названа «наборной». Заготовлялись отдельные части украшения: плетеные из проволоки шнуры, косички, плоские и трубчатые спиральки и т. п. собирались и раскладывались в определенном порядке, присыпались припоем, затем подвергались действию высокой температуры. При этом следили, чтобы не оплавился рельеф плетенки, придававший своеобразную легкость и красоту вещи. С тыльной стороны для прочности иногда припаивался проволочный каркас или пластинка. «Набранные» таким способом украшения самые характерные и типичные для муромы. Литые украшения в муромских могильниках встречаются гораздо реже, отделка их небрежна, часто можно встретить незаглаженный шов и шероховатость поверхности. Эти вещи носят на себе печать массового производства и являются, повидимому, продукцией городских (возможно, муромских) ремесленников, работавших на широкий рыночный сбыт.

Деревенское ювелирное ремесло было по преимуществу домашним женским ремеслом. Им занимались в каждом доме поселка. В каждом очаге мы находим обломки льячек, слитки металла, заготовки вещей в виде кусков дрота и проволоки. Если учесть сложность, кропотливость и трудоемкость процесса сбора по определенному рисунку мелких деталей украшения, близкого к процессу вышивания по холсту сложных геометрических узоров, нетрудно понять, что ювелирное дело относилось к области женского рукоделия. В нем принимали, повидимому, участие и девочки-подростки, которые обучались ему с раннего возраста.

П. П. Ефименко,[4] наблюдая видимую стандартность украшений в женских погребениях рязано-окских могильников, делает ошибочный вывод о массовости изготовления этих вещей, а отсюда и о характере организации ремесла.

Однако, если вспомнить сложные вышивки терюханской одежды, которые шьются по счету ниток с изнаночной стороны холста, причем вышивальщица не имеет перед собой образца и десятки раз воспроизводит сложную композицию геометрических элементов рисунка; если вспомнить также резьбу по дереву, орнаментацию берестяной посуды у остяков или апликацию меховой одежды и ковров у коряков и чукчей (все это женские рукоделия), то мысль о массовости изготовления в одной форме сходных по рисунку мордовско-муромских украшений сама собой отпадет.

Иллюстрацией к нашему тезису о том, что ювелирное дело у муромы относилось к области женского рукоделия, могут служить женские погребения муромских могильников (особенно Подболотьевского), сопровождаемые глиняными льячками.

Материалы раскопок рисуют также убедительную картину хозяйственной жизни и экономики обитателей древнего муромского поселка.

В процессе раскопок нами были открыты две площадки для обмолота хлеба, найден обломок ручного жернова, обломок железной мотыги, часть железной оковки лопаты, обломок серпа. Вот весь перечень предметов, связанных с земледелием, которое, видимо, имело еще экстенсивный характер, но играло значительную роль в хозяйстве жителей поселка. Большую

---

[4] П. П. Ефименко К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э., СА, № 2, 1937, стр. 45.

роль играло, повидимому, и скотоводство, которому весьма благоприятствовала и природная обстановка — широкое пространство заливных лугов долины р. Илемны. Количество же найденных костей домашних животных сравнительно невелико. Это можно отчасти объяснить сравнительно высокой организацией быта: кухонные отбросы могли выноситься за пределы усадебных участков.

Состав остеологических остатков свидетельствует о значительном развитии крупного животноводства. На первом месте по количеству находок стоит крупный рогатый скот, на втором — свинья, на третьем — лошадь, мясо которой употребляли в пищу, наконец, мелкий рогатый скот,[5] повидимому овцы, шерсть которых употреблялась на изготовление тканей и одежды.

Костей дикой фауны найдено чрезвычайно мало, и представляющие ее виды ограничиваются бобром и зайцем. Этот факт, однако, не может служить основанием для заключения о второстепенном значении охоты в данной конкретной исторической ситуации, которая довольно четко рисуется всем комплексом вещевых находок Тумовского селища. Отсутствие среди находок поселений костей животных, на которых охотились, ни в коем случае не может быть показателем той или иной степени развития охотничьего промысла. Это свидетельствует о том, что убитых животных свежевали в лесу, на месте промысла; в поселок же приносили лишь снятые с них шкурки. Так поступали и поступают все охотничьи народы нашего лесного Севера.

Характерно, что во всех мордовских селищах обычно находят кости зайца; зайчатина была всегда любимым мясным блюдом всех мордовских племен. Шкурка же зайца, как известно, товарной ценности не представляет.

Отсутствие стрел (найдено всего две) при несомненно развитом пушном промысле вполне закономерно. Лучный способ охоты отнюдь не является эффективным при массовой добыче пушной дичи. К тому же пробитая стрелой шкурка зверя теряла товарную ценность. Применявшиеся муромой охотничьи приемы, несомненно, близки, даже тождественны тем, которые живы и поныне и применяются многими охотничьими народами Севера. В основном — это различной конструкции ловушки (капканы, кулемы, пасти, петли, ловчие ямы и т. д.), которые требуют от охотника хорошего знания леса и повадок зверя, минимума затраты труда и обеспечивают богатую добычу.

Материалы Тумовского селища дают косвенные свидетельства широкого развития и значения пушного охотничьего промысла. Пушная охота в это время (X—XI вв.) стимулировалась интересами оживленной торговли муромы с булгарами. В X в. в Муроме торговля и ремесла были развиты слабо. Приезжие булгарские купцы вели торговые операции непосредственно с сельским населением муромской округи, которое поставляло основной товар — пушнину, кожу, щетину и мед. О непосредственном общении жителей поселка с булгарами свидетельствуют находки арабского диргема (X в.) и значительного количества обломков булгарской посуды (25%), которая может быть датирована приблизительно тем же временем.

Булгарские купцы, несомненно, были заинтересованы в беспошлинной торговле с местным населением, которому они, с большой для себя прибылью, сбывали товары, в основном медь и серебро.[6] Чтобы сосредото-

---

[5] Определение костных остатков произведено В. И. Цалкиным.

[6] О количестве ввозимого серебра можно судить по обилию серебряных украшений, найденных хотя бы в одном Максимовском могильнике. В заметках о старых раскопках упоминается, что серебро «на фунты» продавалось мастерам-серебренникам для переплавки.

чить торговлю в городах, торговым договором, заключенным Владимиром Святославичем с булгарами (1006 г.), был предусмотрен пункт, запрещающий булгарским купцам по селам ездить, «смерди не продавать и от них не купить».[7]

Наконец, последний вопрос, освещение которого отчасти может дать материал Тумовского селища, это — вопрос о славяно-муромских отношениях.

В 0.5 км от Тумовского селища находится славянское селище, а еще ближе (в 200 м) — славянский курганный могильник XI в. Изучение всего комплекса памятников даст богатый и интересный материал для освещения славяно-муромских отношений и вопроса об «исчезновении» муромы в процессе формирования русского населения.

Выше говорилось, что в пределах одного из жилищ (№ 2) были найдены обломки целых славянских горшков, мисок, т. е. посуды, употреблявшейся в повседневном быту обитателями данного жилища. Случай этот пока единственный. Славянская керамика составляет вообще около 2% общего числа керамических находок и встречается спорадически, единичными обломками. Это позволяет сделать вывод, что в муромскую семью, обитавшую в жилище № 2, была взята русская женщина, нарушившая консервативную традицию пользования глиняной посудой примитивной ручной лепки. Все остатки гончарной посуды, найденной на селище, могут быть довольно точно датированы XI в. Можно заключить, что родственное сближение славян и муромы относится примерно к этому же времени.

Конец X — начало XI в. является критическим периодом в жизни северо-востока и Муромского края в особенности. Походы Святослава и Владимира на булгар знаменуют начало решительной борьбы за окский путь к Волге и закрепление прилегающих земель за киевской княжеской династией. Начинается острый и интенсивный процесс феодализации и христианизации края, ломки патриархальных порядков и старого язычества — религии родового строя. Восстание смердов Поволжья, поднятое под знаменем язычества, против закрепощения и феодалов, объединило славянское и неславянское сельское население общностью новых классовых интересов и связей, перед которыми отступили этнические различия. Процесс феодализации явился, таким образом, мощным стимулом сближения славян и муромы и образования здесь русского населения.

---

[7] Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X веках. Исторические записки, 14, 1945, стр. 12.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

С. А. ТАРАКАНОВА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ПСКОВА

Псковская археологическая экспедиция 1948 г. продолжала раскопки в Псковском кремле.[1] Они дали обильный и интересный материал, который уточняет и подтверждает выводы, сделанные на основании раскопок предшествующих лет,[2] и в то же время освещает и ставит на разрешение новые вопросы по истории древнего Пскова.

В настоящей статье дано лишь предварительное сообщение о результатах раскопок. Прежде всего о характеристике и, в частности, датировке культурных слоев в Псковском кремле, которая имеет не только чисто археологическое значение, но и может послужить материалом для некоторых исторических выводов. Условия раскопок 1948 г. (сравнительно большая их площадь, состояние культурных напластований, обилие находок и остатков интересных сооружений) благоприятствовали разрешению указанной задачи.

Раскоп № 5, общей площадью 668 м^2,[3] располагался в северо-западной части Псковского кремля, по берегу Великой, и захватывал край кремлевской площадки в том месте, где сохранились остатки разрушенных крепостных стен.[4] Верхние пласты культурного слоя на этом раскопе, так же как и в раскопах предшествующих лет, оказались значительно срезанными при земляных работах времен Петра I, но сохранность более древних культурных слоев здесь была лучше. Только в юго-восточной части раскопа на площади около 70 м^2 культурный слой оказался срезанным до материка; в западной части раскопа, вдоль самого края кремлевской площадки, проходила узкая траншея позднего происхождения. Вся остальная территория раскопа создавала сравнительно благоприятные условия как для наблюдений над культурными напластованиями, так и для изучения сохранившихся в них различных остатков.

Всего на раскопе № 5 было вскрыто четыре культурных слоя, различных по характеру находок и условиям залегания. Общая мощность их варьировала в пределах 1—1.6 м, но в некоторых местах она достигала и 2.2 м, что объясняется наклоном материковой поверхности кремлевского

---

[1] Экспедиция была организована ИИМК при участии Псковского областного краеведческого музея.

[2] С. А. Тараканова. Раскопки в Пскове. КСИИМК, вып. XVII, 1947; ее же. Раскопки в Псковском кремле. КСИИМК, вып. XXI, 1947; ее же. Раскопки в Пскове 1945—1947 гг. КСИИМК, вып. XXVII, 1949.

[3] Нумерация раскопов в Псковском кремле ведется с 1946 г.

[4] Раскоп № 5 вплотную примыкал с западной стороны к раскопу № 4 1947 г., расширяя общую площадь раскопок, произведенных нашей экспедицией в Псковском кремле, до 1320 м^2.

мыса от берега Великой в сторону Псковы [5] и наличием больших ям, иногда древнего происхождения.

Первый слой начинался от современной поверхности раскопа; он состоял из черной рыхлой земли, неоднократно перекапывавшейся. Поэтому здесь встречался смешанный материал: современная керамика, монеты, различные металлические вещи, славянская круговая и лепная керамика, а также отдельные синхронные ей находки. Этот слой покрывал всю территорию раскопа.

Второй слой занимал только отдельные небольшие участки раскопа; [6] он состоял из битого плитняка и различного мусора, в котором встречались печные рельефные кафели, полихромные и с зеленой поливой. По найденным монетам этот слой датируется XVIII в. Мощность его залегания в некоторых местах достигала 2 м. Он обнаруживался на глубине 20—25 см от современной поверхности.

Третий слой по составу земли мало отличался от первого слоя. Он также состоял из черной или темной рыхлой земли, но особенностью его являлось вкрапление куч глины, иногда очень мощных, а также наличие отдельных прослоек из углей и золы. Третий слой оказался очень богатым как по отдельным находкам, так и по остаткам сооружений. Он характеризуется наличием круговой и лепной славянской керамики.

Четвертый слой имел различный состав земли: темную плотную, лежавшую на материке землю, а также черную и темную рыхлую. Этот слой характеризуется только наличием лепной керамики. Его подстилал материк.

При особенностях культурных напластований в Пскове, как и в других северных древнерусских городах, когда в процессе раскопок слои трудно различаются один от другого по составу земли, выемка культурного слоя производилась по пластам (штыкам), толщиной по 20 см каждый. Такой чисто технический прием полевой работы не заслонял основной задачи — изучения отдельных культурных слоев, а, наоборот, создавал возможность более правильно уловить их расположение и полнее характеризовать.

Изучение культурных слоев на таком многослойном памятнике, как Псков, дело сложное. Известно, что на больших поселениях культурные слои как в древности, так и в более позднее время, часто нарушались, перекапывались и культурные остатки их перемешивались. Не всегда такие перекопы попадали в профиль, [7] и по составу земли их не всегда можно было уловить в процессе раскопок. В таких случаях большое значение приобретает изучение керамики по основным ее видам и распределение ее в культурных напластованиях. С этой целью экспедиция производила тщательный сбор всего керамического материала с каждого квадрата и каждого пласта (штыка).

Точный подсчет найденных фрагментов керамики по отдельным ее видам (лепная и круговая [8]), произведенный также по квадратам и пластам, дал возможность обнаружить нарушения культурных напластований, иногда очень незначительные там, где они не попадали в профиль. Тщательный сбор и подсчет керамики под каждым жилищем, очагом, кучей глины и т. д. дал ценный материал для более полной и точной характеристики культурных слоев, что облегчало датировку вскрытых в них остатков различных сооружений.

---

[5] В настоящее время кремлевская площадка значительно выровнена.

[6] На раскопах предшествующих лет этот слой покрывал почти всю их территорию.

[7] Для получения возможно большего количества профилей (вертикальных разрезов культурного слоя), при применении двухметровой сетки квадратов, каждый раскоп разбивался еще на камеры (участки) по 48 м^2 каждый, отделяемые друг от друга полуметровыми бровками.

[8] Керамика, сделанная на ручном гончарном круге.

Первый пласт (0—0.2 м) содержал 9409 фрагментов славянской керамики.[9] Из этого числа на долю круговой керамики приходится 8826 фрагментов и на долю лепной — 583. Однако лепная керамика, найденная в первом пласте, не распределялась равномерно по всей территории раскопа, а сосредоточивалась на отдельных его участках.[10] Между тем круговая керамика встречалась в первом пласте на всей территории раскопа[11] и на некоторых квадратах в большом количестве фрагментов. Очень показательно, что из 107 изучаемых квадратов первого пласта 58 содержали только круговую керамику, а остальные 49 квадратов содержали керамику смешанную — лепную и круговую. В этом же пласте не было ни одного квадрата исключительно с лепной керамикой, как это наблюдалось в нижележащих пластах.

Все это показывает, что лепная керамика не входила в состав данного культурного слоя, а попала в него путем перекопов на отдельных участках раскопа, и затем уже отдельные ее фрагменты распространились и на более широкую территорию. Правильность такого вывода подтверждается еще и тем, что на некоторых квадратах первого пласта[12] были сделаны находки круговой и лепной керамики, но на этих же квадратах во втором, нижележащем, пласте лепной керамики не было; там встречена только круговая керамика.

Второй пласт содержал 9036 фрагментов керамики, из которых на долю круговой приходится 7313 и на долю лепной 1723 фрагмента. Из 102 изучаемых нами квадратов этого пласта[13] в 29 квадратах найдена только круговая керамика, в 65 круговая и лепная керамика встречалась совместно и на 8 квадратах была найдена только лепная керамика.

Изучение керамики в первых двух пластах показывает, что в них проходила граница между двумя культурными слоями Псковского кремля. На раскопе № 5 первый культурный слой характеризуется наличием только круговой керамики, лепная керамика попала сюда вследствие нарушения культурных слоев. Этот слой включал в себя полностью первый пласт, часть второго пласта и в некоторых местах опускался довольно глубоко, прорезывая более древние культурные напластования.[14] Мощность первого слоя определяется в 20—40 см (кроме ям).

Третий и четвертый пласты также дали смешанную керамику — лепную и круговую. Но здесь находки лепной керамики совместно с круговой нельзя назвать случайными. Из 5896 фрагментов керамики в третьем пласте на долю лепной приходится 2614 фрагментов, а в четвертом пласте на 3236 фрагментов керамики на долю лепной приходится 1814 фрагментов, т. е. более половины общего количества фрагментов керамики. Следовательно, третий культурный слой, лежавший непосредственно под первым, характеризуется наличием смешанной керамики — круговой и лепной. Это подтверждается и наблюдениями, сделанными в данном культурном слое,

---

[9] Из данного подсчета исключена вся современная керамика, встреченная в первом пласте, а также керамика с тех участков раскопа, где имелись явные нарушения культурных напластований.

[10] Так, например, в первом пласте, кроме круговой керамики, на кв. 75 было найдено 39 фрагментов керамики лепной, на кв. 77—71 фрагмент лепной, на кв. 143 — 41 фрагмент, на кв. 152 — 25 фрагментов и на кв. 153—65 фрагментов. На других же квадратах первого пласта лепная керамика среди круговой встречалась единичными фрагментами.

[11] Например, кв. 154 дал 698 фрагментов круговой керамики, кв. 79—318, кв. 82—333, кв. 84—322, кв. 85—456, кв. 149—500 фрагментов, и т. д.

[12] Например: квадраты 2, 3, 28, 32, 35, 41, 51, 65, 112, 116 и т. д.

[13] Количество изучаемых квадратов в каждом пласте, как и общее количество фрагментов керамики, не будет одинаковым, потому что пласты залегали на различных глубинах. Кроме того, в верхних пластах керамики встречалось больше, чем в нижних.

[14] Например: в квадратах 4, 10, 37, 58, 80, 117 и т. д.

находками смешанной керамики под остатками различных сооружений.[15] Третий слой включал не только второй, третий и, частично, четвертый пласты, но в некоторых местах прорезывал и более древний четвертый слой. Мощность его определяется в 40—60 см (кроме ям).

Пятый, шестой, седьмой, восьмой и, частично, четвертый пласты включали четвертый слой. Он характеризуется находками исключительно лепной керамики. Мощность его составляет от 40 см до 1 м.

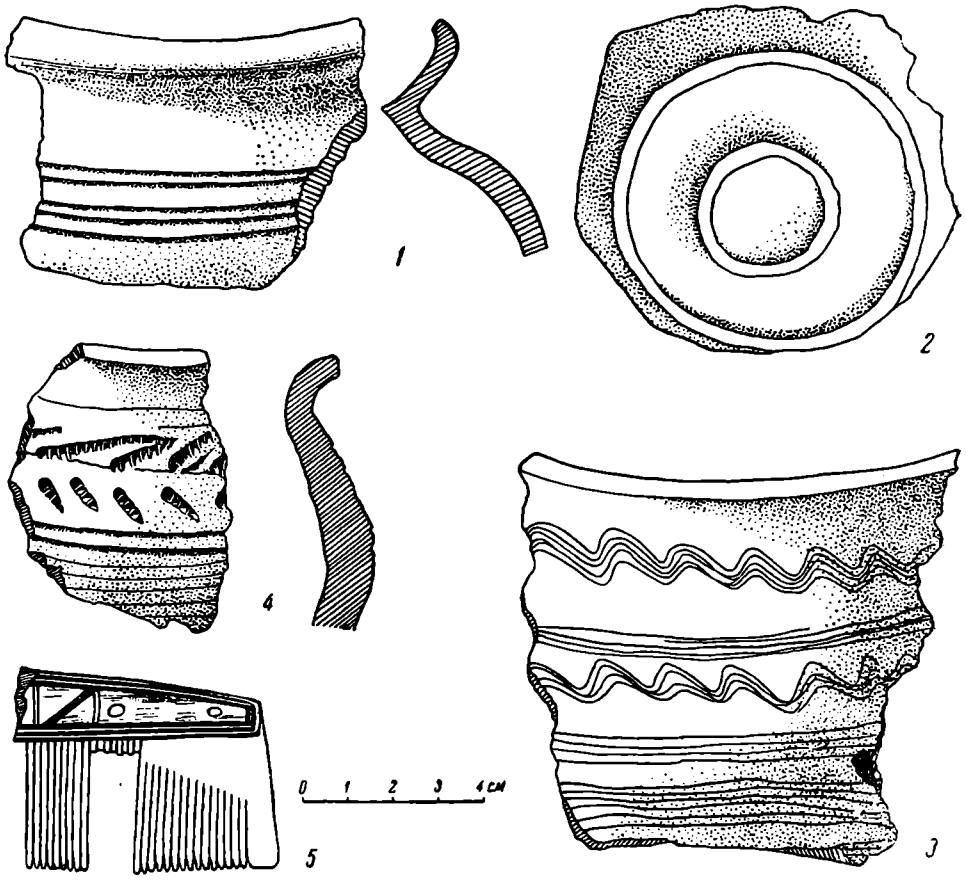


Рис. 24. Керамика и гребень из Пскова

Таким образом, на раскопе № 5 вскрыто три основных культурных слоя: первый слой — характеризуемый круговой керамикой; третий[16] — со смешанной керамикой — лепной и круговой и четвертый — исключительно с лепной керамикой.

Датировка культурных слоев может быть сделана на основании найденной в них керамики и отдельных находок.

Круговая керамика раскопа № 5 по форме и технике изготовления сосудов разделяется на две группы.

В первую группу входят тонкостенные сосуды (горшки), сделанные на ручном гончарном круге из хорошо отмученной глины, с небольшой примесью песка. Обжиг таких сосудов ровный и хороший, что дает основание предполагать наличие в то время в Пскове гончарных горнов. Стенки сосудов хорошо заглажены. Венчик резко отогнут наружу, образуя иногда ребристый выступ на горловине. Край в виде валика загнут внутрь. По

[15] Так, например, во втором пласте на квадрате 66, под очагом было найдено 6 фрагментов круговой керамики и 4 фрагмента лепной. Такая же картина наблюдалась и в квадратах 82, 85, 95, 36, 69 и др. второго и третьего пластов.

[16] Второй (мусорный) слой исключается из характеристики.

плечикам обычно проходит поясок из нескольких резных линий. Значительно реже встречается орнамент из желобчатых линий, зигзаговых или волнистых поясков. На днищах некоторых сосудов имеются гончарные клейма (рис. 21—*1, 2*).

Вторая группа круговой керамики отличается от первой по технике изготовления и форме сосудов. Выработка ее значительно грубее. Это прослеживается не только в технике формовки сосудов, но и в составе теста, в котором больше примеси песка, а иногда встречается и примесь дресвы. Орнамент на сосудах, как правило, нанесен значительно небрежней, чем на сосудах первой группы. В некоторых случаях он покрывает все тулово сосуда, чаще всего в виде желобчатых линий. Часто встречаются орнаменты из волнистых или зигзаговых линий, расположенных широким поясом, иногда в комбинации с другими орнаментальными видами. Интересен в этом отношении небольшой горшочек, сплошь покрытый небрежно нанесенным гребенчатым орнаментом. Обжиг этих сосудов значительно хуже, чем сосудов первой группы. Некоторые из них имеют в изломе пеструю окраску. Весьма разнообразна и профилировка края таких сосудов; как правило, она менее ярко выражена, чем на сосудах первой группы (рис. 24—*3, 4*).

Круговая керамика первой и второй групп встречалась вместе, что говорит о совместном ее бытовании.

Датировка круговой керамики, в особенности первой ее группы, а следовательно, и датировка первого культурного слоя, определяется находками отдельных вещей, встреченных на квадратах, давших исключительно круговую керамику. Здесь были найдены бронзовые бубенчики с одной и двумя прорезями, «древолазные шипы», крест-энколпион, односторонние широкие гребни с узким ободком (рис. 24—*5*), славянские замки и ключи от них, железные наконечники стрел (четырехгранные и черешковые), бусы (стеклянные позолоченные и сердоликовые). Особое значение для датировки этого слоя имеют находки пряслиц из розового шифера.[17]

Датировка первого культурного слоя, по найденному в нем материалу, определяется XI — XIII вв.

Датировку нижележащих культурных слоев удобнее начать с более древнего, т. е. с четвертого культурного слоя, с характеристики лепной керамики.

Лепная керамика, найденная на раскопе № 5, по технике изготовления делится на три группы.

Первую группу составляют сравнительно тонкостенные и хорошо заглаженные лепные сосуды с незначительной примесью дресвы в тесте. Некоторые сосуды имеют прямую шейку, отделенную от стенок небольшим ребристым выступом. Такие сосуды по форме и технике изготовления совершенно тождественны керамике длинного кургана у дер. Северик Псковского района.[18] Часть сосудов такой же техники изготовления, найденная на раскопе № 5, покрыта сетчатым орнаментом типа керамики дьяковых городищ. Все это дает основание отнести лепную псковскую керамику первой группы к первым векам I тысячелетия н. э.

Находки такой керамики в четвертом слое были немногочисленны, а керамика с сетчатым орнаментом встречалась единицами. Поэтому керамика первой группы не может считаться характерной для четвертого слоя.[19]

---

[17] На кв. 52 во втором пласте было найдено три шиферных пряслица и вместе с ними 52 фрагмента круговой керамики и 1 фрагмент лепной. На кв. 98, пласт второй, вместе с шиферным пряслицем найдено 86 фрагментов только круговой керамики. На кв. 118, пласт второй, было найдено шиферное пряслице, 644 фрагмента круговой керамики и 3 фрагмента лепной.

[18] Раскопки автора. Отчет Псковской археологической экспедиции за 1948 г.

[19] На раскопе № 2 1946 г., располагавшемся в северо-восточной части кремля, по берегу Псковы, был найден слой с сетчатой керамикой.

Вторая группа лепной керамики представлена толстостенными грубыми сосудами, с большой примесью дресвы и с шероховатой поверхностью стенок. Форма таких сосудов баночная и конусовидная. Вся она сделана на подставке. За отдельными исключениями, орнамент на таких сосудах отсутствует. Некоторые сосуды имеют сквозные отверстия на стенках и близ края (рис. 25—*1*).

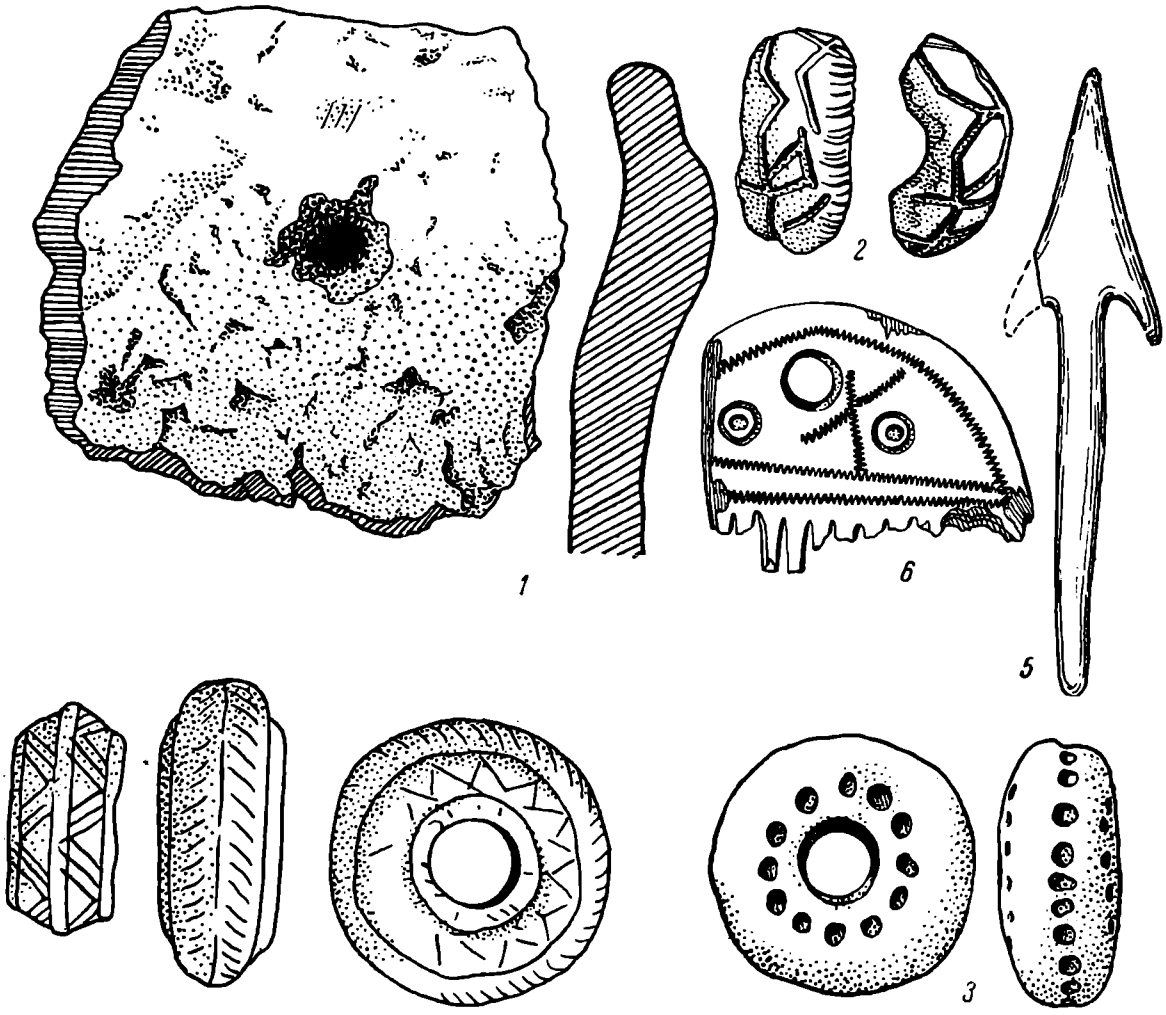


Рис. 25. Фрагмент лепной керамики, пряслица, наконечник стрелы и обломок гребня из Пскова

Лепная керамика второй группы составляет подавляющее большинство керамического материала четвертого слоя, но она встречается и в третьем слое.

Вместе с керамикой второй группы найдены каменные и глиняные пряслица (некоторые из них украшены орнаментом; рис. 25—*2*, *3*, *4*), костяные наконечники стрел (рис. 25—*5*), костяные иглы, проколки, амулеты (клыки животных с просверлинами), гребни односторонние, с высокой, иногда закругленной, спинкой (рис. 25—*6*), бляшка-скорлупка, аналогичная бляшкам из длинных курганов, бусы синего и голубого стекла. Весь этот материал, как и самый характер керамики, дает основание отнести ее, а следовательно и четвертый слой на раскопе № 5, к середине I тысячелетия н. э.

Датировка третьего слоя на раскопе № 5 определяется прежде всего его положением между первым и четвертым культурными слоями и отдельными находками в нем. Третий слой, как это отмечено выше, содержал в себе круговую и лепную керамику.

Кроме лепной керамики второй группы здесь встречались еще и лепная керамика третьей группы — сосуды со сравнительно тонкими и хорошо заглаженными стенками с незначительной примесью дресвы, иногда замененной песком. Профилировка края таких сосудов в некоторых случаях совпадает с профилировкой круговой керамики второй группы.

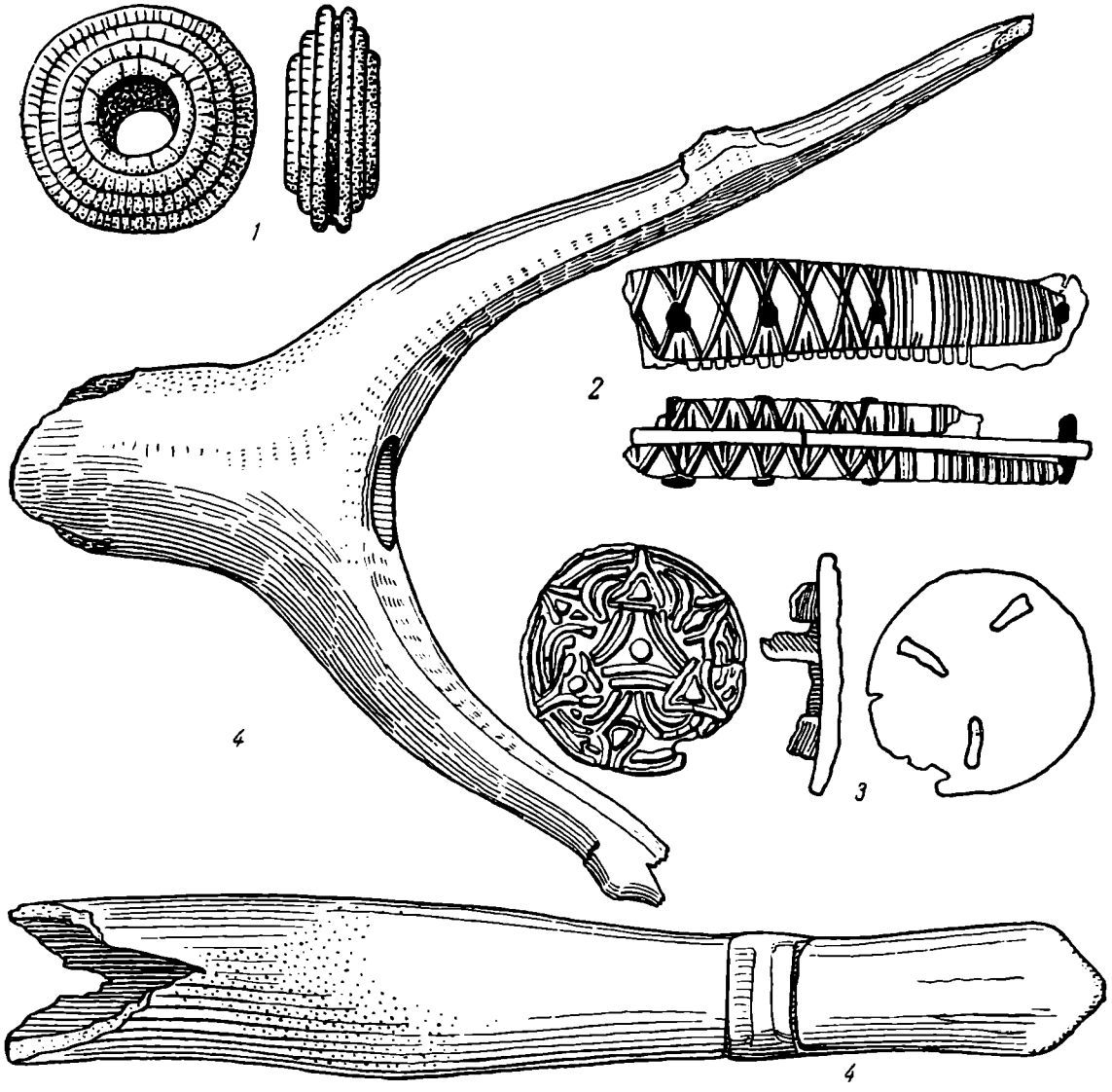


Рис. 26. Инвентарь из культурных слоев Пскова

В третьем слое были найдены каменные и глиняные пряслица с орнаментом, ножи славянские, «древолазные шипы», гребни односторонние с узким ободком, проколки костяные, амулеты, бусы. В этом же слое найден саманидский диргем (940—955 гг.) и бляшка с плетеным орнаментом (рис. 26—*1*, *2*, *3*).

Третий слой датируется IX — X вв.

В культурных слоях раскопа № 5, как и других раскопов Псковского кремля, нет никаких стерильных прослоев. Это убедительно доказывает, что поселение на месте Псковского кремля развивалось непрерывно в течение очень длительного времени и на его основе возник и развился город Псков. Это было славянское поселение, в характере культуры которого имеется много общих черт с культурой древнего Пскова.

Культурный слой по берегу Великой, в северной части Псковского кремля, начинается только с середины I тысячелетия н. э., в то время как по берегу Псковы раскопками предшествующих лет был вскрыт слой с сетчатой керамикой. Таким образом, удается проследить топографию древнего псковского поселка. Размеры этого поселка превышали 35 000 м², так как еще при раскопах 1945 г. в Довмонтовой крепости, примыкающей непосредственно с юга к Псковскому кремлю, был найден слой с лепной керамикой. [20]

В третьем и четвертом культурных слоях раскопа № 5 были вскрыты остатки жилищ, деревянный забор, плавильные горны и жертвенники. Экспедиция изучала также основание крепостных стен Псковского кремля.

Жилищ на раскопе № 5 вскрыто несколько. По типу они различны и относятся к различному времени. Одно из жилищ — деревянная наземная постройка четырехугольной в плане формы, несколько неправильных очертаний — было углублено в материк на 40—60 см. В юго-восточной части этого жилища углубление достигало 95 см, образуя здесь как бы впадину. Западная и восточная стороны жилища имели по 3.5 в длину, северная — 2.3 и южная — 2.8 м. С юго-западной стороны хорошо обозначался вход в виде уступа, непосредственно примыкающий к жилищу. У западной стенки жилища находился очаг из сильно обожженных колотых булыжных камней, расположенных в несколько рядов плотным полукругом. Севернее очага находилась еще одна группа крупных камней со следами копоти. У северной и западной сторон жилища прослежены ямки от столбов. В жилище было найдено глиняное пряслице, каменное пряслице уплощенно-биконической формы, шестигранная бусина из синего стекла, железный нож, лепная керамика второй группы, кости животных и рыб.

По стратиграфическим данным и характеру находок жилище датируется серединой I тысячелетия н. э.

В южной части раскопа, в третьем культурном слое, сохранились остатки жилища более позднего времени. Оно представляло собой наземную постройку с деревянными полами 4 × 5 м. В северо-восточном его углу находился развал каменной печки. У южной стороны сохранились три венца деревянных стен. Жилище, видимо, пострадало от пожара, так как часть деревянного пола, на котором лежали и камни от печки, была обуглена.

При расчистке и разборке остатков этого жилища была найдена круговая славянская керамика, [21] клык животного с просверлиной, обломок бусины синего стекла и одна такая же целая бусина шестигранной формы, каменное пряслице уплощенно-биконической формы, каменное пряслице дисковидное, заготовка для пряслица, две костяные проколки, стеклянная полосатая бусина цилиндрической формы, фрагмент рога лося со следами обработки и одна весьма интересная находка, выточенная из кости (рис. 26—4). Жилище датируется IX — X вв.

Это жилище, как и жилища подобного типа, вскрытые на раскопках предшествующих лет, показывает, что Псковский кремль (детинец) в древности был заселенной и основной частью города, лишь впоследствии превратившейся в территорию общественного значения.

Приблизительно на границе первого и третьего культурных слоев были вскрыты остатки забора, состоящего из деревянных кольев или тонких бревен, вкопанных очень близко один от другого. Он проходил вдоль линии берега Великой и прослежен на протяжении 38 м. [22]

---

[20] С. А. Тараканова. Раскопки в Пскове. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

[21] При расчистке развала печи на кв. 142. пласта 3, было найдено 3 фрагмента круговой керамики и 17 фрагментов лепной.

[22] Забор уходит в южный профиль раскопа и будет доследоваться при раскопках 1949 г.

При расчистке и разборке этого забора была найдена славянская круговая и лепная керамика,[23] каменное пряслице и славянский замок. Никакого более позднего материала ни около забора, ни в ямках от столбов не было. Все это дает основание датировать вскрытый забор приблизительно XI—XII вв. Назначение этого забора еще не совсем ясно. Возможно, что он обозначал какую-то древнюю улицу в Псковском кремле, совершенно неизвестную по письменным источникам.

Отдельные находки на раскопе № 5 дают возможность сделать некоторые выводы о характере хозяйства древних обитателей Псковского кремлевского мыса. Если при раскопках прежних лет по берегу Псковы, при наличии большого количества рыбьих костей и чешуи, не было найдено ни рыболовных крючков, ни грузил, что свидетельствовало о применении населением в то время неподвижных способов рыбной ловли, то в раскопе № 5, по берегу Великой, как известно, заселенному только с середины I тысячелетия н. э., были найдены и грузила, и рыболовные крючки.

В третьем и четвертом культурных слоях раскопа № 5 найдены хлебные зерна, серпы весьма архаических форм [24] и жернова.[25] Интересно отметить, что найденные 10 жерновов были сгруппированы главным образом на одном участке раскопа.

Раскопками получен большой материал, характеризующий ремесло древнего Пскова. Техника изготовления глиняной посуды проходила здесь такую же стадию развития, как и в южных славянских областях (Приднепровье). Лепная посуда делалась на подставке, что очень хорошо прослеживается по днищам этих сосудов.

В раскопках найдено огромное количество пряслиц, сделанных из камня, глины, кости, сердолика, янтаря и розового шифера. Подавляющее большинство находок их составляет каменные пряслица. Некоторые пряслица (например, из розового шифера) привозились, но большинство изготовлялось на месте, о чем свидетельствуют найденные в раскопках заготовки для таких пряслиц и полуобработанные пряслица (рис. 27—*1*). Многие каменные пряслица украшены орнаментом в виде резных концентрических линий. Выработка их может в известной степени характеризовать камнерезное дело древнего Пскова.

Костяные изделия изготовлялись на месте. В раскопах найдено много фрагментов рогов лося со следами срезов и распила. Встречено много изделий из кости грубой выработки. Часть из них, вероятно, представляет собой полуобработанные вещи. Особого внимания заслуживают костяные гребни; они найдены в четвертом и третьем культурных слоях. Все они односторонние. Двусторонние гребни совсем не встречались. В четвертом слое гребни исключительно с высокой спинкой, иногда полукруглой формы, напоминающие гребни типа полей погребений. В третьем же культурном слое встречались гребни как с высокой спинкой, так и с узким ободком, типа староладожских. Находки полуобработанных гребней свидетельствуют о выработке их на месте (рис. 27—*2*). Многие гребни украшены орнаментом циркульным и резным. Высокое мастерство ремесленников-костерезов характеризует костяная накладка, орнаментированная резным городчатым орнаментом, аналогичным орнаментам на псковских церквах. Она объясняет местное происхождение этих орнаментов. Накладка (рис. 27—*3*) найдена в третьем культурном слое. Многие костяные поделки, найденные

---

[23] Например, квадраты 19—20, пласт 3, дали 54 фрагмента лепной керамики и 2 фрагмента круговой, кв. 47—5 фрагментов лепной и 25 круговой.

[24] С. А. Тараканова. Раскопки в Пскове 1945—1947 гг. КСИИМК, вып. XXVII, 1949.

[25] Например, жернова были найдены на кв. 96, пласт 7; кв. 32, пласт 7; кв. А, пласт 7; кв. 21, пласт 7 и т. д.

в третьем культурном слое, были также орнаментированы и выточены на токарном станке (рис. 27—4).

Кузнечно-литейное ремесло характеризуется отдельными находками и открытием в раскопе № 5 плавильных горнов.

В третьем и четвертом культурных слоях найдены льячки различных размеров, тигельки целые и в обломках, а также каменные формочки (рис. 27—5). Псковские каменные формочки изготовлялись на месте.

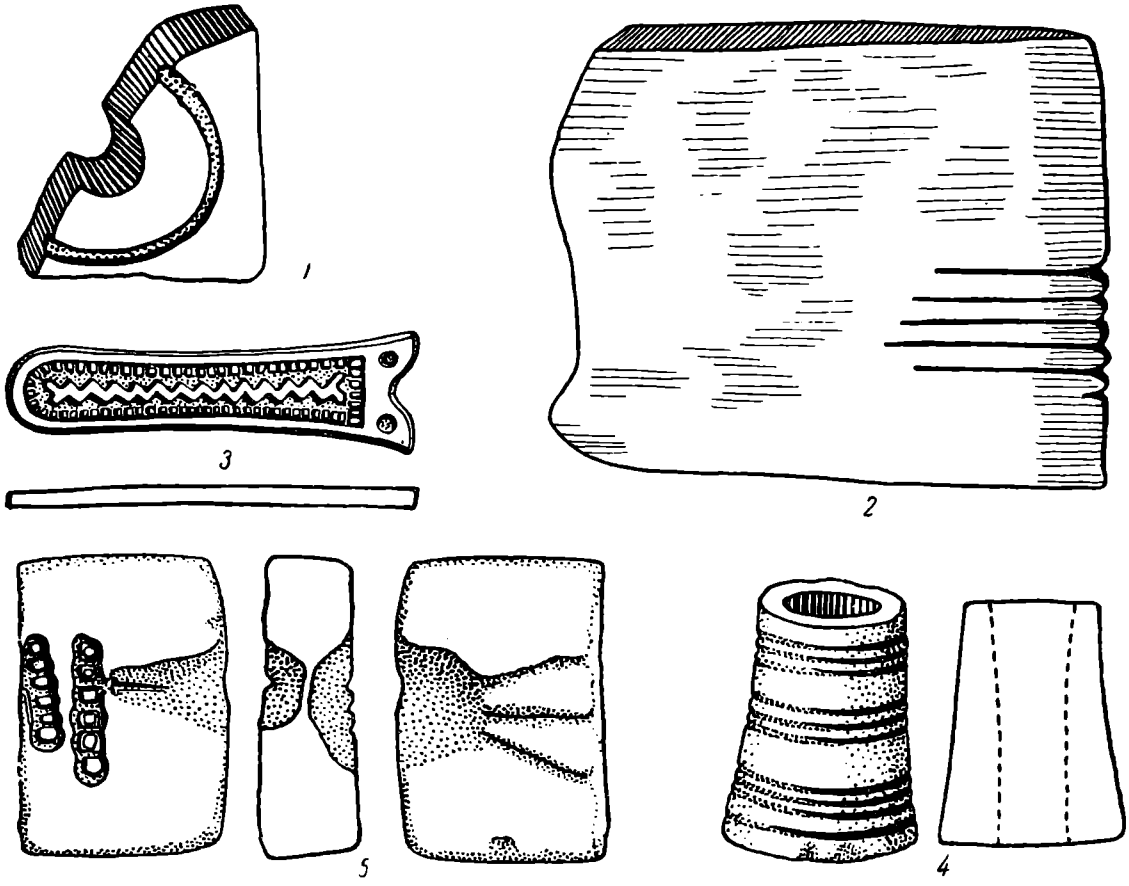


Рис. 27. Инвентарь из культурных слоев Пскова

В раскопках найдены и заготовки для них. Одна из формочек служила для отливки трапециевидных подвесок.

Среди изделий кузнецов имеются орудия труда — маленький напильник, молоток с железной рукоятью, тесло. Найдены железные славянские ножи, славянские замки и ключи от них, а также другие вещи домашнего обихода.

Большой интерес представляют вскрытые в раскопе № 5 плавильные горны. По мнению Б. А. Рыбакова, наземные плавильные горны появляются около X в.[26] До этого времени варка железа происходила в так называемых «волчьих ямах». Псковские горны датируются, как это будет показано ниже, VIII в.

Горны были вскрыты на раскопе № 5 в трех пунктах.[27] В каждом из этих пунктов находилось по нескольку разрушенных горнов. В раскопках они представляли большие кучи очень плотной желтой, иногда красноватой обожженной глины, в которой встречались угли, кусочки истлевшего дерева, булыжные камни средних и мелких размеров. При изучении этих

[26] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, 1948, стр. 129.
[27] Горны вскрыты на квадратах: 2, 3, 6, 7, 10, 11, 99, 103, 150, 154.

горнов выяснилось, что основанием им служили каменные вымостки диаметром 1—1.5 м округлой формы, плотно сложенные из двух-трех рядов ровных булыжных камней, скрепленных глиной. Камни и глина были сильно прокалены. На некоторых таких вымостках найдены шлаки металла. Куски шлаков находились и около горнов.

Вертикальный разрез одной группы горнов (кв. 99, 103, 150, 154) помог выяснить некоторые черты их конструкции. Имея в основании каменную вымостку, горны были сложены из глины и булыжного камня и скреплены деревом. Остатки кусков истлевшего дерева находились почти в в каждом развале горнов. Судя по основанию, они были круглые.

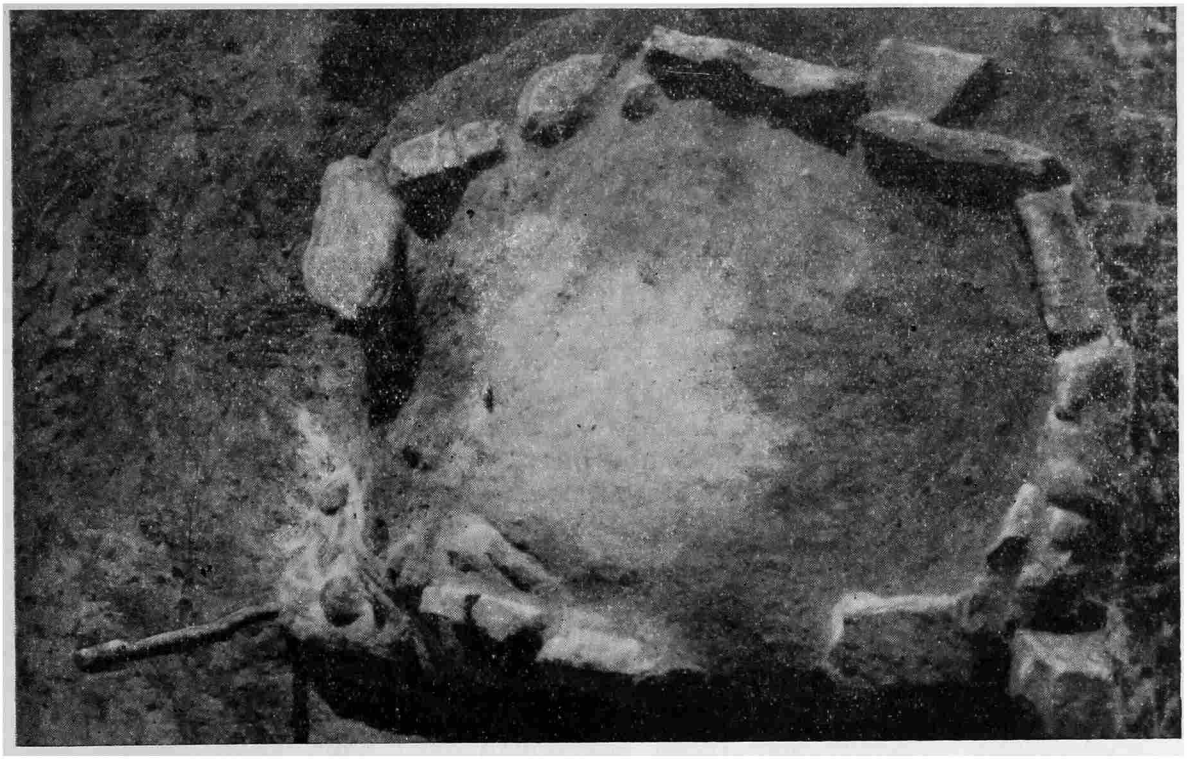
Интересно устройство одного горна в квадратах 6 и 7. Его каменное основание находилось почти на уровне материка. Под ним в материке была заполненная черной землей яма круглой формы, глубиной 35 см. К этой яме примыкало с северной стороны узкое длинное углубление в материке так, что яма с этим углублением принимала в плане как бы форму ковша с изогнутой ручкой. Возможно, что здесь мы имеем специально приспособленное для горна поддувало.

Датировка горнов определяется их стратиграфическим положением и находками лепной керамики при их расчистке и разборке. Так, горны, вскрытые во втором пласте (кв. 99, 103, 150, 154), дали при расчистке 75 фрагментов лепной керамики. Исключительно лепная керамика была найдена и при расчистке горнов в квадратах 6, 7, 10, 11. Только при расчистке горнов в квадратах 2 и 3, вскрытых в третьем пласте, было найдено три фрагмента круговой керамики и 21 фрагмент лепной. При разборке же горнов и под ними была найдена также исключительно лепная керамика. Все это дает основание датировать эти горны VIII в. н. э. Псковские горны являются древнейшими из всех известных нам плавильных городских горнов.

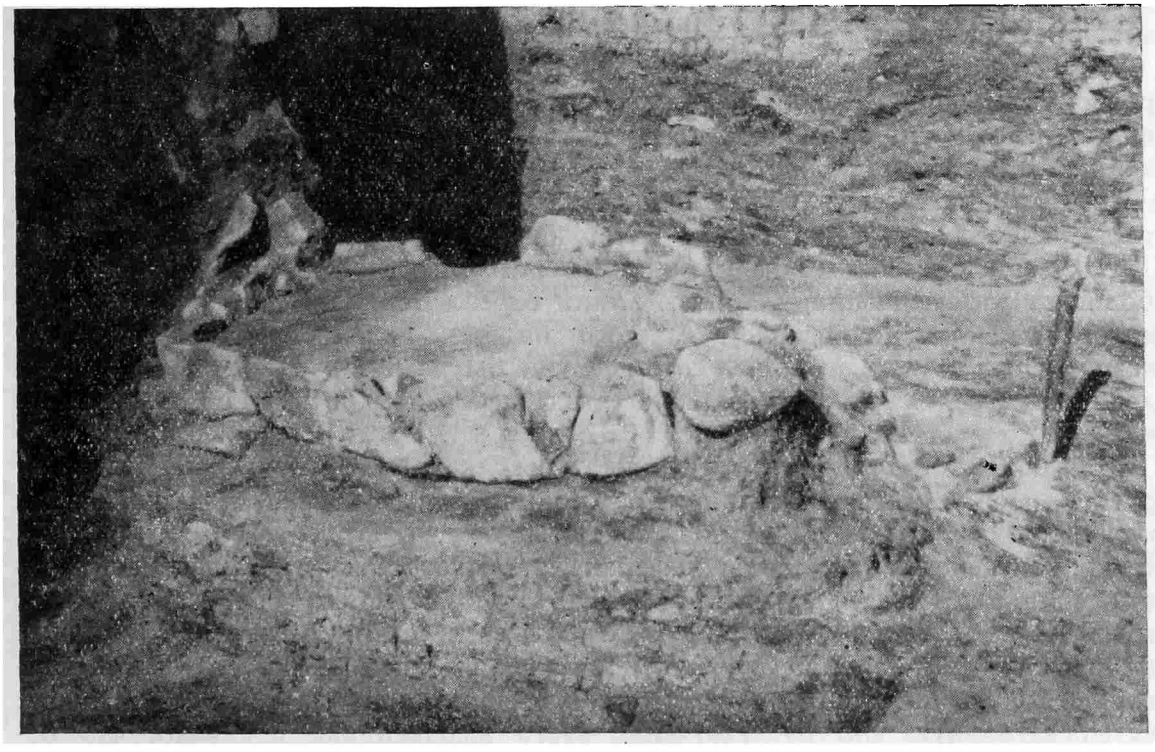
Исключительный интерес представляют псковские жертвенники. Один из таких жертвенников хорошей сохранности был вскрыт еще при раскопках 1947 г. на раскопе № 4. Жертвенник был сложен из чистого речного песка, окаймленного поставленными на ребро ровными плитняковыми камнями, толщиной 5—8 см. С восточной стороны это каменное кольцо замыкал валун. В плане жертвенник представляет собой овальную фигуру, большая ось которой, 1.15 м, была расположена перпендикулярно к линии берега Великой; малая ось равнялась 98 см. Поверхность жертвенника покрывала корка сильно перекаленного песка. На ней, а также между камнями находилась зола и мелкие угольки. У западной стороны жертвенника стоял сильно истлевший столб, подножье которого было также обложено двумя рядами вертикально поставленных камней. Под этим жертвенником находились остатки другого, более древнего жертвенника такого же типа (рис. 28).

Раскопки 1948 г. помогли уточнить обстановку, окружающую эту группу жертвенников. На расстоянии 2.5 м к юго-западу от этой группы жертвенников (в кв. 2 и 3 раскопа № 5) находились разрушенные горны. Примерно на таком же расстоянии к северо-западу от жертвенников были остатки еще четырех жертвенников такого же типа, очень сильно разрушенных и наслаивающихся один на другой. У подножья самого нижнего из них оказался лепной горшок, наполненный черной землей.

Между обеими группами жертвенников, на расстоянии 2 м к западу от первой группы и 1 м к югу от второй группы, находилась большая куча костей животных и череп лошади. По определению В. И. Цалкина, это были полные скелеты двух лошадей различных пород. Кости не имели на себе никаких следов механических повреждений. Лишь на одной из костей молодой лошади были видны следы ожога. Это были, несомненно, жертвенные животные.



а



б

Рис. 28. Жертвенник:

а — вид сверху; *б* — вид сбоку

Следующая группа жертвенников была вскрыта на расстоянии 8—9 м к югу от первых двух групп, в квадратах 8, 17, 21. Самый верхний из них был сравнительно хорошей сохранности и такого же типа, как и описанные выше жертвенники. Он также был сложен из речного песка и окаймлен вертикально поставленными плитняковыми камнями. Под ним, на глубине 50 см, оказался другой жертвенник, несколько отличный от верхнего тем, что имел с западной стороны угловые очертания. На расстоянии 80 см к северо-востоку от этих жертвенников, в четвертом и пятом пластах, обнаружено большое зольное пятно, в котором были найдены кальцинированные кости. Непосредственно к этим двум жертвенникам примыкал еще один с западной стороны.

Необходимо отметить одну особенность при устройстве этой группы жертвенников. Среди плитняковых камней, их окаймляющих, было несколько обломков жерновов. Попали ли они сюда случайно как строительный материал или имели какое-либо ритуальное значение — остается невыясненным. Такое же явление было прослежено и в другой группе жертвенников.

Южнее третьей группы жертвенников, на расстоянии 7—7.5 м от последней, находились еще два жертвенника. Один из них был вскрыт во втором пласте квадрата 24; другой располагался в квадрате 20 почти на самом материке. Первый жертвенник был сильно разрушен (сохранилась только южная его часть). На нем стоял раздавленный горшок, сделанный на гончарном круге. На расстоянии 75—80 см к северо-западу от этого жертвенника, в четвертом — пятом пластах находилась также плотная куча костей. Они были прикрыты деревянными плахами и поверх них плитняковыми камнями. По определению В. И. Цалкина, кости представляли полный скелет молодого жеребенка, мелкой тонконогой породы. Костей других животных здесь не оказалось. Кости жеребенка также не имели следов механических повреждений.

По снятии этого жертвенника в материке обнаружилось много густо расположенных маленьких ямок, вероятнее всего от кольев, которые, очевидно, имели отношение ко второму жертвеннику, так как плотно примыкали к нему с западной стороны. Под вторым жертвенником в материке не оказалось никаких углублений. В последнем жертвеннике среди камней также обнаружено три обломка жерновов.

Все описанные нами жертвенники были ориентированы по линии своей большой оси, перпендикулярно к линии берега Великой. Все они имели некоторый наклон на восток, у каждого из них находилось по валунному камню с восточной стороны, который как бы замыкал плитняковое ограждение жертвенника. При разборке этих жертвенников и под ними была найдена лепная керамика.

Несколько иной тип жертвенника был вскрыт в юго-западном углу раскопа № 5, на значительном расстоянии от других жертвенников. Он находился в 2—3 м от горнов, вскрытых в квадратах 99, 103, 150, 154. Этот жертвенник был также насыпан из речного песка, но здесь не было окаймляющих его плитняковых камней. Его скрепляли мелкие гранитные камни, расположенные по краю жертвенника в самом песке. Плитняковые камни крупных размеров, также поставленные на ребро, окружали подножье жертвенника на некотором расстоянии от него, образуя в плане четырехугольную фигуру. Изучение этого жертвенника показало, что остатки жертвоприношений в виде пережженных косточек, в том числе и рыбьих, оставались на его поверхности и затем через некоторое время засыпались чистым песком. Такое чередование прослоек чистого речного песка с угольно-зольными прослойками, включавшими кальцинированные косточки, было отмечено на этом жертвеннике четыре раза. Этот жертвенник при разборке дал также лепную керамику.

Расположение жертвенников вблизи горнов и находки, сделанные на них, указывают на тесную связь тех и других. Так, около третьей группы жертвенников была найдена льячка, а на одной из них кусочки шлаков. Два кусочка шлаков были найдены на одном жертвеннике второй группы. Вскрытые плавильные горны дают интереснейший материал по древнему псковскому кузнечно-литейному ремеслу, а жертвенники характеризуют религиозные воззрения древних псковичей.

При раскопках 1948 г. были изучены также и крепостные стены Псковского кремля. О времени их первоначальной постройки в письменных источниках не сохранилось упоминаний. Первые сведения о псковских крепостных стенах мы находим в псковской летописи под 1309 г., но эта каменная стена проходила вне Псковского кремля. Основываясь на данных летописей и характере крепостных стен в других городах того времени, я в свое время высказала предположение о том, что Псков до 1309 г. имел деревянные стены, в том числе и вокруг Псковского кремля.[28] Раскопки показали, что это не совсем правильно. В кремле были вскрыты три линии крепостных стен. Одна из них проходила близ края кремлевской площадки и представляла собой вал высотой до 1 м, сложенный из плотной желтой глины. Ширина этого вала достигала 2—2.2 м. По гребню вала проходила деревянная стена или тын. На валу сохранились круглые ямки от столбов. Всего на расстоянии 2 м открыты четыре такие ямки, расположенные в одну линию. Ямки были заполнены темной землей, в которой встречалась рыбья чешуя. В одной из них найдены мелкие кусочки истлевшего дерева. Близ ямок находились две небольшие группы булыжных и плитняковых камней, назначение которых остается невыясненным.

Поверхность вала покрывала темная плотная земля, характерная для четвертого культурного слоя. При расчистке поверхности вала на территории одного квадрата (73) было найдено 5 фрагментов круговой керамики и 15 фрагментов лепной. Разборка же группы камней на валу, как и самого вала, дала исключительно лепную керамику. Кроме того, на валу были найдены птичья кость с просверлиной и амулет (клык животного). Под валом найдена лепная керамика второй группы.

Все эти данные устанавливают, что древнейшим укреплением вокруг Псковского кремля была деревянная стена на земляном валу. По найденному в ней материалу ее можно датировать VIII в. н. э.

К этой стене с внутренней стороны кремлевской площадки примыкал развал каменной стены, сложенной путем сухой кладки из крупного плитнякового камня. Ширина этого развала составляла свыше 3 м. В раскопках прослежено несколько рядов сравнительно хорошей сохранности кладки этой стены. При расчистке и снятии первого ряда камней стены на площади двух квадратов было найдено 165 фрагментов круговой керамики, славянский нож, два «древолазных шипа» и шиферное пряслице. При расчистке и снятии последующих рядов камней между ними были обнаружены небольшие пятна красноватой глины и мелкие кусочки истлевшего дерева. Здесь также была найдена круговая керамика первой и второй группы, железное кольцо, лодочная заклепка, железный предмет в виде узкой пластинки, загнутой на одном конце крючком, и монета фрисландского графа Эгберта II (1068—1090). При окончательной разборке этой стены, как и в земле, непосредственно ее подстилающей, на этих же квадратах найден 31 фрагмент круговой керамики, 41 фрагмент лепной и железная скоба.

Вскрытая стена была первым каменным укреплением древнего Пскова. Она проходила с внутренней стороны кремлевской площадки, превращая прежний земляной вал в укрепление своего основания с внешней стороны.

---

[28] С. А. Тараканова. К вопросу о крепостных стенах Пскова. КСИИМК, вып. XIII, 1946.

По найденному материалу ее можно датировать X—XIII вв. или половиной XIII в.

В половине XIII в. псковичи построили третью линию крепостных стен вокруг кремля, которая, переделанная почти до основания в более позднее время, сохранилась до наших дней. Эта стена проходит вдоль самого края кремлевской площадки, оставляя внутри нее два ряда прежних укреплений.

Остатки этой стены на участке раскопа начинались от современной поверхности. Стена имела кладку двоякого рода: основание ее представляет сухую кладку из плитнякового камня, с редким включением валунов, высотой около 0.7 м и шириной 2.2 м. На этом основании покоится плитняковая кладка на тощем известковом растворе, без валунных камней. Высота этой сохранившейся части стены составляет 0.8 м, ширина 1.2 м. Стену подстилает слой черной земли. В ней у подножья стены найдено 19 фрагментов круговой керамики и 14 фрагментов лепной. Время постройки этой стены может быть определено только сравнением с первой каменной стеной, т. е. XIII в.

Полученный из раскопок 1948 г. материал дает возможность сделать следующие выводы, восполняющие результаты раскопок предшествующих лет.

1. Древний Псков развился на основе более древнего славянского поселения, занимавшего некогда высокий скалистый мыс между реками Великой и Псковой. Отсутствие стерильных прослоек в культурных напластованиях Псковского кремля и генетическая связь культуры древнего Пскова с культурой древнего поселения, прослеженная по керамике, изделиям из кости и другим признакам, вполне доказывает такое происхождение Пскова.

2. Раскопками предшествующих лет установлено, что древнее поселение на месте Псковского кремля возникло еще во II — III вв. н. э. и располагалось первоначально только по берегу Псковы. Раскопки 1948 г. подтвердили это положение и еще раз доказали, что это поселение только к середине I тысячелетия н. э. заняло берег Великой. Большие размеры древнего поселка (свыше 35 000 м^2) и характер хозяйства его обитателей, особенно характер ремесла, дают основание утверждать, что это было не рядовое поселение, а племенной город — центр племенного объединения кривичей.

3. Постройка первых крепостных стен вокруг Пскова, широкое развитие кузнечно-литейного и других ремесел, за что говорят вскрытые в раскопках горны, позволяют отнести формирование Пскова собственно как города к VIII в.

4. Находки ремесленных изделий, жилища, забор, жертвенники обрисовывают Псков в первые века его существования и делают эти материалы особенно ценными для изучения его древнейшей истории, совершенно не отраженной в письменных источниках.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

З. А. АКЧУРИНА, А. М. ЕФИМОВА,
А. П. СМИРНОВ и О. С. ХОВАНСКАЯ

РАСКОПКИ ВЕЛИКИХ БОЛГАР

В 1948 г. продолжались систематические раскопки городища Великие Болгары, начатые в 1937 г.[1] Полученные материалы показали значительную роль этого города в культурной жизни Восточной Европы. Интересны данные, подчеркивающие тесные связи с древней Русью и значительное число руссов среди его населения. Работа проводилась тремя отрядами: первый (под руководством З. А. Акчуриной) исследовал ремесленный квартал в центре современной деревни Болгары; второй (под руководством О. С. Хованской) провел работу по уточнению границ города X в. Тщательный анализ данных дьяка Михайлова, сопоставление со старыми картами, сличение с рельефом местности, к сожалению, ничего пока не дали. Второй задачей отряда явились раскопки в районе озера Голландского (от слова «голанцы» — черепки). Предварительные разведки в районе озера, произведенные досоветскими исследованиями, показали огромное скопление обломков глиняной посуды, давшее основание предполагать там наличие гончарных мастерских. Раскопки открыли ряд таких мастерских. Третий отряд (под руководством А. М. Ефимовой) продолжил раскопки могильника на Бабьем Бугре. Полученный материал подтвердил дату захоронения булгарской эпохи. Из 100 погребений около 30 относятся к домонгольскому времени.

Первый отряд. Раскоп общей площадью 212 м^2 заложен к югу и востоку от раскопа 1947 г. Раскоп разбит на участки по 4 м^2, получивших единую нумерацию с площадью 1947 г.

Вскрытие культурного слоя позволило установить следующий порядок напластований сверху вниз: первый слой — дерн или дорога, содержащий булгарские и русские вещи, причем последние встречаются в незначительном количестве. Этот слой является верхним горизонтом четвертого культурного слоя золотоордынской эпохи. Второй слой соответствует четвертому слою стратиграфической шкалы городища. По характеру он представляет гуммированную супесь с включением сырой и обожженной глины, развалин глинобитных сооружений, прослоек дерева и включенных в массив слоя подпольных и зерновых ям. Слой богато насыщен разного рода культурными остатками и различными сооружениями, из которых более

[1] Экспедиция организована ИИМК, ГИМ и Гос. казанским музеем в составе: З. А. Акчуриной, Д. И. Архангельского, Н. Аксеновой, А. М. Ефимовой, Э. С. Ипполитовой, В. И. Королева, В. А. Семеновой, А. П. Смирнова, В. А. Тихомировой, М. Н. Трегубова, О. С. Хованской и практикантов, учеников 324-й школы К. Смирнова и 87-й школы А. Трегубова.

поздние нарушают ранние. Встречено большое количество строительных материалов — остатков дерева, щебня и камня.

Слой содержит много костей животных, преимущественно мелкого рогатого скота. Соотношение костей овцы, лошади и коровы в кухонных отбросах четвертого слоя равно: овцы 60.8; коровы 32.8; лошади 6.4%.

Весь слой насыщен керамикой, главным образом простой. Поливная представлена небольшим числом обломков и составляет не более 3—4% ко всему количеству посуды. Наибольшее количество посуды желтой, серой и красной. Встречена серая с серебристым оттенком и отдельные экземпляры с лощением в клетку. Как правило, коричневая встречается крайне редко.

Поливная посуда представлена полихромной, серой с растительным узором, зеленоватого тона, голубой, зеленой и белой.

В первых пяти штыках встречено большое количество золотоордынских монет. Найдено много украшений, среди которых первое место занимают бусы различной формы, стеклянные, горного хрусталя, аметиста, сердолика.

Железные изделия представлены различными бытовыми вещами — ножами, замками, обломками чугунных котлов различной формы и инструментами.

Четвертый слой представляет довольно монолитную массу, однохарактерную по составу и по строению, мощностью 1.5—2.0 м. Попытки разделить его на горизонты оставались безрезультатными, так как строительные работы, производившиеся на всем протяжении золотоордынской эпохи, в значительной мере перемешали культурный слой не только этого, но и на некоторых участках предшествующего времени.

Изучение керамического материала позволило установить, что верхние слои дают много хорошей красной посуды, часто высокого обжига, сформованной на ручном круге из хорошо промешанной глины. Ниже увеличивается число посуды с темной прослойкой и грубой работы. В нижних горизонтах четвертого слоя встречается рейская посуда 70-х гг. XIII в. и в большом числе золотоордынская полихромная, в то время как вверху преобладает синяя и голубая.

Ниже залегает слой, обозначенный пятым по стратиграфической шкале городища. По своему составу он резко отличается от четвертого слоя. Он более плотный суглинистый, с меньшим числом культурных включений, в частности строительных остатков. Он не содержит развалин плавильных печей. Повидимому, в данный период этот район города не носил производственного характера. Этот слой на непотревоженной площади совершенно не содержит поливной посуды. Весьма мало на таких участках красной керамики. Часто встречается коричневая лощеная, с темной прослойкой, желтая и черная. В этом же слое найдена одна сердоликовая бипирамидальная бусина и шиферные пряслица. Последние находки не позволяют говорить о времени более раннем, чем XII в., а отсутствие типичных золотоордынских вещей заставляет отнести пятый слой, как и аналогичные слои других раскопов центральной части городища, к этому времени. В этом слое встречаются плохо прослеженные остатки домов и зерновые ямы обычного типа, напоминающие ямы шестого слоя.

Ниже залегает слой, обозначенный в шкале стратиграфии городища шестым. По составу он весьма близок пятому, весьма плотный, суглинистый с небольшим числом находок. Остатков ремесленных производств здесь не найдено. Слой содержит крайне незначительное количество обломков посуды (коричневой и черной) ручной лепки. Датирует слой находка желтой, лимонного тона, стеклянной бусины.

К этому же слою относятся несколько зерновых ям. Изучение нижних слоев городища достаточно ясно показывает, что этот район в домонголь-

скую эпоху представлял собой мало заселенную окраину города. Никаких следов ремесленного производства, относящихся к той же эпохе, здесь не найдено.

Анализ керамики (в %), произведенный по всему раскопу, позволил установить следующее соотношение посуды в четвертом, пятом — шестом и шестом слоях.

Керамика	Слой		
	IV	V—VI	VI
Красная	39.6	31	20
Желтая, высокого обжига	10.8	11	17
Желтая, низкого обжига	16.7	18	20
Серая, высокого обжига	14.5	1	—
Серая, низкого качества	6	6	—
Коричневая	12	32	39
С раковинной примесью	0.4	1	4

Несмотря на перемешанность слоев на некоторых участках, не позволяющую установить комплекс керамики и вещей для отдельных слоев, все же можно заметить изменение состава керамических находок. В верхних слоях, начиная с 3—4 штыков, преобладает красная, количество которой падает в нижних слоях. Наоборот, в нижних слоях увеличивается количество желтой и коричневой и посуды с примесью раковины. Серая посуда оказалась характерной для верхнего слоя и в нижнем слое не встречена.

При исследовании были найдены различные сооружения: зерновые ямы, дома и металлургические горны (рис. 29 и 31).

В 1948 г. было открыто 9 деревянных домов. Некоторые из них относятся к раннему времени X—XI вв., другие, лучше сохранившиеся, к золотоордынской эпохе. Все они рублены из сосны, в обло; пол во всех домах деревянный, покоился на двух-трех переводинах; близ стены находилась печь. Все печи глинобитные, сводчатые, типа русской печи. Под полом находилось подполье, стены которого были забраны вертикальными столбами или срубом. Размеры домов колеблются в пределах 5 × 5, 4 × 3, 4 × 4 м. Все открытые дома строго ориентированы по линии с северо-востока на юго-запад. Это направление совпадает с тем, которое было намечено в 1946—1947 гг. и в 1945 г. в том месте, где экспедиция открыла дом, имеющий также указанное направление. Дома дают возможность наметить древнюю улицу в этой части города. Весь материал показывает, что дома принадлежали ремесленникам. В них были найдены в большом количестве зубила, полуфабрикаты, металлические пластины и огромное количество криц. Интересно, что материальное благосостояние этих ремесленников кузнецов-литейщиков было значительно выше, чем благосостояние гончаров, известных нам по слободе у Голландского озера. Здесь мы встречаемся с находками китайского фарфора, рейской керамики, золотоордынской, в частности хорезмийской керамики. Кроме того, найдены всевозможные бусы, различные подсвечники, кумганы расписные, среднеазиатская посуда, браслеты и т. д. Интересны находки расписного стекла. Были найдены и сельскохозяйственные орудия, косы, обломки жернова, а также грузила, ткани, веревки и остатки рыболовной сети.

На площади раскопа было открыто 26 зерновых ям в форме усеченного конуса, боченкообразные, цилиндрические и в виде чаш. В некоторых ямах сохранились органические остатки, солома и злаки. Часть сейчас определена — это пшеница. Рассмотренные дома и ямы относятся к X — XIII вв., самое позднее к началу XIV в.; затем на этом участке возникают

Рис. 29. Сыродутные горны

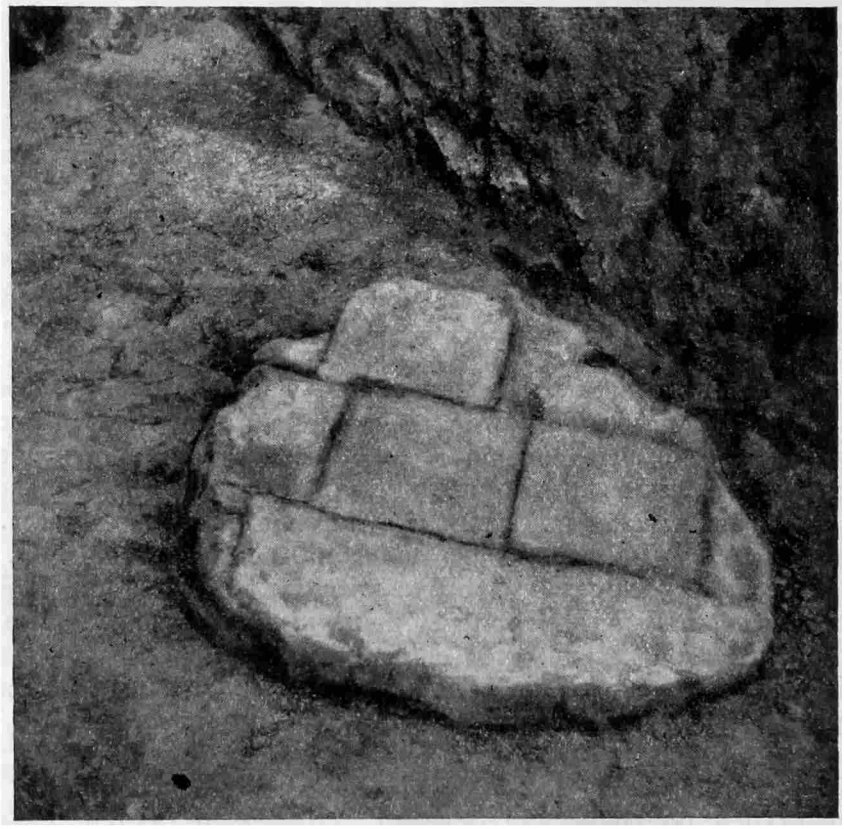


Рис. 30. Вымостка горна

железоделательные мастерские. На раскопанной площади было открыто два типа горнов. К первому относятся горны невысокие, со стенками, сложенными из сырцовых кирпичей, сильно прокаленные с внутренней стороны, несколько боченкообразной формы; сохранились они до 70—80 см высоты. Изгиб стенок заставляет предполагать максимальную высоту 90—100 см.

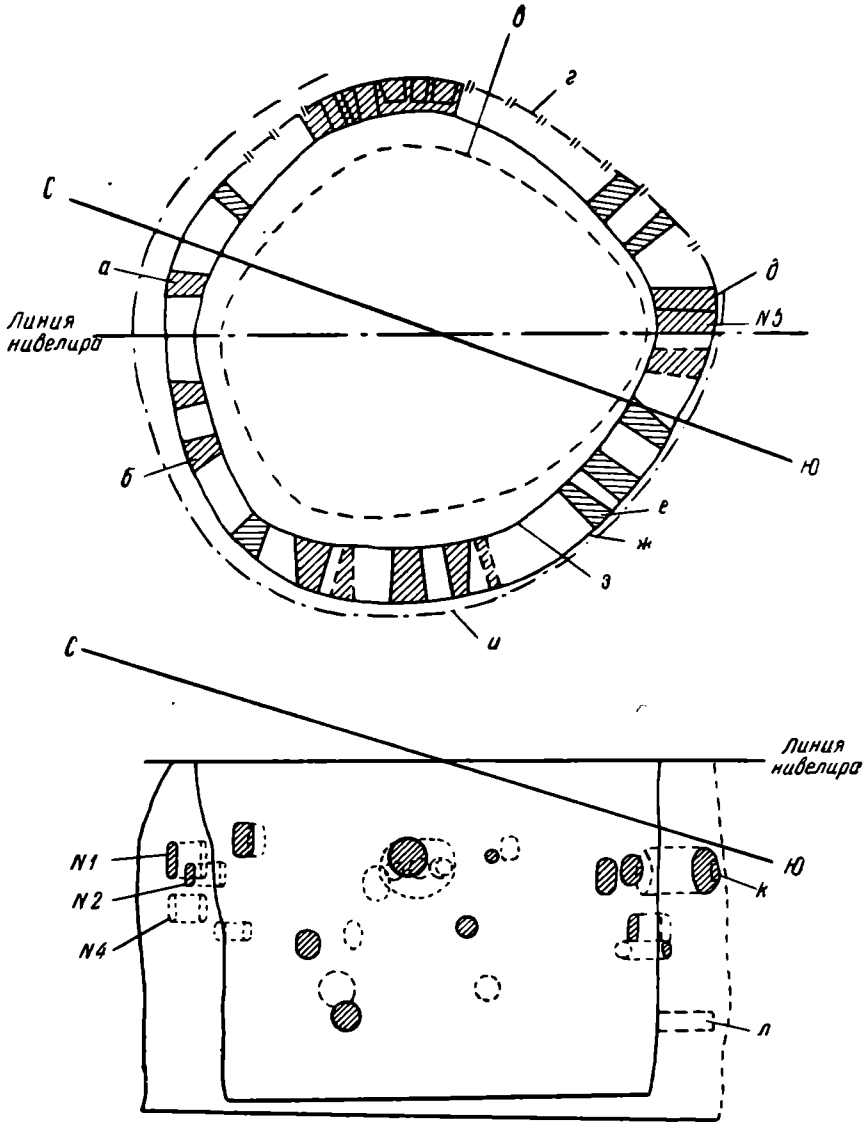


Рис. 31. План и профиль горна № 6

Диаметр горнов 80—110 см. Стенки разрушены. У некоторых в нижней части имеется значительное отверстие для вынимания крицы. Второй тип отличается от первого значительными размерами. Горны сложены также из сырцового кирпича и имеют сильно прокаленную внутреннюю часть. Толщина стенок 30—35 см, диаметр аналогичен поперечнику первых печей, но сохранившаяся высота значительно больше — 1.30—1.50 м; форма горнов цилиндрическая, боченкообразная. Некоторые горны сохранились на высоту 1.20—1.30 м только в нижней, расширяющейся части. Нужно думать, что их первоначальная высота достигала 3 м, а, возможно, и выше. Особенностью этих горнов является большое количество отверстий в стенках — от двух до 26. Эти отверстия расположены без видимой системы на разном уровне верхней и нижней частей горна; диаметр их 2—3 см.

Под этих печей слегка покатый, выложен из глиняных плит, по размеру аналогичных золотоордынскому кирпичу (рис. 30). Эта форма горнов в

виде двух усеченных конусов, соединенных основаниями, с отверстиями для дутья в средней и верхней части, с покатым полом, стоит очень далеко от примитивных кричных сыродутных горнов первого типа и напоминает литейные печи, близкие домницам.

Датировка всех этих печей устанавливается довольно хорошо. Во многих из них были обнаружены золотоордынские монеты; в одном горне найдены 23 монеты. Следует отметить, что находка таких горнов не представляет ничего нового. Во всяком случае, еще в XIX в. Терещенко нашел такие же сооружения при раскопках Старого Сарая.[2] В такой печи может быть получен чугун. Анализ найденных здесь обломков чугуна, произведенный в Химической лаборатории Центрального научно-исследовательского института черной металлургии, показал следующий состав его: углерода 4.46%; кремния 0.08%; марганца 0.08%; серы 0.085%; фосфора 0.16%. Этот чугун, судя по присутствию фосфора, среднеплавкий, т. е. может плавиться при 1100° (определение Б. А. Колчина).

Весь материал, полученный экспедицией, показывает, что булгары в XIV в. располагали такой железоделательной техникой, которая давала возможность получать чугун.[3]

Найденные нами обломки чугунных котлов напоминают некоторые образцы лепной булгарской глиняной посуды, повторяя в чугуне тот же самый тип. Это достаточно ясно свидетельствует о местном производстве чугуна. Эта находка и привлечение старого материала заставляют нас пересмотреть точку зрения на историю появления чугуна у нас в России. Развитие чугунно-литейного дела в России относилось к XVI в., в Западной Европе — к XIV в. Древнейшей литой вещью считалась находка в Англии, в церкви графства Суссекс, могильной плиты XIV в., причем все исследователи считали, что чугун получен из Stukofen. К этой же эпохе (XIV в.) пытались отнести один котел из Мюнхенского национального музея; многие последующие исследователи отвергли предложенную датировку.

При вскрытии культурного слоя на площади первого раскопа было найдено много всевозможных вещей: орудия кузнецов, литейщиков: пробойники, зубила, литейные формы, грузила, топоры, ткани, рыболовные сети, веревки и огромное количество костей домашних животных. Интересной находкой являются кости верблюда — очевидно, попавшие сюда в результате транзитной торговли с Азией.

Для характеристики быта мы располагаем подсвечниками, ситами и бронзовыми копоушками. Поливной посуды мало, всего 4%. Встречена посуда белая с коричневой поливой, привозная саманидская, датируемая X в. Интересна зеленая посуда, характерная для широкой территории, преимущественно для областей, связанных с Византией. Селадон представлен многими образцами. Есть обломки чашек, украшенные рельефными лепестками. Интересен крупный фрагмент чаши с изображением рыбы. Найдены обломки крупных фаянсовых китайских ваз белого цвета с черными полосами и небольшие белые фаянсовые чаши.

Наиболее распространена полихромная хорезмийская посуда, часто встречаемая и в городах Нижнего Поволжья. Немало синей с темным орнаментом и голубой гладкой. Встречено большое количество русских вещей, керамика, датируемая XII—XIV вв., шиферные прясла, плетеные

---

[2] А. Терещенко. Окончательное исследование в местности Сарая с очерком следов Дешт-Кипчакского царства. Ученые записки АН по I и III отд., т. II, СПб., 1854, стр. 89.

[3] См. В. Кнаббе. Чугунно-литейное дело, т. I. СПб., 1900; С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и СССР. М.—Л., 1935; Н. И. Красавцев, И. А. Сироский. Очерки по металлургии чугуна. М., 1947.

браслеты. Нельзя не отметить шиферного креста, обычного для русских домонгольских кладов. Интересны пиленые изделия из кости и вещи, приготовленные на токарном станке. Орудия сельского хозяйства указывают на уровень, соответствующий сельскому хозяйству южных районов древней Руси. Богатый материал позволил установить широкие международные связи с Ираном, Китаем, Хорезмом, Византией, Крымом и в первую очередь с русскими княжествами. В числе редких вещей большой интерес представляет бронзовое зеркало, пострадавшее от пожара. Китайское зеркало с изображением двух драконов датируется танской эпохой.

В 1948 г. экспедиция получила большой материал, характеризующий основные элементы, из которых сложилась культура волжских булгар. Мы встречаем здесь керамику, повторяющую сарматские образцы. Это — лепная не гончарная посуда. Есть керамика, по форме и деталям повторяющая скифскую и сарматскую керамику Прикубанья, причем скифо-сарматский элемент выступает очень отчетливо и свидетельствует о том, что в составе волжских булгар были племена, некогда жившие в области Прикубанья. Такими деталями являются конические выступы и ручки в форме животного. Правда, в булгарском материале этот сюжет дан в стилизованной передаче, и сохранился только общий абрис животного. Но в кубанском материале можно очень хорошо проследить картину эволюции этого типа. Эти элементы, связывающие Прикубанье с Поволжьем, свидетельствуют о приходе булгарских племен из Приазовья и Кубани.

Второй хорошо прослеживаемый элемент — местный, начало которого относится к культуре ранней железной эпохи. Нами найден крупный обломок чаши, повторяющий ананьинские; имеется посуда, восходящая к керамике городецкой культуры. Интересен кусок ткани с крестообразным орнаментом, напоминающий чувашские узоры. Большой интерес представляет костяная пластинка, напоминающая скифскую резную кость, и некоторые предметы звериного стиля. Наша пластинка представляет простую орнаментальную пластинку, восходящую к аналогичным пластинкам с изображением волчьей оскаленной пасти. Такие медные пластинки найдены в Приуралье. Многие вещи, найденные в 1948 г., свидетельствуют о закономерности вхождения указанных элементов в культуру волжских булгар.

Раскопки 1948 г. дали ценный материал по исторической топографии города. В эпоху X—XII вв. данный район был окраиной города. В 70—80-х годах XIII в. город был восстановлен после пережитого монгольского погрома. С XIII до XV в. исследованный участок города три раза менял свою социальную топографию. В начале XIV в. этот район занимали дома ремесленников; затем в половине XIV в. здесь возникли железоделательные мастерские, позднее разрушенные, и, наконец, дома богатых горожан. Весьма вероятно, что столь резкое изменение облика района связано с военным погромом, изменившим лицо всего города. Предположительно его можно связать с разрушением Тимуром в 1361 г. города Булака.

Второй отряд. Громадный керамический материал, который мы находим на булгарском городище в культурном слое XIV в., свидетельствует о полном обособлении гончарного ремесла, усвоении многих технических приемов в результате непрерывного развития керамического производства. Совершенствуется форма, обработка глины, обжигательный процесс. Обширные торговые связи обеспечивали поступление на рынок разнообразных изделий иноземных мастеров, что позволяло вносить в местное производство новые и новые навыки. Большой спрос на керамические изделия, в связи с ростом гор. Болгары в XIII—XIV вв., возникновение обширного посада требовали массового производства керамических изделий. Такое производство возможно было развернуть только при наличии специальных обжиговых печей — горнов, которые позволяли бы выпускать

изделия крупных размеров в большом количестве, с хорошим, сильным обжигом.

Гончарные горны на территории Восточной Европы появляются рано, но археологические раскопки вскрыли в Болгарах только горны, датируемые XIII—XIV вв. Разведка, произведенная вторым отрядом экспедиции, установила с западной стороны Голландского озера четыре крупных скопления фрагментов керамики; почва вокруг имела красноватый оттенок и резко выделялась от окружающей темной вспаханной земли. Западная, южная и северная стороны озера были под посевом и в силу этого не были

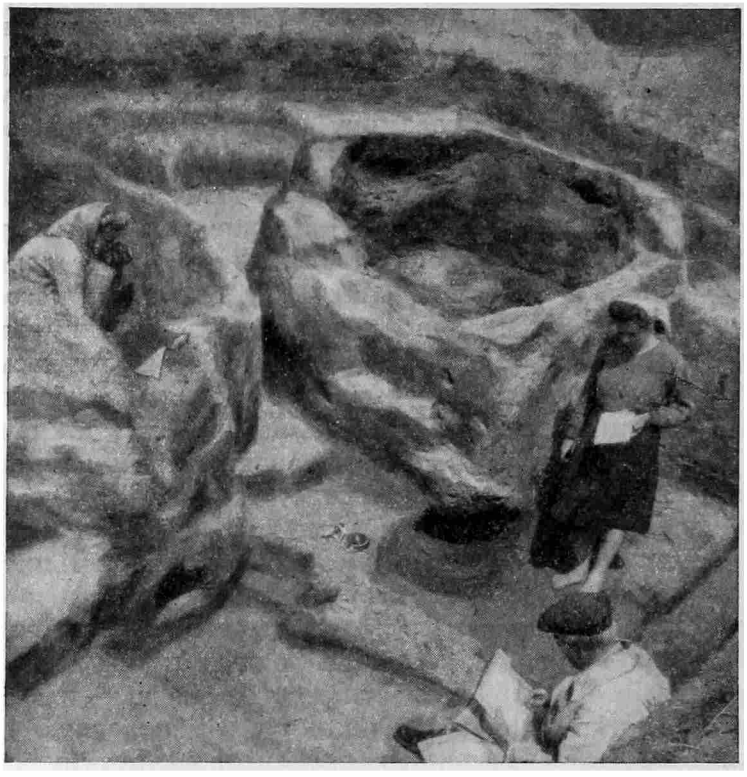


Рис. 32. Гончарные горны № 1 и 2

обследованы. В настоящее время озеро почти высохло. Скопление фрагментов керамики находилось на расстоянии 88—110 м от современного озерца.

Подавляющее количество фрагментов керамики представляло брак производства и мало чем отличалось в отношении фактуры и формы изделий, поэтому был принят следующий метод разработки и описания: выявлялся ассортимент, формовка (лепная, ручной и ножной гончарный круг), степень обжига, орнаментация. Всего через разборочную площадку прошло около 60 000 фрагментов керамики.

Стратиграфия западного района Голландского озера следующая. Под вспаханным слоем, насыщенным керамикой исключительно XIV в., залегает культурный слой булгарский также XIV в., толщиной в среднем 26—30 см, местами же он достигает 40—50 см и доходит до 1 м. Культурный слой в верхних горизонтах сложился в песчаном подзоле; ниже (с глубины 50—70 см) он сформировался в толще суглинка.

На месте наибольшего скопления керамики, на западном побережье озера был заложен раскоп. С первых же штыков выступили неопределенные очертания сооружения из яркокрасной обожженной глины, приведшие к открытию горна.

Горн № 1 по своей конструкции двухъярусный; топочное устье расположено с южной стороны (рис. 32). Обжигательная камера, верхняя часть которой обвалилась, имеет площадь 2.8 × 3 м, высота ее 85 см. Форма бочкообразная, стенки несколько изогнуты внутрь. Толщина стенки 20—35 см, и только со стороны топочного устья они значительно массивнее, в виде выступа, который является как бы контрфорсом для удержания открытой стенки и топки от разрушения. Стенки выложены из сырцовых блоков, форму и размер их проследить не удалось. Они имеют сильный прокал с внутренней стороны, отчего глина получила буровато-коричневый цвет. Толщина сильно прокаленной части стенок 7—8 см. С внешней стороны прокал стенок значительно слабее, но все же обжиг получился сильный и глина приняла характерный яркокрасный цвет. Под обжигательной камеры, толщиной 12—15 см, скреплен глиной того же состава, благодаря чему границы кирпича установить затруднительно. По окружности пода расположено восемь продухов диаметром 12—16 см, круглой или подчетвероугольной формы; с топочным помещением они соединены вертикально или несколько под углом. Девятый продух расположен посредине обжигательной камеры.

Под лежит на столбе овальной формы, разделяющем топочное помещение на два канала шириной 35—40 см; каналы соединяются между собой со стороны, противоположной топочному устью. Пол топочного помещения выстлан глиной; он для улучшения тяги имеет значительный подъем к северной стороне. Стенки, поверхность столба, продухи сильно прокалены и остеклены.

Топочное устье небольшое — до 40 см; стенки сильно деформированы. Чело в верхней части представляет арку, сложенную из обожженных кирпичей, поставленных на ребро. Пол топочного отверстия также выстлан глиной. На всем протяжении боковых каналов найдено много золы и угля; повидимому, дрова закладывались в левый и правый коридоры, огонь через продухи попадал в обжиговую камеру.

Горн № 2 открыт рядом (рис. 32). Он двухъярусный, овальной формы, с незначительным выступом со стороны топочного устья. Стенки обжигательной камеры, толщиной 20—25 см, сложены из сырцовых блоков; форму и размер их проследить не удалось, так же как и границы между ними. Обжигательная камера, высотой 78 см, бочкообразной формы, 2.2 м в диаметре в направлении СЮ и 1.8 м — ВЗ. Под, толщиной 14 см, установлен на двух столбах неправильной формы, сложенных из кирпича 21—23 см. Кирпич весьма хрупок, при давлении распадается на мельчайшие частички. Благодаря прослойке глины границы кирпича сильно сглажены. По окружности пода устроены продухи подквадратной и круглой формы, диаметром 10 × 16 см, 10 × 10 см, 8 × 13 см и т. д. Один продух помещен посредине. Стенки продухов, так же как и нижняя часть пода, остеклены.

Топочное помещение с двумя столбами имеет высоту 1.2—1.3 м. Северный столб с широким основанием, южный — небольших размеров. Каналы шириной 10—12 см соединяются между собой. Пол выстлан глиной и покрыт толстым слоем угля и золы; он имеет значительный уклон в сторону топочного устья. Так как южная стенка при расчистке горна обвалилась, то измерить устье топки не удалось. Для опоры пода восточная стенка имеет два выступа в виде сплошной кладки. Ширина южного выступа 20—35 см, северного 10—15 см. Между выступами проходит канал шириной 10 см, в который ведут два продуха, причем северный выступ прорезан косым каналом для соединения с топочным помещением. По своей конструкции горн № 2 несколько отличается от первого. Как видно из описания, для укладки пода сделаны выступы на восточной стенке.

С восточной, западной и северной сторон к горнам примыкала рабочая площадка, с которой производилась загрузка и выгрузка посуды. Культурный слой имеет толщину 30—40 см; ниже идет песчанистый подзол на глубине 45—50 см. Незначительное количество находок встретилось на глубине 30 см. На этом основании рабочая площадка около горнов определяется ниже современной дневной поверхности на 30—35 см. Брак производства сбрасывался в яму около печи и накапливался грудами. Часть этого завала сохранилась до наших дней.

В этом завале встречены крупные части сосудов, позволяющие восстановить форму. Среди них корчаги с двумя ручками; диаметр горлышка 10—25 см. Орнаментированы корчаги только по плечикам. Мотивы орнаментов весьма разнообразны. Можно выделить пять основных типов: линейный, волнообразный, фестончатый, линейно-елочный, линейно-ямочный. Корчаги сформованы на ручном гончарном круге.

Обращает на себя внимание тщательность выделки, симметричность. Широко применялось вертикальное лощение. Много кувшинов различных размеров, с одной ручкой, с носиками и без носиков. Кувшины обычно не орнаментированы. Около венчика проходил рельефный ободок. Часто попадались горлышки с рифленой поверхностью. Кумганы с носиками 10—12 см. Кумганы выработаны ленточной техникой, что ясно видно по одному фрагменту, расколовшемуся по спирали. Водопроводные толстостенные трубы, диаметром 15—20 см, по всей вероятности, составляли значительную часть всех изделий.

Детальное изучение донышек сосудов и внутренних стенок показало, что формовка производилась на ручном гончарном круге. Только два донышка — копилки и кувшина — носили явные следы ножного гончарного круга.

Фактура изделий настолько характерна, что не возникает сомнений в принадлежности фрагментов к продукции данных горнов. Как правило, глина хорошо подготовлена, промешана, нет посторонних включений. Судя по серой прослойке в ручках, на изготовление посуды шли гончарные глины высокого качества, пластичные, но богатые железом, почему при обжиге получался кирпично-красный цвет. В некоторых случаях наблюдались оттенки коричневато-красные, коричневые, при полной идентичности фрагментов по фактуре, форме, орнаментации. Эти варианты объясняются неравномерностью температурных условий в обжигательной камере.

Третий и четвертый горны того же типа.

В результате далеко еще не полного обследования района Голландского озера получены данные, которые позволяют сделать некоторые предварительные выводы и обобщения.

Булгарские керамические горны по своей конструкции имеют значительное сходство с горнами древнерусскими. Некоторым своеобразием является устройство дополнительных выступов боковых стенок, объясняемое большими размерами обжигательных камер.

Раскопанные булгарские горны дают полное представление об устройстве топочных помещений, обжигательных камер, но каково было перекрытие последних, мы не знаем, так как располагаем только косвенными данными. Об этом говорят некоторая кривизна стенок (горн № 1) и заполнение обжигательных камер обломками кирпича, что могло получиться в результате обвала свода. Замечательный горн XIII в., обнаруженный В. В. Хвойко у крепостных стен Белгородки, с сохранившимся сводом, с отверстием для загрузки и выгрузки посуды, замазанным глиной, дает основание считать, что такого же типа перекрытие могло быть и у булгарских обжигательных печей.

Детальное обследование фрагментов керамики показало, что темпера-

тура обжигательной камеры и весь технологический процесс обеспечивали полный, ровный обжиг, отчего почти все фрагменты имели кирпично-красный цвет с некоторыми вариантами оттенков, о которых мы скажем ниже. На основании изменений, которые происходят в глине под влиянием высокой температуры, можно определить ориентировочно и температуру обжигательной камеры. Глиняное тесто теряет при 100—120° гигроскопическую воду, при 300—400° начинается разрушение кристаллов каолинита, составляющего основное ядро глины, причем каолинит теряет свою пластичность. Закисное железо переходит в окисное, которое при наличии железа в глине свыше 5% сообщает глине яркокрасный цвет. При дальнейшем нагревании каолинита образуется ангидалюмосиликат ($Al_2O_3 \cdot 2SiO_2$) в виде темной непрозрачной массы, остекловывающейся при 1500—1600°. Отсюда вывод: кирпично-красный цвет посуды можно получить при температуре не выше 800°, когда не происходит еще образования двойного силиката железа и глинозема темного цвета.

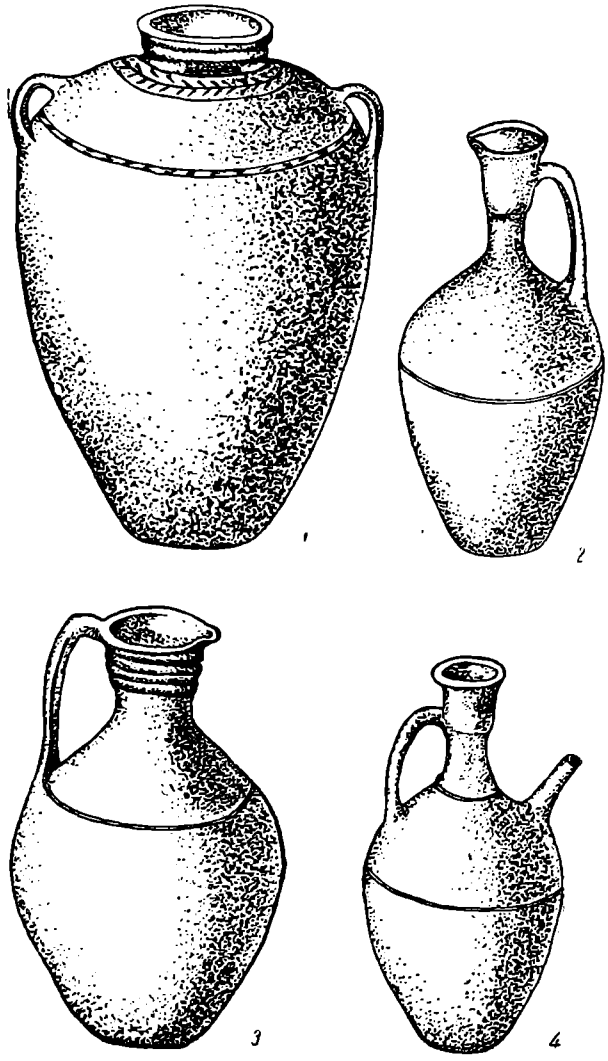


Рис. 33. Сосуды из гончарной мастерской

Прекрасный образчик изменения глиняного теста под влиянием высокой температуры дают обломки стенок топочного помещения. Мы видим разнообразные оттенки; зеленоватую остекленную поверхность, глубже фиолетовую, буровато-фиолетовую, бурую, темнокоричневую, коричневую и, наконец, кирпично-красную. Подавляющее большинство фрагментов керамики, найденных у горна, отличалось кирпично-красным цветом; коричневый оттенок некоторых из них объясняется местоположением изделия в участках обжигательной камеры, где температура была выше, например, около продухов. Таким образом, на основании кирпично-красного цвета посуды, можно считать, что температура обжигательной камеры не превышала 800°, но она была и не ниже, так как отсутствие серой прослойки указывает на достаточно высокую температуру обжига. (Необходимо отметить еще, что температура плавления местных глин, за исключением чистопольских флородиновых, лежит между 1200—1300°). Для обжигательной камеры горна № 3 следует принять температуру несколько более высокую, примерно 900°, так как все изделия этого горна имели характерный коричневый цвет. Ассортимент изделий, выпускаемый керамическими мастерскими, идентичен. Через обжиг проходили корчаги различных размеров, кувшины, кумганы (рис. 33), водопроводные трубы, сфероконусы, копилки, напрясла.

Фактуры изделий гончарных мастерских однотипны. Глина хорошо подготовлена, промешана, не имеет посторонних включений, не слишком жирная, почему не требовалось прибавления отощающих веществ. Судя по серым прослойкам недообожженных толстых ручек, глина имела природный серый цвет, количество железа в ней не менее 5%. Как показали химические анализы четвертичных глин Татарской ССР, вблизи Булгарского городища нет выхода хороших гончарных глин, но на правом коренном берегу Волги, в районе булгарского города Ошеля (Кирельский городок), начиная с XVII в. производилась выделка гончарных изделий, что указывает на наличие поблизости хороших месторождений глины.

Отличительной особенностью отделки посуды и других предметов является стандартизация формы, орнамента. Большинство сосудов имеет вертикальное лощение, орнаментация корчаг ограничивается только несколькими основными мотивами. Перед нами типичное средневековое ремесло, строго регламентированное цехом. Необходимо отметить полное отсутствие клейм и применения поливы.

Массовое обследование донышек и стенок изделий показало, что для формовки применялся ручной гончарный круг. Как правило, поверхность шероховатая, со следами присыпки песка. Что касается других элементов, типичных для выработки на ручном гончарном круге (ленточной техники, неполной симметричности объемов, неправильности линий при орнаментации), то эти признаки отсутствуют. Нет следов сглаживания, излом черепков ровный, за исключением носиков, которые дают спиралевидный излом. Если считать, что решающим признаком выработки изделия на ножном гончарном круге является наличие концентрических кружков на донышке, то можно утверждать, что ножной гончарный круг применялся булгарскими гончарами чрезвычайно редко.

Большое керамическое производство, которое развернулось по берегам озера, представляло сезонную работу. Во всяком случае, с западной стороны озера не обнаружено поселка, о чем говорит бедность культурного слоя с бытовыми находками, отсутствие остатков жилых домов и даже землянок. Бытовая посуда резко отличалась от той, которая обжигалась в данных горнах. Сюда мы относим фрагменты серой керамики из плохо промешанной глины, керамики желтой той же фактуры. Некоторые фрагменты имеют следы копоти. Характерно, что самое большое количество фрагментов указанной керамики было обнаружено только у очагов.

Открытые гончарные мастерские на основании изучения вещевого материала и стратиграфии датируются XIV в.

Третий отряд продолжил исследования могильника в урочище Бабий Бугор.

Некрополь расположен на мысу верхней волжской террасы, сильно выступающем к северу и доминирующем над нижележащей поймой. В низине находится болото — следы пересохшей речки Меленки. Склоны выступа круты, покрыты слабым дерновым покровом. Действие делювиального процесса препятствует образованию крепкого защитного дернового слоя. На склонах встречаются кости из размытых могил.

В 70-х и 80-х годах XIX в. и в 1913 г. на Бабьем Бугре были произведены раскопки Лесгафтом, Малиевым, Пельцалом, Высоцким и Хомяковым, давшие большой, но недатированный краниологический материал.

Археологическое исследование 1947 г. выявило существование на Бабьем Бугре в XII—XIV вв. большого булгарского некрополя. Были прослежены культурные напластования небольшого булгарского поселка X—XI вв., предшествовавшего возникновению некрополя, и поселка середины I тысячелетия н. э., относящегося к городецкой культуре и предшествовавшего возникновению булгарского городища.

Во время исследования 1948 г. было открыто 100 булгарских захоронений, относящихся к двум разновременным горизонтам — домонгольскому, XII в., и татаро-булгарскому, XIII—XIV вв.

В процессе работы был исследован перерытый булгарскими захоронениями слой поселка позднегородецкой культуры и выявлен жертвенный очаг того же времени.

Раскоп 1948 г. был заложен к югу, востоку и северу от раскопа 1947 г., примыкая к нему вплотную. Было заложено 24 участка, в среднем 4 м^2 каждый; вскрытая площадь составила 96 м^2.

Стратиграфия этой части городища могла быть установлена не на всей площади раскопа, так как крайние северные и восточные участки, находясь на краю обрыва, в значительной степени подвержены действию делювиального процесса.

Культурные напластования перемежаются отложениями намывного песка. Часть напластований смыта, встречаются размытые могилы.

Первый слой — современный дерновый покров, тонкий, 5—15 см. На северных и северо-восточных участках под дерном залегает напластование выкида старых раскопок — слой желтого и серого суглинка, 25—50 см толщиной.

Второй слой русской деревни XVII — XX вв., состоит из напластований с включением древесного мусора. Мощность слоя 40—80 см. Находки этого слоя составляют фрагменты русской керамики XVII — XX вв., простой, серой с лощением и красной глазированной, грубой фаянсовой посуды и осколков стекла.

В небольшом количестве в слое встречаются булгарские материалы, фрагменты керамики простой и поливной, характерные для XIII—XIV вв. Эти напластования перемежаются прослойками намывного песка мощностью 10—30 см; в песке замечается струйчатость отложений; находок очень мало.

На северо-западе, под наслоениями древесного мусора и намывного песка, на глубине 2 м обнаружены остатки русской деревянной бани 3 × 3 м; края ямы обложены бревнами 15—20 см, закреплены стоящими в притык вертикальными сваями 20—25 см. Дом ориентирован на ЮЮЗ — ССВ. Найдены остатки глинобитной печи. Баня пересекла нижележащий третий слой и значительную часть булгарского слоя. Ее дневная поверхность находится в намывном песке второго слоя. Стратиграфические данные позволяют датировать постройку XVII в. Постройка разрушила несколько булгарских захоронений.

Третий слой супесчаный, гумированный, синеватого тона, — погребенная почва. По стратиграфической схеме городища данный слой может быть отнесен к XV — XVI вв.

Ниже залегает булгарский слой; мощность его 45—70 см. Булгарскому слою предшествовало отложение на материковом песке культурного наслоения середины I тысячелетия, названного по своему месту в общей стратиграфической схеме городища седьмым слоем.

Слой характеризуется находками грубой толстостенной посуды серо-желтого цвета, с неровными шероховатыми стенками; в глине значительная примесь крупной дресвы. Днища плоские, с выступающим нижним краем. Стенки слабо выпуклые, края слегка отогнутые или прямые. Иногда по краю сделаны косые насечки.

Наряду с описанной керамикой, найдена в небольшом количестве керамика иного типа — тонкостенная, из желтой пористой, хорошо отмученной глины; орнамент находится только на краю (полоска косых вдавлений или нарезок) и шейке (ямочки или вдавления лопаточкой, край прямой или слегка отогнутый). Эта керамика, аналогичная пьяноборской, встречена в

небольшом количестве в виде мелких фрагментов, не позволяющих судить о форме сосудов.

Содержание слоя (грубая лепная керамика с примесью дресвы, плоскодонная, с выступающим наружным краем днища) позволяет связать его с позднегородецкой культурой лесной части волжского правобережья — северной части Саратовского края, Самарской луки, Чувашии, датируемой I тысячелетием н. э. Аналогичную керамику мы встречаем на Алексеевском поселении близ гор. Саратова и по форме — в Армиевском могильнике. Интересно наличие в слое незначительного количества пьяноборской керамики, свидетельствующее об одновременной связи с пьяноборской культурой и о вхождении ее в культурный комплекс городецкой культуры на волжском левобережье.

При прохождении седьмого слоя обнаружены остатки полуразрушенного каменного жертвенника — наслоение угля и золы на красном прокаленном материковом песке. Сооружение сильно разрушено булгарскими захоронениями. На глубине 169 см сохранились части каменной кладки жертвенника — дугообразный фрагмент наружного края. Огромные размеры очага (5—5 м 20 см в диаметре), сильная прокаленность почвы и насыщенность ее продуктами горения на пространстве до 2.6 м, солидная каменная кладка, первоначально покрывавшая всю поверхность очага, заставляют видеть в нем жертвенный очаг.

Аналогичный жертвенный очаг известен в одном из городецких городищ — Алексеевском, близ гор. Саратова.

Наличие культурного комплекса городецкой культуры на волжском левобережье известно во многих случаях.

Разведками 1938 г. в волжском левобережье, от Майны до Ульяновска, выявлено несколько городецких селищ — близ с. Ботьмы, Малое Палицино, Березовский, Нижний Урень. [4]

Разведки Н. Ф. Калинина в 1946 г. по долинам рек Ахтая и Бездны выявили селища и могильники предбулгарского времени (второй половины I тысячелетия н. э.), культурное наслоение которых характеризуется керамикой позднегородецкого типа (отчет Н. Ф. Калинина).

В с. Балымерах Куйбышевского р-на, где известны булгарские поселки и курганные насыпи IX—X вв., раскопками В. Ф. Смолина в 1925 г. выявлен круглый каменный жертвенный очаг с наслоениями угля и золы. [5] Очаг представляет близкую аналогию описанному выше жертвеннику Бабьего Бугра.

Во второй половине I тысячелетия н. э. позднегородецкая культура аборигенных племен волжского правобережья получила распространение в Закамье. Позднегородецкие культурные напластования непосредственно предшествуют булгарским культурным слоям или составляют нижние их горизонты. Древние местные племена, генетически связанные с чувашским и мордовским народами, явились той основой, на которой произошло формирование культуры волжских булгар. Исследования Бабьего Бугра дали новый дополнительный материал, подтверждающий это положение, высказанное еще в 1938 г.

На месте булгарского поселения после его запустения возникло кладбище. Помимо 118 могил, открытых раскопками 1947 г., в 1948 г. вскрыты еще 100 могил.

---

[4] А. П. Смирнов и В. А. Тихомирова. Археологические памятники левобережья Волги. Историко-археологический сборник под ред. А. П. Смирнова. М., 1948, стр. 188.

[5] Изв. общества археологии, истории и этнографии при Киевском гос. ун-те, т. 38, вып. 2 и 3.

Как общее положение следует отметить, что все могильные ямы перекрыты третьим слоем, датируемым концом XV—XVI вв. Это с полной несомненностью доказывает, что кладбище булгарское.

Верхний горизонт захоронений находится, в среднем, на глубине 47 см от поверхности булгарского слоя, с колебаниями 30—65 см. Прослежены профили могильных ям, выходящие к верхнему горизонту булгарского слоя. Нижние границы могильных ям находятся в булгарском слое.

При расчистке захоронений в могильных засыпях найдены золотоордынские монеты на следующей высоте:

115 см от линии нивелира и 50 см от поверхности булгарского слоя (участок 5, штык 11), на горизонте захоронения 133;

170 см от линии нивелира и 38 см от поверхности булгарского слоя, в могильной засыпи могилы 169 (участок 6), монета датируется 1333—1334 гг. (заключение Нумизматического кабинета ГИМ);

177 см от линии нивелира и 65 см от поверхности булгарского слоя, на горизонте разрушенного захоронения 192 (участок 14).

Находка монет позволяет отнести могилы, находящиеся на данном высотном уровне и выше, к татаро-булгарскому периоду, XIII—XIV вв.

Датирующее значение имеет также находка в верхнем горизонте булгарского слоя, перекопанного могильными ямами, фрагмента поливной рейской керамики 70-х годов XIV в. (участок 2, штык 3).

К татаро-булгарскому периоду могут быть отнесены до 30 могил. Кроме того, на высотном уровне первого горизонта могил (40—65 см от поверхности булгарского слоя) находятся кости 23 разрушенных могил. Очевидно, при более позднем захоронении нарушались нижележащие ранние могилы. Иногда кости разрушенных захоронений находятся в могильной яме другого захоронения, причем черепные кости расположены близ черепа костяка. Во многих случаях кости разрушенного погребения уложены вместе, в ряд, с сохранением принятой ориентировки восток — запад; кости разрушенного погребения № 215 выложены так же, с сохранением ориентировки восток — запад и сверху накрыты плитой песчаника. Следует отметить заботливое отношение к нарушенным могилам, выражавшееся в сохранении тем или иным путем выброшенных костей.

Ниже данного высотного уровня находятся могилы второго, более раннего слоя захоронений, в среднем на глубине 95 см от поверхности булгарского слоя, с колебаниями 75—140 см. Следует иметь в виду, что возрастание булгарского слоя в известной мере происходило путем намывных отложений. Могилы нижнего слоя в большинстве случаев перекрыты захоронениями верхнего горизонта. Прослеженные профили могильных ям показывают дневную поверхность захоронений на глубине 50—70 см от поверхности булгарского слоя. Нижние границы могильных ям находятся в седьмом слое или на материковом песке. Глубина могильных ям не имеет расхождений с глубиной могил первого горизонта — 36, 45, 55 см. Датировка данного слоя захоронений домонгольским периодом находит свое подтверждение в находке при зачистке могилы 158 фрагментов стеклянного витого браслета лимонного цвета. Находки подобных браслетов очень часты в русских городах XI—XII вв.

Датирующее значение имеет также шелковая лента, найденная на лобной кости в могиле № 207. Лента, видимо, охватывала череп наподобие венца или диадемы, но сохранилась лишь на лбу. Лента из плотного шелка с золотной нитью шириной 20 мм. Орнамент состоит из ряда четырехконечных крестов, вписанных в ромбы; края ленты, промежутки между ромбами, заполнены группами линий, имеющих очертания двух сторон

треугольника. Фигура креста образована маленькими ромбиками — одним в центре, четырьмя — на концах креста.

Орнаментация ленты находит аналогию в русских ювелирных изделиях XI — XII вв. Следует отметить, что четырехконечный крест в соединении с четырехугольниками, ромбами и ломаными линиями встречается в орнаменте чувашских и старых рязанских вышивок.

Таким образом, кладбище возникло в домонгольский период существования города, в XII в., может быть в конце XI в., после запустения находившегося на Бабьем Бугре булгарского поселения, и далее существовало на протяжении XIII и XIV вв., вероятно до запустения городища в начале XV в.

Обряд захоронения отличается единообразием и не имеет различий в могилах первого и второго горизонтов. Могильные ямы в форме вытянутого четырехугольника, с ориентировкой восток — запад; отношение сторон 50—60 × 180—200 см. Во многих случаях прослежены округлые углы. Погребение нередко производилось в гробовищах. Погребальный обряд захоронений на Бабьем Бугре в основном не имеет расхождений с захоронениями других булгарских могильников. В них мы также встречаем неглубокие захоронения в простых грунтовых ямах трупоположения на спине, вытянутые, головой на запад, руки сложены на груди или в области таза, украшения и какой-либо могильный инвентарь обычно отсутствуют. Обряд захоронения, прослеженный на Бабьем Бугре, мы встречаем в мордовском могильнике XIV в. на р. Перемчалке, при впадении ее в Волгу.

Чрезвычайно интересно самое расположение могильника на Бабьем Бугре. Характерной чертой чувашских языческих кладбищ XVI—XVII вв. является расположение их на краю и по склону береговых возвышенностей, близ воды, с широким открытым видом на соседние долины.[6]

Территория Бабьего Бугра, где расположен булгарский некрополь, вполне отвечает особенностям расположения древних могильников племен волжского правобережья.

Таким образом, некрополь на Бабьем Бугре имеет общность с древними могильниками племен Среднего Поволжья, связанных в своем развитии с чувашами и мордвой.

Следует отметить наблюдавшееся в некоторых могилах залегание камней. Культурные аналогии мы находим в древних могильниках Среднего Поволжья и Прикамья; в некоторых фатьяновских могильниках,[7] в могильниках ананьинской культуры. Обкладка костяка плоскими поставленными на ребро каменными плитами заставляет вспомнить также каменные гробницы северокавказских (аланских) могильников второй половины I тысячелетия.

С этим следует поставить в связь могилу № 40 из раскопок 1947 г., единственную из 220 исследованных погребений, имевшую богатый инвентарь, серебряные овальные серьги ажурной сканной работы с крупной янтарной вставкой, круглое зеркало, с ушком и простым крестообразным орнаментом на обратной стороне (рис. 34, 35); зеркало лежало в мешочке из парчевой ткани. Найдены также железные предметы неопределенной формы; расчистка их выявила фрагменты ножниц.

Зеркало кавказского типа в мешочке из шелковой ткани и серьги — обычный инвентарь северокавказских захоронений конца I тысячелетия. Можно видеть в данных захоронениях воздействие пришлых элементов в составе населения Болгар, связанных с югом (рис. 36).

---

[6] Ефименко. Средневолжская экспедиция 1926—1927 гг. Сообщения ГАИМК, 1929, вып. 11, стр. 163—164.

[7] Спицын. Записки Русского археол общества. Русское отделение, тт. 2 и 5.

Рис. 34. Булгарское зеркало

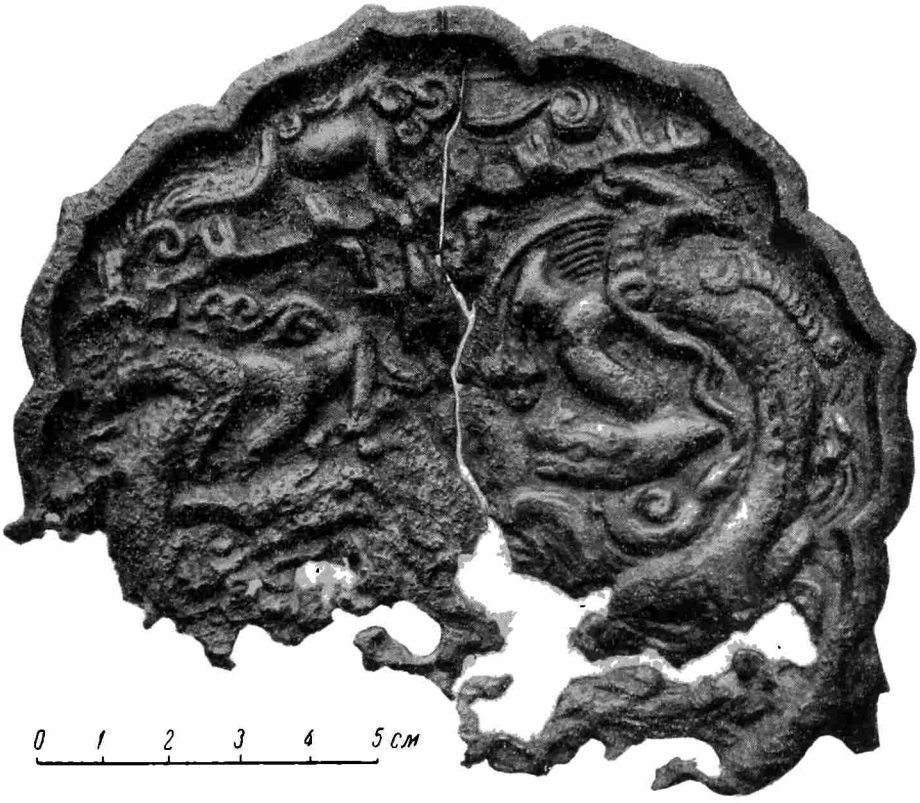


Рис. 35. Китайское зеркало

Рис. 36. Костяная пластинка

Исследование Бабьего Бугра позволяет установить следующее:

1. Город Болгары возник на месте поселения местных племен, носителей городецкой культуры, которая вошла как составной компонент в формирование культуры городища.

2. Некрополь на Бабьем Бугре в основном отражает культурные традиции исконных насельников края, местных племен, связанных в своем развитии с чувашами и мордвой.

Прослеживаются элементы южных культурных традиций, свидетельствующие о притоке в край южных пришельцев.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

М. Г. РАБИНОВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛЕ

Начало Ливонской войны было отмечено крупными успехами русского оружия. Ливонский орден был разбит и уничтожен, владения его разделены между соседями. Войска московского царя не только далеко продвинулись в Прибалтике, но, когда польско-литовская шляхта заявила свои претензии на «наследство» Ордена и пошла войной против Москвы, эти войска разбили шляхту и освободили ряд древних русских земель, находившихся в составе Великого Литовского княжества.

Так, в 1561—1563 гг. была освобождена Полоцкая земля, а в 1563 г. после двухнедельной осады московские воеводы взяли и Полоцк. Вернув себе исконные русские земли, Иван Грозный сразу же стал их укреплять, создавая сильный заслон на новой западной границе своих владений.

В 1566 г. были построены крепости Суша, Сокол, Ситна; в 1566—1567 гг.— Красный и Касьянов; в 1567—1568 гг.— Туровля. В этих крепостях стояли московские гарнизоны.

Когда после временного затишья в военных действиях вновь избранный польским королем Стефан Баторий начал наступление, Полоцкая земля была снова занята поляками.

Полоцк и все крепости, выстроенные Грозным, были в 1579 г. взяты Баторием. Секретарь Батория, Станислав Пахоловицкий, чтобы прославить своего короля, зарисовал тогда осаду Полоцка и все крепости, взятые Баторием. Все крепости, кроме Полоцка, были разрушены и больше на этих местах не возобновлялись.

Гравюры с рисунков Пахоловицкого и составленные им карты Полоцкой земли — вот все, что осталось через 12—13 лет от шести русских форпостов, далеко выдвинувшихся на запад в 1566 г. По мнению некоторых авторов, писавших об этих событиях в XIX в., даже самые места, где были эти крепости, забыты.

Между тем рисунки Пахоловицкого привлекли впоследствии внимание исследователей-архитекторов, справедливо считавших, что изучение этих крепостей даст новый материал для истории русского военно-инженерного искусства, и археологов, которых привлекли хорошо датированные памятники. В крепостях, существовавших 12—13 лет, должен был образоваться хотя бы небольшой культурный слой, точно датированный 1566—1579 гг. В этом культурном слое, связанном с жизнью московских гарнизонов крепостей, возможны находки предметов материальной культуры, оружия и т. п., характеризующие военный быт Московского государства в XVI в.

Массовый материал с этих точно датированных памятников может помочь уточнению датировок аналогичных материалов и в самой Москве.

Все эти соображения побудили летом 1948 г. организовать Полоцкую экспедицию.[1] Задачей экспедиции была археологическая разведка в Полоцкой и Витебской областях. Разведка должна была установить местонахождение упомянутых крепостей, выяснить степень их сохранности, проверить в общих чертах соответствие конфигурации крепостей рисункам Паколовицкого, произвести элементарные обмеры и выяснить, имеется ли на территории крепостей культурный слой (рис. 37).

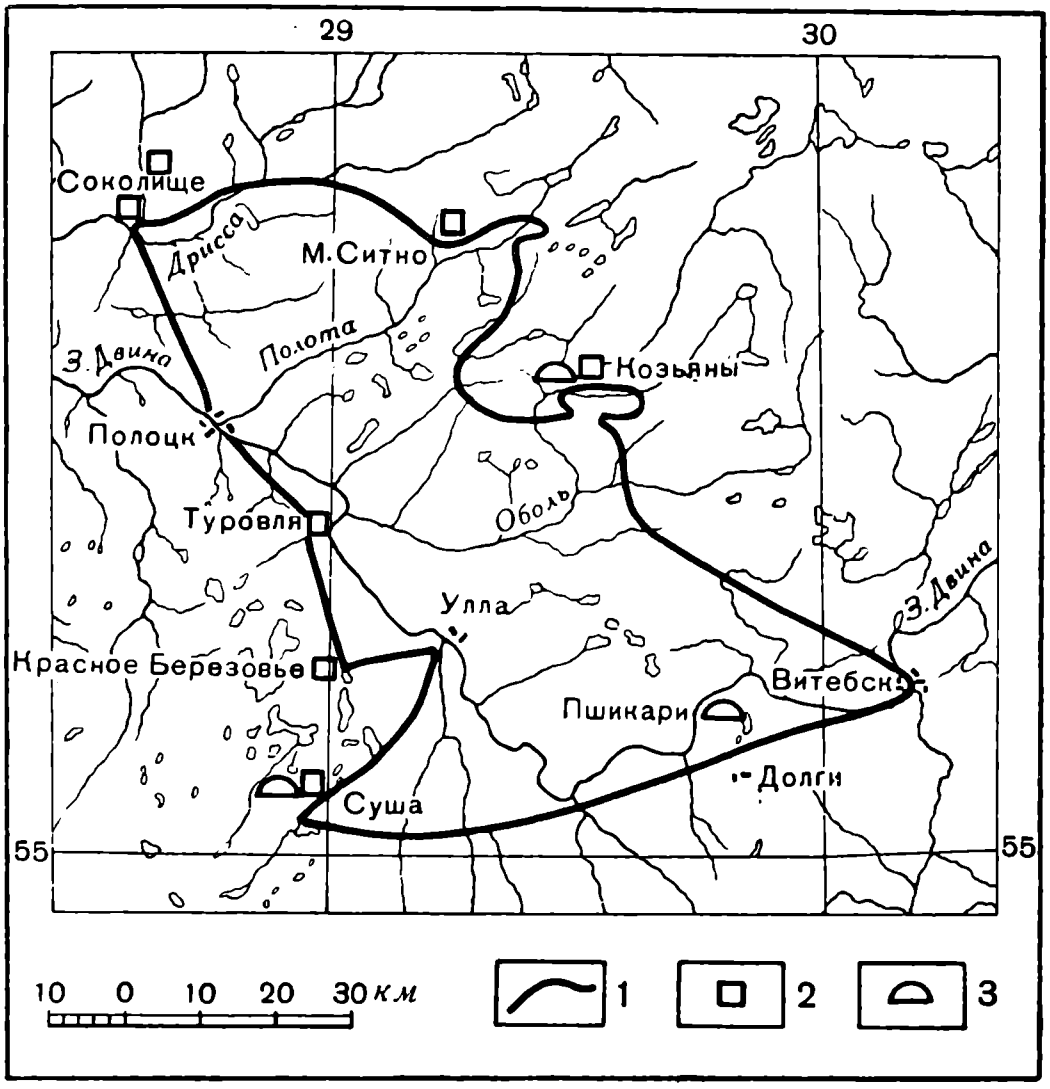


Рис. 37. Маршрут Полоцкой экспедиции

1 — линия маршрута; *2* — городище; *3* — курган

Хотя целью поездки являлась, как уже было сказано, разведка крепостей эпохи Грозного, однако мы считали необходимым фиксировать все встречавшиеся на пути следования экспедиции археологические памятники (курганы, городища), нанося их на карту и производя их первичное описание и обмер. В дальнейшем описание разведанных памятников будет производиться в том порядке, в каком они встречались по пути следования.[2]

[1] Экспедиция была организована ИИМК совместно с кафедрой истории СССР Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина.

[2] По всем упомянутым ниже памятникам имеются графические и фотоматериалы (чертежи и фотоснимки), которые хранятся в архиве ИИМК при отчете. Собранные при разведках коллекции керамики поступили в кабинет истории СССР МГПИ им. В. П. Потемкина.

Курганная группа у деревни Долги

В 28 км к западу от Витебска обнаружена группа из 17 курганов полушарной формы, с неглубокими кольцевыми ровиками. Некоторые курганы попорчены кладоискательскими ямами. Два наиболее крупных кургана (диаметр 14.40 и 10.50, высота 1.59 и 1.56 м) стоят отдельно от прочих, на расстоянии 40 м к югу. Остальные курганы гораздо меньше (диаметр 3—6 м, высота 0.45—0.80 м). По сведениям, полученным от местных жителей, раскопок здесь не производилось. Мы также не стали производить пробных раскопок, поэтому племенная принадлежность и дата курганной группы остались невыясненными. Судя по общему характеру, они, по всей вероятности, славянские.

Крепость Суша

Современная деревня Суша находится на территории древней крепости (в 4 км к северо-западу от шоссе Камень — Улла), на небольшом острове

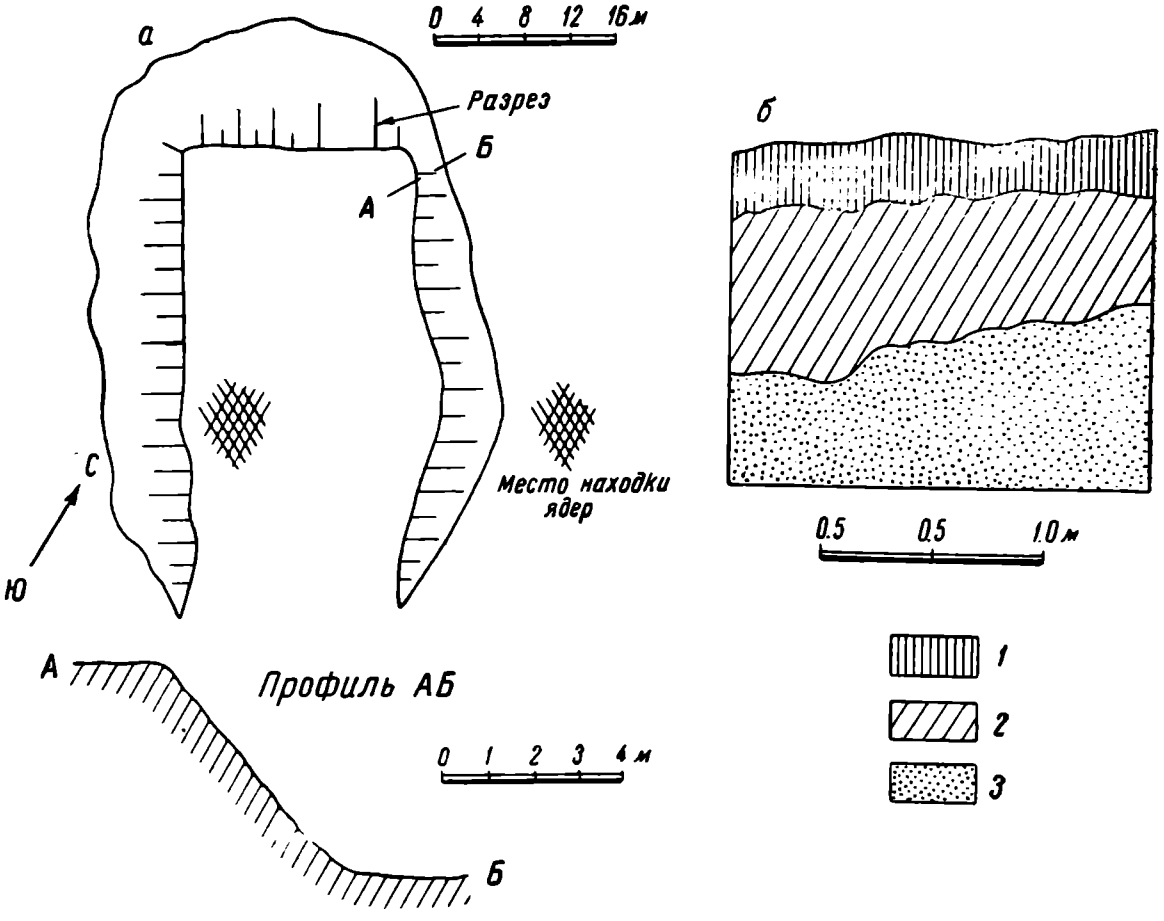


Рис. 38. Крепость «Суша»

а — план северо-восточной угловой башни; *б* — профиль разреза северной стены: *1* — гуммированный песок; *2* — пережженный песок; *3* — желтый песок

посреди озера Суша, соединенном с обоими берегами гатью и мостами. Озеро это раньше (еще на памяти местных жителей) соединялось системой озер и речек с Западной Двиной, как и показано на карте Пахоловицкого. Сейчас большинство речек пересохло. Площадь, занимаемая деревней, несколько выходящей за территорию крепости, составляет 9 га. На острове, среди строений деревни легко прослеживаются древние валы, хотя и сильно оплывшие. Насколько можно это установить по сохранив-

шимся остаткам валов, конфигурация их примерно соответствует рисунку Пахоловицкого. Наиболее ясны очертания северо-восточной угловой башни крепости. Башня эта прямоугольная, 19 × 40 м. Высота современной площадки башни над берегом реки 4.05 м (рис. 38). В юго-западном углу башни, по словам местных жителей, при земляных работах еще в 1914 г. было найдено большое количество (по одним сведениям — несколько пудов, по другим — до полутонны) «старых пуль», круглых, диаметром по большей части 2.5—3 см, реже — 5—6 см. Очевидно, здесь был склад боеприпасов, точное местонахождение которого теперь утрачено. Следов деревянных частей крепости обнаружить не удалось, но при зачистке разреза башни в толще вала обнажился значительный (толщиной 50—60 см) слой пережженного песка, в котором содержатся угольки, зола и остатки дерева, возможно, образовавшийся при пожаре башни. В местах, где на рисунке Пахоловицкого показаны церкви, жители неоднократно находили человеческие кости. На огородах в деревне находят фрагменты зеленых муравленых изразцов (возможно, остатки надгробий, подобных известным псковским). Зачистка других разрезов на территории бывшей крепости показала, что культурный слой здесь вовсе отсутствует. На северном берегу озера также были ранее находки изразцов. Один фрагмент красного изразца нами взят.

На территории Суши следует произвести и инструментальную съемку и снятие плана крепости. Раскопки целесообразны только на территории обследованной нами башни, где можно обнаружить склад боеприпасов XVI в.

Курганная группа Суша

В 1.5—2 км к югу от деревни, в поле четыре кургана полушарной формы диаметром 8—10 м, высотой до 1.5 м, ровиков не прослеживается (возможно, запаханы).

Между курганной группой и крепостью в поле, по словам местных жителей, еще до войны был найден белокаменный крест с надписью, который и был отправлен в Минск.

Крепость Красный

Остатки крепости расположены у большой дороги на Полоцк, в 0.5 км к западу от местечка Красный и омываются с двух сторон водами озера и р. Тетча, входящими в ту же водную систему, что и озеро Суша, и соединявшуюся ранее с р. Туровкой, впадавшей в Зап. Двину. Городище обладает крутыми склонами; площадка его возвышается над берегами озера на 7—8 м. Очертания городища в плане очень похожи на изображение на чертеже Пахоловицкого. Крепость представляла собой, очевидно, равнобедренный треугольник. В настоящее время стороны этого треугольника 310, 280 и 110 м (короткая сторона — с юго-востока). Городище так сильно деформировано, что следов валов обнаружить нельзя. Удалось лишь наметить ориентировочно места трех угловых башен, две из которых заметны издали, с другого берега озера.

При зачистке обнажений культурный слой мощностью 20—25 см обнажился только в одном месте. В нем найдено несколько фрагментов керамики, в том числе и черной лощеной керамики.

Городище в настоящее время не заселено, в дореволюционное время здесь было помещичье имение. Фундаменты, встречающиеся на городище, очевидно, остались от зданий этого имения. К ним же относятся и фрагменты кирпича толщиной 4—5 см. Раскопки на городище вряд ли целесо-

образны, так как следы укреплений почти стерты, а культурный слой распахан и перекопан (пашня здесь и в настоящее время).

Крепость Туровля

Остатки крепости находятся в 3.5—4 км к востоку от современного селения Туровля у выселка Городок, на левом берегу р. Туровки, при впадении ее в Двину, а не на правом берегу, как это показано на карте Пахоловицкого. Это место до настоящего времени носит название «городище», или «лыска». Почва здесь — сыпучий желтый песок. Очевидно, он же служил и в древности для засыпки деревянно-земляных крепостных сооружений. Поэтому в настоящее время остатки крепости сохранились чрезвычайно плохо. Уцелели лишь кое-где правильные очертания обрывов, указывающие местонахождение четырехугольных башен, и сильно оплывшие валы. Лучше всего сохранилась юго-восточная башня, возвышающаяся над берегом Туровки на 11.6 м, над внутренней площадкой крепости — на 3. 2 м.

У северо-восточной башни можно проследить лишь квадратное основание 20 × 20 м, углом обращенное к устью Туровки. Большие размеры основания, как и башни в Суше, заставляют усомниться в том, что эти сооружения — башни, а не какие-либо более крупные здания. С западной стороны городища на протяжении 200—220 м сохранился сильно оплывший и густо заросший деревьями вал. Высота его 2 м, толщина по верху — 3—4 см.

В обнажениях разреза юго-восточной башни виден слой пережженного песка с угольками мощностью 0.35—1.00 м, прикрытый сверху желтым песком. Это, очевидно, следы пожара крепости. В настоящее время в разрезах нигде не видно следов деревянных или каменных сооружений. Очевидно, деревянные части крепости исчезли бесследно.

По сведениям, полученным от местных жителей, в размытых рекой берегах неоднократно находили круглые чугунные ядра «величиной в кулак» и более мелкие круглые пули, диаметром 2—3 см, а также стволы ружей с кремневыми замками и «старые топоры» (очевидно, бердыши). Конфигурацию остатков крепости определить без инструментальной съемки нельзя, но общее впечатление таково, что план крепости в общем соответствует чертежам Пахоловицкого.

Городище у села Соколище

На левом берегу р. Ниши, в излучине позади с. Соколище-мыс, находится сильно заросшее лесом городище. Со стороны плато прослеживается ров, глубиной 0.60—1.00 м, и вал такой же высоты. Подъемный материал отсутствует. Малый размер укреплений позволяет предположить здесь древнее городище.

Крепость Сокол

Крепость находится ниже городища у дер. Устье, на левом берегу реки Ниши, при впадении ее в Дриссу. Валы сохранились с западной и восточной сторон крепости; с южной стороны заметны лишь следы вала. По берегу р. Ниши вал, очевидно, обвалился в реку. Хорошо видны его разрезы, в которых в этом месте не обнаружено ни остатков сооружений, ни культурного слоя. Вал особенно хорошо сохранился с западной стороны. Он достигает здесь высоты 11 м, ширины по верху 17 м, у основания 46 м.

Конфигурация основания вала в юго-западном углу чрезвычайно правильная, округлая. Возможно, что ранее здесь была башня. Наверху вала в окопе обнажается слой пережженной черной земли с золой, мощностью 0.9—1.1 м. В этом слое, очевидно, являющемся следом пожара крепости, попадаются человеческие кости плохой сохранности и изредка — керамика. С южной стороны крепости вал не прослеживается (очевидно, здесь был только острог), но хорошо видны следы рва. Из всех обследованных крепостей Сокол больше всех других заслуживает раскопок, так как он и по площади, и по мощности укреплений, и по толщине сохранившегося культурного слоя превосходит все другие крепости. В сохранившемся слое, очевидно, образовавшемся в результате битвы и пожара в крепости, может и должно содержаться оружие.

Крепость Ситно

Остатки крепости находятся в 0.5 км к северу от дер. Малое Ситно, на правом берегу р. Полоты в том месте, где она вытекает из озера Измок и образует излучину. Валы сохранились чрезвычайно плохо. Установление плана крепости затрудняется еще тем, что местность здесь изобилует высокими буграми разной формы, сильно заросшими лесом. Возможно крепость была трапециевидной формы узкой стороной к северо-востоку. Однако лишь после инструментальной съемки можно будет сделать об этом определенное заключение.

По круглому основанию удалось определить северо-западную башню. Высота над уровнем болота 2.55 м; диаметр верхней площадки 10 м, основания — 20 м. Лучше всего сохранилась западная часть вала, высотой 9.1 м, длиной около 200 м.

К востоку от вала, метрах в 200—300, находится небольшой округлый холм, сильно деформировавшийся. Первоначально он был принят за остатки башни, однако среди подъемного материала в нем большое количество фрагментов керамики курганного типа. Это обстоятельство указывает на возможность нахождения здесь небольшого городища, вблизи которого впоследствии была выстроена крепость. Холмик этот местные жители до сих пор называют городищем. По их рассказам, здесь находили стволы кремневых ружей, круглые «пули», диаметром около 2 см, и «пику» (очевидно, наконечник копья. Вероятно, это следы позднейших военных действий. В размытых обрывах городища виден гумированный слой, мощностью до 30 см.

Раскопки в Ситно возможны только после дополнительных разведок. В настоящее время наиболее интересным объектом представляется городище, так как здесь можно будет выяснить соотношение слоев древнейших и более поздних.

Крепость Касьянов

Остатки крепости расположены в 2—3 км от современной дер. Козьяны и в 1 км к северо-востоку от дер. Красомая, в излучине р. Обольи, на правом ее берегу (выше впадения в Оболью р. Красомая). Место это называется городищем, и с ним, как и в Суше, связаны предания о древнем городе, провалившемся под землю, звон колоколов которого слышен будто бы и теперь. Общая конфигурация этого небольшого городища — равнобедренный треугольник, обращенный вершиной к северу, где узкое место излучины. Стороны этого треугольника — 120, 110 и 50 м. По краям прослеживаются остатки вала, почти утерявшего свою форму. Культурного слоя не обнаружено ни в обнажениях, ни в специально заложенном шурфе

(очевидно, культурный слой распахан), но подъемный материал имеется. Это — керамика, сделанная на гончарном круге, встречается и черная мореная. Находки оружия здесь были, но неясно — по рассказам жителей,— найдено ли оружие на городище или в расположенных поблизости курганах. Керамика в общем архаична и позволяет предположить, что позднейшая крепость Касьянов также была построена на месте древнего городища.

Раскопки здесь вряд ли целесообразны.

Курганы у деревни Красомая

К западу от городища большая группа курганов (62), диаметром 10—14 м, высотой 1.50—2.50 м, полушарной формы. В районе одного из курганов поднят фрагмент весьма архаичного сосуда баночного типа. Раскопки курганов этой группы, насколько известно, не производились.

* * *

Какие же выводы можно сделать из проведенного нами первичного обследования крепостей, построенных Иваном Грозным в Полоцкой земле? Прежде всего тот вывод, что чертежи Пахоловицкого были сделаны с натуры и в общем соответствовали (за исключением некоторых деталей) действительности.

Далее, определение точного местонахождения крепостей позволяет выяснить систему обороны Полоцкой земли, принятую московскими военными инженерами и стратегами. Крепости в основном прикрывали водные пути, ведущие к Полоцку. Так, Суша, Красный и Туровля прикрывали подход к Полоцку по системе озер и речек, впадающих в Западную Двину юго-восточнее Полоцка. Сокол обеспечивал сообщение Полоцка с Псковом (которое при тогдашнем бездорожье, очевидно, также осуществлялось по рекам, многочисленным в этом озерном крае) через верховья Дриссы и Уши. Сухопутная дорога на Псков также должна была проходить через Сокол. Об этом свидетельствует описание военных действий 1579 г. Ситно защищало верховья Полоты, в устье которой стоит Полоцк. Наконец, Касьянов прикрывал путь на Полоцк с северо-востока, по р. Оболи, притоку Западной Двины.

Крепости, построенные московскими воеводами и горододельцами, разумеется, по соображениям стратегическим, пришлись, однако, на месте гораздо более древних поселений. На это указывает наличие в их окрестностях курганных могильников (Суша, Козьяны) и городищ (Сокол, Ситно). Но к тому времени, когда строились крепости, древние поселения, по всей вероятности, были оставлены, и крепости строились, не считаясь с их существованием, как бы совершенно заново. Это обстоятельство и объясняет геометрический план их построения (крепости в плане представляют квадрат, треугольник, трапецию, подкову).

Обследование самих крепостей привело к заключению, что это были деревянно-земляные укрепления. Никаких каменных кладок, которые могли бы являться остатками прежних крепостных сооружений, нами не обнаружено.

Нам представляется вполне естественным при постройке крепостей не в древних городах, где военный инженер должен считаться с уже сложившимся планом города, а на новом месте выбор в плане правильной геометрической фигуры. Подобные крепости известны с древнейших времен, например, в песках древнего Хорезма в эллинистическую эпоху. На Руси с первых же шагов развития военно-инженерного искусства в создающемся

централизованном русском государстве специально построенные на новых местах крепости уже имели в плане правильную форму. Так, в 1492 г. создается «четвероугольный» Ивангород. Еще ярче сказалась тенденция к геометризации в плане раннего современника наших крепостей, Тульского кремля (1514—1521), представляющего правильный прямоугольник, в котором выдержаны все пропорции золотого сечения. В построении наших крепостей проявляется дальнейшее развитие этого принципа геометризации. Геометрические фигуры разнообразны, но правильны. Возможно, что такая геометризация планов крепостей облегчала в какой-то мере их оборону, позволяя, например, сосредоточить больше огневых точек по фронту. На карте Сибири 1701 г., составленной Ремизовым, более 10 городов имеют правильную геометрическую форму (в том числе Нарым, Мангазея, Енисейск, Илимск и др.).

Нами произведено лишь первичное обследование крепостей, их археологическая разведка. Крепости эти безусловно заслуживают дальнейшего изучения. Необходимо произвести инструментальную съемку их остатков, частичное раскрытие сохранившихся земляных насыпей и изучение культурного слоя там, где он сохранился.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

М. М. КОБЫЛИНА

РАСКОПКИ ФАНАГОРИИ [1]

В 1948 г. было продолжено изучение восточной части Фанагории, начатое В. Д. Блаватским в 1939—1940 гг. [2] В 1948 г. был исследован холм «Е», к востоку от городища, начаты раскопки верхней террасы древнего города на холме «Г» и продолжены работы на «Северном» раскопе 1939—1940 гг.

Раскопки на холме «Е» установили, что вершина этого холма представляет собой насыпь, обильно насыщенную погребениями, залегающими на глубине 0.30—1.90 м. Значительная часть этих погребений была совершенно поврежденной. Глинистый грунт, отличавшийся чрезвычайной плотностью, не позволил проследить очертания могил. Только у погребений, заходящих в материк, можно было выяснить дно могильных ям, имевшее форму вытянутого четырехугольника с закругленными углами.

На площади 124 м^2 было вскрыто 34 более или менее хорошо сохранившихся погребения и следы многих разрушенных могил в виде отдельных костей, отдельных сосудов или их обломков. 16 погребений датируются III—II вв. до н. э.; шесть относятся к первым векам нашей эры; остальные (без вещей) не могут быть точно датированы.

Характерным типом могилы III — II вв. до н. э. на этом некрополе является могила, перекрытая соленами. На многих соленах имеются клейма боспорской мастерской с именем «Спартока», начертанным в две строчки. Почти все погребения III — II вв. до н. э. сопровождались одной или несколькими остродонными амфорами, среди которых есть родосские, косские и книдские. Эти амфоры, а также чернолаковые вазы (амфориски и чаши) свидетельствуют о торговых и культурных связях Фанагории с главнейшими греческими центрами в эллинистический период и хорошо согласуются с материалом керамики на городище.

За исключением указанных амфор и небольшого количества чернолаковых ваз, на этом некрополе обнаружена посуда фанагорийского производства различного качества — от акварельных расписных чаш, пелик и тонкостенных кувшинов до больших амфор и лепных сосудов. Эта посуда хорошо датируется совместными находками — монетами первой половины III в. до н. э., клеймами на соленах, чернолаковой керамикой, типами остродонных амфор.

---

[1] Экспедиция организована ИИМК и Гос. музеем изобразительных искусств им. Пушкина, под руководством М. М. Кобылиной. В ней принимали участие научные сотрудники Гос. музея изобразительных искусств И. Д. Марченко, Н. А. Сидорова, Н. И. Сокольский, А. Ф. Виноградова, Краснодарский музей в лице Н. В. Анфимова, студенты МГУ и Гор. пед. института; фотограф экспедиции В. С. Суров.

[2] ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 287; ВДИ, 1941, № 1, стр. 220—232.

Особенностью эллинистического некрополя, который был обнаружен на холме «Е», является то, что он имеет в инвентаре и в обряде черты чисто местные, не греческие.

В погребении № 4 рядом с эллинистической косской амфорой находилось схематическое изображение человеческой фигуры, изваянное из керченского известняка. Трапециевидная форма туловища, возможно, указывает на изображение женщины в одежде. Это изваяние — яркий образец древнего типа местной скульптуры.

Среди эллинистических погребений есть одно скорченное и три со скрещенными концами ног. В погребении № 7 (IV—III вв. до н. э.) были обнаружены над соленами кости лошади; несколько отдельных костей ног лошади найдены в грунте, возможно, из разрушенных могил.

Детали этих обрядов выступают рядом с античными обычаями — во рту у многих костяков была найдена бронзовая монета или же следы монеты.

О местной культуре в эллинистический период существования города свидетельствуют и материалы раскопок Гос. музея изобразительных искусств им. Пушкина и ИИМК в 1947 г.[3] К югу от городища, на склонах были открыты площадки с остатками костров IV — III вв. до н. э. А. П. Смирнов связывает эти площадки с местными племенами.[4] Полученные данные подтверждаются раскопками ГИМ в 1936—1937 гг. и Гос. музея изобразительных искусств в 1938—1940 гг., обнаружившими в эллинистических слоях разнообразные образцы местной лощеной посуды высокого мастерства.

Среди погребений, открытых на холме «Е», найдены четыре детских погребения в сосудах: три — в плоскодонных толстостенных, из светлой серо-желтой глины, одноручных кувшинах, прикрытых большими кусками амфор, соленов, пифосов; одно — в огромной реберчатой амфоре.

Характерным инвентарем для всех раскопанных погребений является глиняная посуда: амфоры, чаши, амфориски, флаконы, блюда, одноручные кувшины (от больших толстостенных до небольших тонкостенных и лепных), леканы, пелики. Как уже указывалось, основная масса посуды — местного, фанагорийского производства.

Кроме простой местной посуды, в некрополе «Е» представлены вазы, своеобразные или по акварельной росписи или по форме. Интересна лекана (рис. 39), сохранившая греческую форму, но оригинально расписанная геометрическим узором. От широкой черной полосы вокруг ножки расходятся черные треугольники. Две широкие чаши даются, как один сосуд; одна чаша служит крышкой другой, нижняя чаша по краю имеет красный и желтый поясок, верхняя — в центре красный диск, по сторонам три красных, схематично изображенных цветка. Расписная пелика сохранила только следы акварельной росписи.

Исследование северо-западной части холма «Е» дало на всей довольно большой раскопанной площади, повторяющиеся, типы могил.

Другой раскоп был сделан на верхней террасе городища. Работы здесь начаты впервые после старых раскопок, не оставивших точной документации.

Верхний город спускается на террасу нижнего города более или менее крутыми склонами. На этих склонах видны следы старых раскопов в виде заплывших ям и канав, а по самому краю террасы верхнего города, обращенному к морю, проходят траншеи военного времени.

---

[3] М. М. Кобылина. Отчет о раскопках Фанагории в 1947 г. КСИИМК, вып. XXVII, 1949.

[4] А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Нальчик, 1948, стр. 78.

Высокий спуск верхней террасы города на нижнюю террасу разделен широким, очень пологим проходом; здесь предполагали древнюю дорогу, которая вела к порту. К западу от этого прохода поднимается самый высокий холм, всегда привлекавший старых исследователей, искавших на нем фанагорийский акрополь. Первоначальная поверхность этого холма совершенно уничтожена ямами старых раскопов, пересекающихся с траншеями. В востоку от этого прохода находится другой холм, выделяющийся на профиле верхнего города своими четкими очертаниями. Здесь в 1947 г. при обследовании траншей был найден обломок надгробия с изображением всадника и огромный квадр с углублениями — вероятно, постамент статуи.

Рис. 39. Лекана с акварельной росписью II в. до н. э.

Эти находки, нетронутая старыми раскопками поверхность холма, его местонахождение вблизи предполагаемой центральной части древнего города на нижней террасе — побудили к выбору этого места (холм «Г») для разведочной работы на верхнем городе.

Из старых отчетов неясно, что было в восточной части массива верхнего плато; здесь упоминаются находки гробниц и пожарищ, а также ставится вопрос — был ли здесь город или некрополь.

На юго-восточном крае верхней террасы в 1931 г. Л. П. Харко была обнаружена позднеримская гончарная печь, которая была раскопана и исследована В. Ф. Гайдукевичем. [5]

На холме «Г» вскрыта площадь в 60 м^2 и обнаружен семиметровый культурный слой. Материк представляет собой желтый песок с прослойками серой глины. На материке, а частично и в материке по линии СЗ—ЮВ вскрыты амфоры, уходящие в нераскопанную площадь (рис. 40). Всего выявлено 18 амфор, поставленных вниз горлом, одна около другой так, что

[5] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг. ИГАИМК, вып. 80.

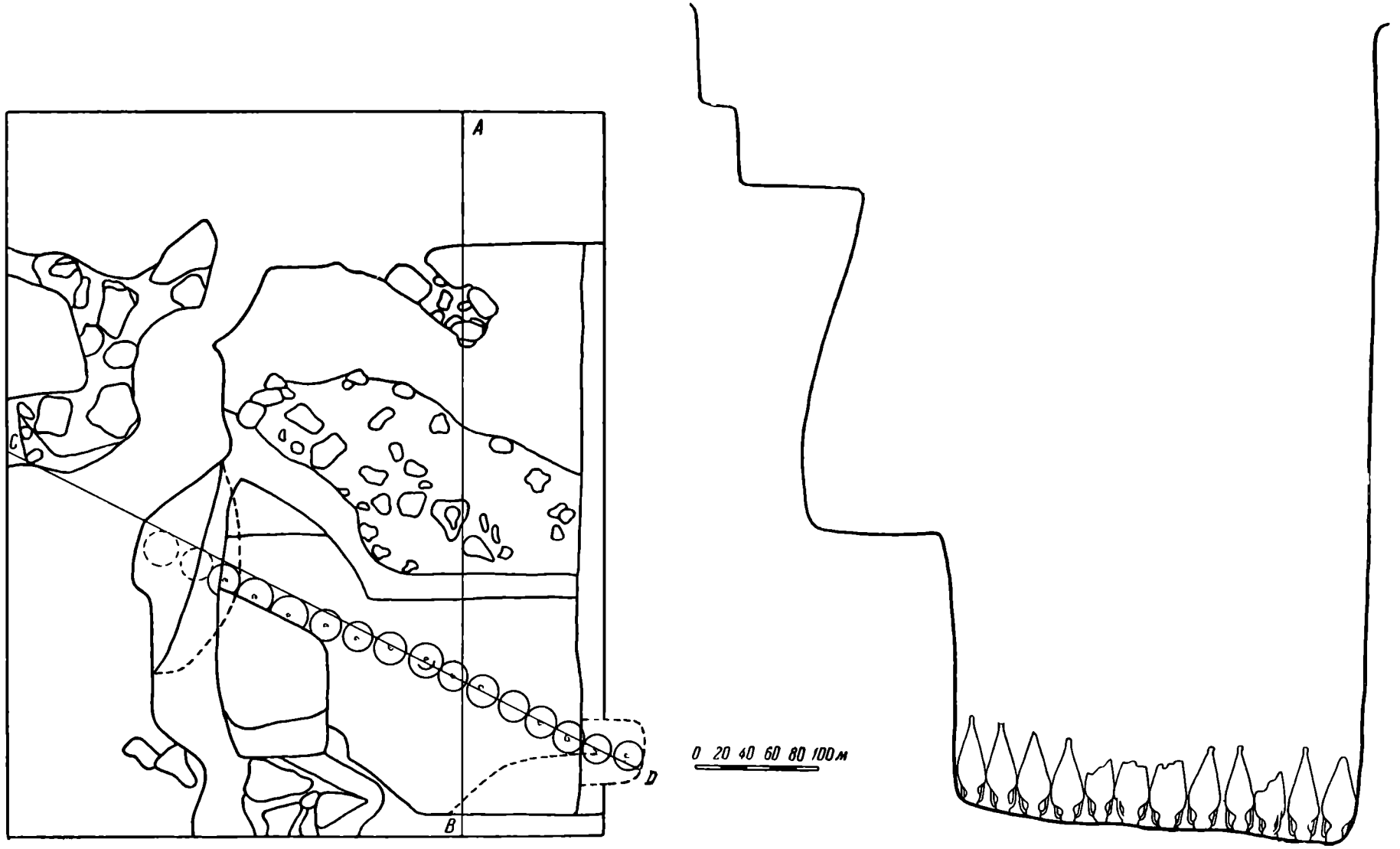


Рис. 40. План и разрез по линии *CD* (с востока на запад) площади I, раскопа «Г»

они касались ручками и туловом. Амфоры были засыпаны мусорной землей со множеством расписной ионийской керамики VI — V вв. до н. э. и чернолаковой аттической. Выше лежал слой чистого, явно принесенного для засыпки, морского песка. Амфоры имеют стройную форму и по типу — хиосские, датируемые V в. до н. э. Они несколько различны по пропорциям. 6 амфор расписаны красной краской в виде простого узора полос или пересекающихся линий.

Окончательное суждение об этом комплексе можно будет иметь лишь после его полного раскрытия.

Над слоем песка, закрывавшего амфоры, был обнаружен двухметровый культурный слой IV—III вв. до н. э. Значительную часть находок составляли обломки пухлогорлых амфор V в. до н. э., чернолаковой и краснофигурной аттической посуды V—III вв., до н. э. и большое количество фрагментов ионийской расписной керамики. Присутствие последней говорит о близости нахождения архаического города, который, вероятно, занимал всю нижнюю террасу.

Лежащий над амфорами слой IV — III вв. до н. э. чрезвычайно мусорный, обильно насыщенный керамикой, производит впечатление свалки. Никаких архитектурных остатков в нем не найдено. Не обнаружено их и в вышележащем слое.

На глубине 2.60 м были вскрыты остатки здания II—III вв. в виде черепяно-каменного настила и отдельных кусков стен по сторонам его. Здание, стены и вымостка разрушены средневековыми постройками хозяйственного назначения. Здесь обнаружены три ясно выраженных средневековых слоя VI—XIII вв. н. э. Архитектурные остатки относятся к верхним двум слоям; в нижнем из них, вдоль северного борта раскопа, сохранились развалы сырцовых стен (длина 5 м, ширина 0.50 м, толщина 0.30, местами — 0.50 м) и три зерновые ямы; от верхнего слоя (X—XIII вв.) сохранилась каменная вымостка с остатками сырцовых стен и одна зерновая яма. Следы пожарища, множество кусков шлака и горелой земли свидетельствуют о гибели средневековых сооружений от пожара.

Весь характер культурных напластований на холме «Г» совершенно иной, чем на нижнем городе, где находится «Северный» раскоп. В 1939—1940 гг. В. Д. Блаватский открыл здесь древнейшую часть города, залегающую на глубине 2 м ниже уровня моря, и тщательно исследовал стратиграфию слоев; здесь были обнаружены мощные напластования, датируемые VI в. до н. э.— XIII в. н. э., фундаменты классического общественного здания, остатки дома II в. до н. э. и часть квартала средневекового города. Этот раскоп был продолжен в 1948 г. по направлению обрыва к западу. Была вскрыта площадь 225 м^2. Сначала была исследована прилегающая к обрыву береговая часть; здесь были обнаружены классические и архаические слои, лежащие ниже уровня моря, до глубины 2 м. Из находок интересна терракотовая статуэтка, изображающая богиню Кибелу, сидящую на троне со львом на коленях (IV в. до н. э.— фанагорийской мастерской). Затем была раскопана и площадь, прилегающая к обрыву. Стратиграфия слоев «Северного» раскопа полностью повторилась.

Основное внимание на этом раскопе было уделено раскрытию сооружения, обнаруженного в верхнем слое (рис. 41); сохранились солидные каменные фундаменты внутренних помещений большого здания. На этих фундаментах лежали остатки сырцовых стен. Общая длинная стена (ширина 0.75 м, высота 0.40 м, длина 9 м) и поперечные стены, подходящие к ней под прямым углом с юга и севера, представляют собой остатки четырех комнат. Часть здания обвалилась в море. Наряду с остатками здания встречено большое количество керамики X—XI вв., главным образом хазарской и отчасти славянской.

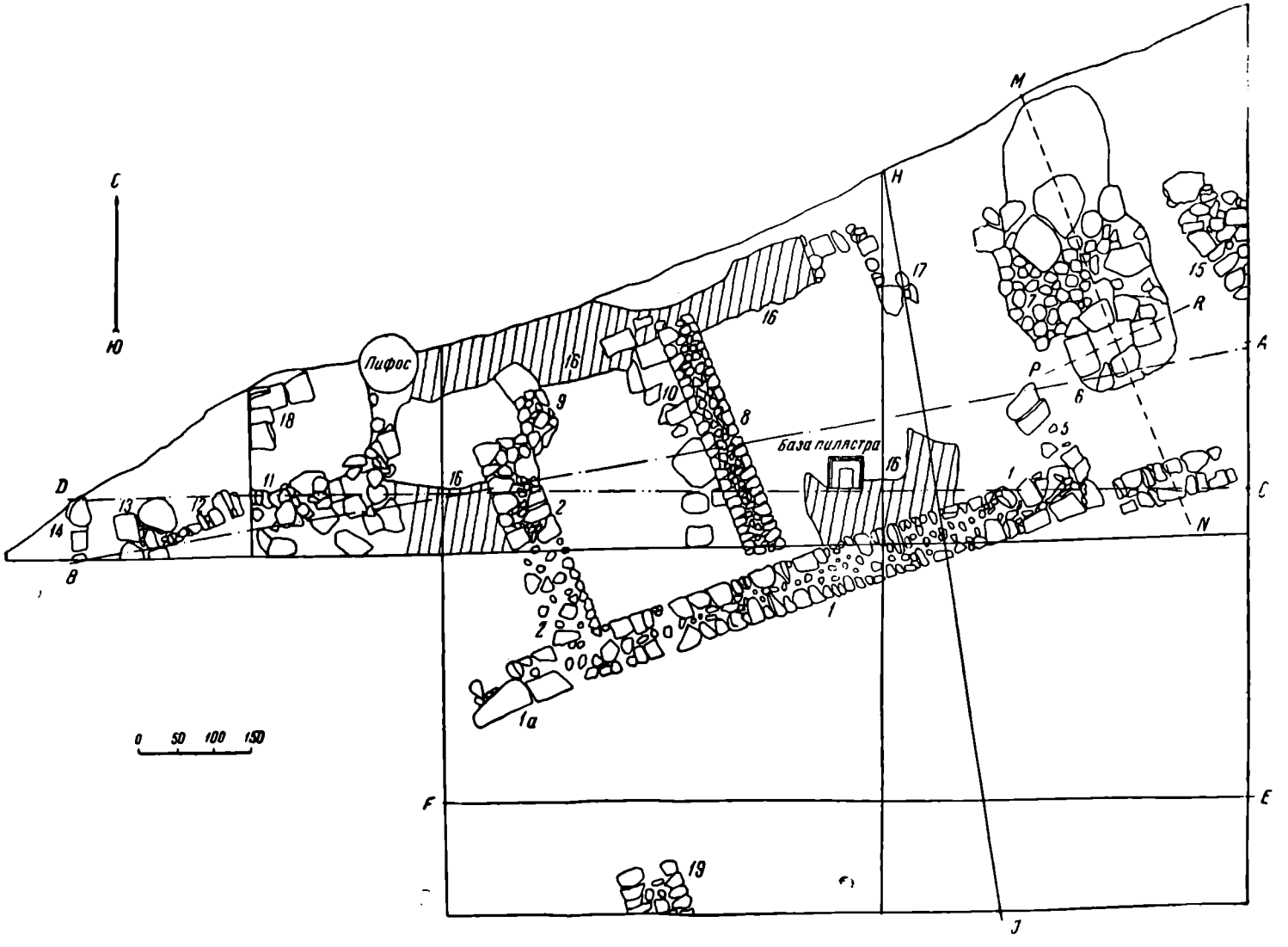


Рис. 41. План раскопа «Северный город»

Вдоль обрыва обнаружены незначительные части фундаментов раннесредневековых зданий и остатки сооружений первых веков нашей эры: прекрасно сохранившийся колодец (глубиной 4.10 м, с венцом и квадратным в плане отверстием), прилегающая к нему каменная мостовая, почти целый пифос. На глубине 3.65 м прослежены цементированные площадки I в. н. э., сохранившиеся кусками по всей площади, со следами поперечных узких перегородок, по всей вероятности, остатки винодельни.

На одном уровне с цементированным полом, на краю раскопа открыт водосток. На цементированной площадке найдены сделанные из обломков амфор 43 глиняных кружочка, лежавших кучкой — возможно, детская игра.

На участке «Северного» раскопа особенно хорошо представлена средневековая керамика V—XIII вв.

А. П. Смирнов, обрабатывая средневековые слои Фанагории, нашел здесь керамику, аналогичную керамике волжских булгар, хазарскую и славянскую.

Экспедицией 1948 г. был доследован также район открытой в 1947 г. местной мастерской терракот; здесь была раскопана прилегающая к железнодорожному раскопу площадь в 25 м^2 с незначительным по мощности перекопанным слоем II—I вв. до н. э. — первых веков н. э. и найдены две эллинистические терракоты нового типа — эрот и герма.

Из случайных находок 1948 г. заслуживает внимания большой обломок (0.5 м, высоты) мраморной статуи, на котором сохранилось изображение трех складок, каждая 12 см ширины. Этот фрагмент свидетельствует о существовании в Фанагории крупных мраморных статуй.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

И. Б. ЗЕЕСТ

КИММЕРИКСКАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ И ЗЕРНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО БОСПОРА

Раскопки 1948 г. в Киммерике были продолжением работ, начатых в 1947 г.[1]

Исследованиями установлено, что Киммерик уже существовал в V в. до н. э. В период расцвета Боспорского царства он был одним из небольших портовых городов, через который шел экспорт хлеба. Киммерик имел торговые связи не только с Аттикой, куда Боспор направлял в это время главный свой экспорт, но и с южным побережьем Черного моря, откуда товары могли поступать непосредственно в порт Киммерика.

Раскопки установили также и местонахождение портовой части города — к северо-западу от главной части городища, недалеко от берега соленого озера Элькен. Есть основание считать, что вся городская жизнь в этот период еще была сосредоточена вокруг его портовой части и не распространялась на территорию холмов.[2]

Менее ясен вопрос о городе эллинистического периода (II — начало I в. до н. э.). Ни один из раскопов не обнаружил культурного слоя этого времени, а на участке в районе гавани жизнь прекратилась уже в III в. до н. э. Однако единичные находки эллинистического времени на территории городища и наличие среди них художественных привозных изделий позволяют заключить, что город и в этот период жил полной и нормальной жизнью. На территории холмов (где проводились основные раскопки этого года) эллинистические слои не сохранились; они, вероятно, были счищены со скалистой поверхности в процессе последующего развития города.

Раскопки дали ясное представление о жизни города I — IV вв. н. э. В этот период его главная территория находилась на холмах. На рубеже нашей эры центральная часть города была обнесена стеной. К этому же времени относятся большие фортификационные работы, превратившие весь район горы Опук, на площади около 5 км^2, в укрепленный район с крепостью на плато. Жизнь здесь продолжалась вплоть до III—IV вв. н. э.

Укрепления Киммерика имели большое стратегическое значение для западной периферии Боспора, замыкая выход к морю мощной оборонительной линией Аккосова вала, который, по всей вероятности, и должен считаться знаменитой «стеной» Асандра.

От этого периода сохранились не только остатки архитектурных сооружений, но и культурные напластования, образовавшиеся непосредственно

[1] И. Б. Зеест. Разведочные работы в Киммерике в 1947 г. КСИИМК, вып. XXVII, 1949.

[2] И. Б. Зеест. Раскопки Киммерии в 1947—1948. ВДИ, № 3, 1949.

на скалистой поверхности. Огромное большинство среди культурных остатков составляют обломки местной грубой и простой керамики. Привозные изделия носят исключительно бытовой характер и, в основном, ограничиваются различными видами керамической тары.

Остатки зданий, оборонительных сооружений и городских стен отличаются специфическими чертами архитектурных форм и местными особенностями строительной техники.

В 1948 г. был исследован один из участков стены, окружающей Большой холм. Эта стена отлична от оборонительных двухпанцырных стен Киммерика, частично исследованных в 1947 г., и дает представление еще об одной местной форме строительства.

Стена выложена из огромных, почти необработанных камней, узкой грядой в один ряд, представляя мощную каменную ограду. С внешней стороны камни грубо отесаны. По строительной технике эта стена аналогична оборонительным стенам, в которых при укладке панцырей применялись такие же крупные, почти необработанные камни, уложенные насухо и укрепленные при помощи мелких камней и щебня.

Стена возведена непосредственно на скалистой поверхности холма, и сохранившаяся ее часть представляет собой основание стены (более 1.0 м высотой), на котором покоилась не сохранившаяся верхняя, более легкая часть кладки из мелкого рваного камня, обнаруженного в большом количестве в развале стены.

Остатки подобных стен-оград были встречены и на другом участке, в низине между Большим и Змеиным холмами, в районе зерновых ям, о которых будет сказано ниже.

Отмеченные выше стены представляют одну из особенностей местного строительного искусства, возникшего на периферии Боспора в эпоху ее сильной сарматизации. Эти новые строительные формы впоследствии проникли и в Пантикапей, где в слоях III—IV вв. н. э. была встречена аналогичная кладка каменной ограды.

Культура города в этот период носит ярко выраженный местный характер, присущий периферийным городам Боспора. Раскопки дали значительный материал, характеризующий некоторые стороны экономики и быта.

На Змеином холме обнаружено здание, построенное на рубеже нашей эры и погибшее от пожара в III в. н. э. Это здание находится на северо-западном склоне Змеиного холма (рис. 42). Центральная его часть представляет открытый вымощенный дворик *А*, с восточной стороны ограниченный подпорной стеной *1*. С севера и юга к дворику примыкали крытые помещения *Б*, *В* и *Г*. Основанием пола этих помещений и дворика частично послужила горизонтально подтесанная на различных уровнях скала. Пол южного помещения *Г* находился на 0.30 м выше дворика, а уровень двух северных помещений — на 0.50 м ниже его. Подтеска скалы широко применялась при строительстве здания не только для устройства горизонтальных площадок, но и для подпорных стен. Северное помещение, соединенное с двориком лестницей *3*, имело окно, выходящее во двор.

С восточной стороны находилось помещение *В*, отгороженное от помещения *Б* стеной с дверным проемом, сложенной впритык к подпорной стене *2*.

Разрушения, причиненные пожаром, были особенно сильны во всех крытых помещениях, в то время как во дворике пожар не оставил значительных следов.

Кровля этих помещений была глинобитной, о чем свидетельствуют многочисленные обугленные остатки деревянных стропил, прутьев, камыша, обгорелой глиняной обмазки, которая покрывала также и внутреннюю поверхность стен.

В северном помещении, в простенке между лестницей и окном, стояла большая каменная ступа в форме цилиндра, слегка суживающегося книзу, высеченная из цельного блока местного известняка. Высота ступы 0.64 м, наибольший диаметр 0.5 м, глубина внутреннего объема ее рабочей части

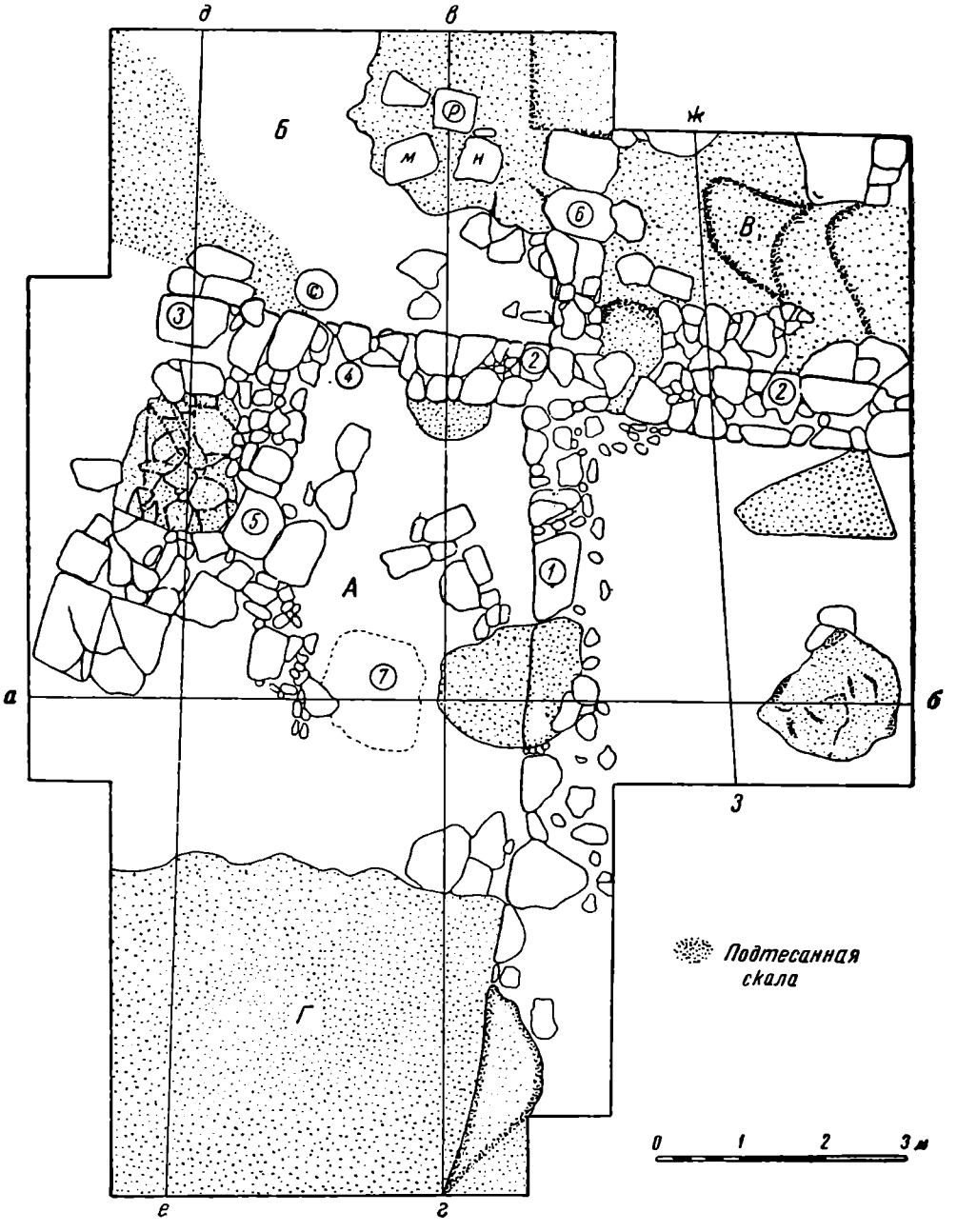


Рис. 42. План здания на Змеином холме

А — открытый дворик; *Б* — *В* — северные помещения; *Г* — южное помещение; *1* и *2* — подпорные стены; *3* — лестница; *4* — окно; *5* — кладка стены с порогом; *6* — стена, пристроенная впритык; *7* — яма; *м* — жернов; *н* — столик, сложенный из камней; *р*—*с* — каменные ступы

0.5 м, диаметр 0.2 м. С внешней стороны ступа обработана довольно тщательно, поверхность ее хорошо сглажена.

Другая ступа высечена более грубо из блока прямоугольной формы. Высота ее 0.7 м, ширина 0.5 м, диаметр внутреннего отверстия 0.22 м. Нижняя часть ступы врыта в землю, вследствие чего узкое и глубокое дно ее находится несколько ниже уровня пола. Остатки деревянных пестов находились, вероятно, среди кусков древесного угля пожарища.

Рядом со второй ступой находился столик, сложенный из больших необработанных камней, служивший, по всей вероятности, местом для жернова (рис. 43). Нижняя часть одного жернова лежала рядом со ступой на полу, где она была поставлена до пожара; другой жернов найден в перевернутом виде среди остатков пожарища.

Подобные жернова были широко распространены на Боспоре. Они обычно высекались из местной породы известняка или туфа. В. Ф. Гайдукевич дал подробное описание этого типа жернова и чертеж его верхней части.[3]

Киммерикский жернов, благодаря прекрасной сохранности, дает полное представление о всей его конструкции (рис. 44). Эта находка позволяет считать, что данный тип жернова, обнаруженный в комплексе Киммерика III в. н. э., засвидетельствованный изображениями эллинистического времени, бытовал на Боспоре очень долго. Оба жернова, встреченные в Киммерике, высечены не из обычных местных пород известняка, а из красного гранита. Верхняя часть, прямоугольная в плане, имеет воронкообразное углубление, оканчивающееся сквозным отверстием в виде узкой щели, через которую зерно поступало на рабочую поверхность нижней части жернова. Нижняя часть представляет собой прямоугольную плиту удлиненной формы (0.63 × 0.43 м), слегка вогнутую посредине и с приподнятыми концами узких сторон. На ее поверхности имеются пять неглубоких бороздок, нанесенных параллельно поперек плиты; такие же бороздки, но в более сложном расположении, и на рабочей поверхности верхней части жернова, которая, соответственно нижней части, имеет слегка выпуклую поверхность.

Верхняя часть жернова приводилась в движение при помощи деревянного рычага, для крепления которого сверху и в боковых частях жернова имеются специальные выемки. Двигалась верхняя часть продольно по направлению узких сторон нижней плиты. Этот тип жернова, построенный по принципу усовершенствованной зернотерки, существовал наряду с давно уже появившимися, более совершенными в техническом отношении, круглыми жерновами, конструкция которых основана на вращательном движении.

В пределах одного комплекса в Киммерике обнаружен, наряду с приведенным типом жернова, и круглый жернов, большой обломок которого был использован в качестве строительного камня вымостки двора. Здесь найдена также ручная зернотерка в виде небольшого, удлиненной формы камня, с плоской нижней поверхностью.

Все эти предметы, а также часть разбитого каменного корыта и большой точильный камень были сосредоточены в одном помещении, служившем местом для помола и обработки зерна. Здесь же было обнаружено небольшое количество обгорелых зерен пшеницы, рассыпанных на каменном полу.

Основное хранилище зерна находилось в южном помещении, устройство которого было хорошо приспособлено для этих целей. Оно почти целиком вырублено в скале, образующей его восточную стену и площадку пола, что обеспечивало непроницаемость для грызунов и влаги. Помещение было расположено с южной стороны здания и занимало самую возвышенную, а следовательно, и наиболее сухую часть дома. Здесь обнаружено огромное количество зерна, преимущественно пшеницы и ячменя, хранившихся в больших остродонных амфорах и пифосе. Некоторые амфоры были привезены из каких-то центров Боспора и вряд ли изготовлялись на месте.

Подобные большие амфоры из розоватой или плохо промешанной светлозеленоватой глины с массивными круглыми ручками и венцами встречаются как в самом Пантикапее, так и в некоторых городах Боспора в слоях III — IV вв. н. э. На плечах подобных амфор часто имеются процарапанные знаки.

---

[3] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 99, рис. 9.

Рис. 43. Ступа со столиком

Рис. 44. Жернов

Здесь же найдены обломки различной простой посуды, среди которой интересны большие открытые сосуды с зигзагообразным орнаментом на венчиках, насечками и ямками на плечах сосудов. Интересна глиняная формочка со стилизованным изображением птицы, служившая, возможно, штампом для выпекания лепешек или хлеба (рис. 45).

Рис. 45. Керамическая форма

В помещении, служившем складом зерна, обнаружены в большом количестве рыболовные грузила плоской пирамидальной формы, с одним отверстием в верхней части. Эти грузила еще не были в употреблении и хранились в запасе.

Среди находок была также одна монета боспорской чеканки середины III в. н. э.[4]

Подобные хранилища зерна, связанные с помещением, где производилась и его обработка, были рассчитаны на текущий запас продуктов, но запасы на длительный срок требовали иных способов хранения. На Боспоре наиболее распространенным способом хранения зерна были земляные ямы, об архитектуре которых дают ясное представление зернохранилища Пантикапея,[5] Илурата и Дии-Тиритаки. При подобном способе хранения, как утверждает Варрон, пшеница могла сохраняться длительный период времени.[6] В Киммерике, как и в других городах Боспора этого времени, где эко-

---

[4] Определена Д. Б. Шеловым.

[5] И. Б. Зеест. Земляные зернохранилища Пантикапея. КСИИМК, вып. XXIII, 1948.

[6] Варрон. О сельском хозяйстве, I, 57, 2; В. П. Зубов и Ф. А. Петровский. Архитектура античного мира, М., 1940, стр. 592.

номика и постоянная военная обстановка неизбежно требовали скопления запасов хлеба внутри города, тоже пользовались земляными зернохранилищами, что показали раскопки одного из участков между Большим и Змеиным холмами.

Зерновые ямы в этом районе были вырезаны в слое мусорного грунта, образовавшегося на протяжении I—II вв. н. э., и, следовательно, были сооружены не ранее II—III вв. н. э. Эти ямы оказались полностью разрушенными.

В Киммерике были, повидимому, и рыбозасолочные ванны, о чем свидетельствуют находки цемянковых облицовок, неоднократно встречавшиеся в раскопках. О развитом рыболовном промысле с применением сетей свидетельствуют и те грузила, которые были обнаружены в сгоревшем доме на Змеином холме, а также многочисленные кости рыб.

Новые данные о городском хозяйстве показывают, что в жизни города в первых веках нашей эры произошли коренные изменения: Киммерик, бывший одним из торговых городов, гавань которого еще во времена автора Безымянного перипла была известна как одна из наиболее удобных гаваней на торговом пути, в это время приобрел новое значение важного стратегического пункта, участвовавшего в обороне западной границы Боспорской державы.

Торговля города в этот период, в силу новых сложившихся условий и коренных изменений в экономике страны, приняла ограниченные размеры, и, надо думать, что морской порт Киммерика к этому времени уже перестал существовать. Залив, ранее служивший местом городской гавани, тогда уже, вероятно, начал отделяться песчаной косой от моря, образовавшей ныне соленое озеро Элькен. Основание для этого предположения дает Западная стена, соединяющая берег озера с городом. Она построена на участке наносной почвы, не содержащей культурных остатков и отложившейся в результате образования пересыпи и обмеления залива.

Поселение на холмах, где в этот период сосредоточилась хозяйственная жизнь немногочисленного населения всего укрепленного района Киммерика, было тесно связано со своей аграрной базой и местным земледельческим сарматизированным населением, которое составляло, вероятно, значительную часть населения Киммерика.

Этим и объясняется ярко выраженный местный характер культуры города, которая не носила узко локального характера, так же как не имели его другие малые города Боспора, как Китэй, Акра, Илурат и другие. Эти города возникли или переродились в новых исторических условиях, играя роль военного оплота Боспорской державы, что во многом определило общность их культуры и облика. Они выросли на единой почве с единой культурой, которая сложилась здесь в результате развития культуры местных сарматских племен в исторических условиях Боспора.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

III. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

С. И. КАПОШИНА

ЗОЛОТЫЕ СЕРЬГИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ОЛЬВИИ

В 1938 г. во время работ Ольвийской экспедиции колхозники с. Чертоватое, расположенного в 4 км от Ольвии, производили земляные работы. В одном из курганов у Чертоватого ими была выкопана для хозяйственных целей яма. Здесь были найдены золотые серьги и небольшая круглая, тонкая, гладкая золотая пластинка (диаметром около 2 см); повидимому, эти вещи происходили из разрушенного погребения. Находка была тогда же доставлена начальнику Ольвийской экспедиции Л. М. Славину. Рассказ колхозников не вызывает сомнения в том, что серьги и пластинка найдены в одном из курганов у Чертоватого.

Большой интерес представляют массивные золотые серьги в виде прикрепленных к большим кольцам пирамидок, опрокинутых вершинами вниз (рис. 46).[1] Пирамидки составлены из треугольных золотых пластинок, украшенных зернью. В центре каждой из трех сторон пирамидки припаян золотой полушарик, окаймленный ободком из мелкой зерни. Мелкой зернью в виде маленьких треугольников заполнены углы сторон пирамидок. К острым ребрам последних припаяны сплошной нитью шарики крупной зерни. К опущенным вниз вершинам припаяны три полых золотых шарика, к которым, в свою очередь, прикреплен заканчивающий серьгу большой шарик, украшенный пояском из двух рядов мелкой зерни и чередующимися треугольниками, вершины которых направлены в разные стороны. Углы пирамидок у основания или верхней треугольной площадки серег имеют по три крупных золотых шарика. В центре основания пирамидок или верхних площадок припаяны украшенные зернью стерженьки, к которым прикреплены большие кольца из золотой проволоки, продевавшиеся в уши. Кольца хорошо сохранили упругость, и их замки прекрасно действуют. Сохранность серег хорошая; только на одной из них шарики на углах пирамидок несколько помяты у основания и некоторые отпали.

Форма серег, обилие разной величины зерни, расположение золотых шариков на углах верхней площадки и у вершины опрокинутой вниз пирамидки напоминают тяжелую гроздь винограда и создают впечатление массивности.

На золотой пластинке, найденной вместе с серьгами, сохранился остаток петельки или след ее прикрепления и весьма неясные следы стертого изображения.

Золотые серьги в виде опрокинутых вниз вершинами пирамидок, иногда гладких, иногда дополнительно украшенных, известны среди памятни-

[1] Серьги весят свыше 37 г.

ков античности[2] так же широко, как и применение зерни, в частности треугольников мелкой зерни, украшающих различные ювелирные изделия, найденные в Ольвии и относящиеся к архаической эпохе.[3]

Золотые массивные серьги в виде больших опрокинутых пирамидок, украшенных разной величины зернью и крупными шариками, заканчивающими вершины пирамидок, широко распространены также среди находок из могильников позднего сармато-аланского времени.

Ближайшими аналогиями для золотых серег из окрестностей Ольвии могут послужить золотые серьги, найденные в могильнике Камунты на Северном Кавказе. Из погребений Камунты происходят золотые серьги в виде убранных зернью пирамидок. Некоторые из них небольшие, стороны их пирамидок сплошь усыпаны мелкой зернью;[4] другие, большего размера (высота 7 см), на треугольных сторонах пирамидок имеют гнезда для камней.[5] Золотые серьги в виде маленьких пирамидок, покрытых зернью, были найдены Н. И. Репниковым в могильнике Суук-Су.[6]

Аланский могильник Камунты принято датировать V—VI вв. н. э.[7] Близость золотых серег из окрестностей Ольвии, аналогичных находкам из Камунты, позволяет отнести первые к кругу аланских памятников V—VI вв. н. э.[8] К этому же времени относятся золотые серьги, составляющие известную аналогию находке у Чертоватого и происходящие из Венгрии. Большие серьги, изданные Гампелем, отличаются от описываемых нами некоторой грубостью форм, тяжеловесностью.[9] Представляется, что серьги из окрестностей Ольвии более близки по своим стилистическим особенностям серьгам из Камунты, нежели серьгам из Венгрии, которые датируются также V—VI вв. н. э.[10]

На ольвийском городище пока не встречено никаких памятников столь позднего времени, к которому относятся описанные выше серьги из окрестностей Ольвии, за исключением указания Уварова на находку монеты Юстина II (565—578 гг.).[11] Но неоднократно Археологической комиссией (в лице Б. В. Фармаковского) приобретались золотые, в том числе инкрустированные, украшения, которые могут быть отнесены к группе сармато-аланских памятников, происходящих, по указаниям продавцов, из погребений Ольвии или ее окрестностей. К числу их принадлежит группа предме-

---

[2] K. Hadaczek. Der Ohrschmuck der Griechen und Etrusker. Wien, 1303, стр. 30, рис. 50; стр. 31, рис. 51; стр. 70, рис. 137; стр. 71, рис. 138, 139; Marshall. Catalogue of the Jewellery, greek, etruscan and roman in the departments of antiquities British Museum. London, 1911, табл. XXX, 1666, 1667, 1668.

[3] МАР, вып. 34, табл. IX; ОАК, 1909—1910, стр. 94, рис. 118, 119.

[4] МАК, т. VIII, табл. CXXIII, 7, 8.

[5] Там же, табл. CXXIV, 7; Толстой и Кондаков. Русские древности, т. III, стр. 117, рис. 119.

[6] ИАК, вып. 19, табл. I, рис. 1, 3, 7. Датировку могильника см. Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, 1926, стр. 47.

[7] История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства. АН СССР, 1939. Изд. на правах рукописи, ч. III—IV, стр. 180.

[8] Об аланах см. Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. СЭ, т. VI—VII.

[9] J. Hampel. Frühen Mittelalters in Ungarn, т. I, стр. 358, рис. 950, 951, 952; т. III, табл. 263, рис. 5а, 6; табл. 269, рис. 5; табл. 286, рис. 8. Ср. аналогичные серьги у De Ridder. Catalogue Sommaire de Bijoux Antiques. Paris, 1924, табл. VII, 351.

[10] W. Jenny und W. Volbach. Germanischer Schmuck des frühen Mittelalters. Berlin, 1933, табл. 10.

[11] Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 1, 1851, стр. 103; В. В. Латышев. Исследование об истории и государственном строе города Ольвии, 1887, стр. 211; В. Голубцов. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг. ИАК, вып. 51, стр 94, примеч.

Рис. 46. Золотые серьги из Чертоватого (вид с разных сторон)

Рис. 47. Предметы из окрестностей Ольвии

тов, приобретенных в 1903 г. (рис. 47).[12] В 1911 г. также была приобретена пара золотых серег, «украшенных альмандинами и золотыми усеянными зернью шариками, образующими виноградные кисти».[13]

В Киевском Историческом музее хранится коллекция золотых украшений, обозначенная в инвентарях музея происходящей из Ольвии. В этой коллекции имеется пара золотых серег в виде припаянных к кольцу трех небольших золотых шариков, лежащих на большом шарике, украшенном пояском и чередующимися треугольниками из мелкой зерни; эти серьги представляют как бы упрощенный вариант описанных выше серег, если представить их без пирамидок.[14] Четыре нижних шарика без пирамидки припаяны к небольшому кольцу из золотой проволоки. Такие же упрощенные серьги были найдены в некоторых погребениях Камунты.[15]

До сих пор все эти вещи не привлекали внимания исследователей, так как место находки их оставалось сомнительным, поскольку они приобретались от продавцов древностей, хотя и ссылавшихся на ольвийское происхождение находок. Достоверность происхождения золотых серег из кургана у Чертоватого, найденных в 1938 г., может быть, позволит с бо́льшим доверием и вниманием отнестись к старым приобретениям Археологической комиссии, которые также могли происходить из окрестностей Ольвии.

В 1914 г. Б. В. Фармаковский опубликовал коллекцию золотых украшений, найденных на участке крестьянина Филиппова. В числе вещей находилось большое ожерелье, составленное из золотых ромбовидных звеньев со вставками из красного стекла; два золотых наконечника пояса, один из которых ажурный, другой — большой, с изображением грифона; золотая подвеска; восемь золотых пластинок в виде птиц, четыре из которых представлены пожирающими рыб, и золотой браслет.[16]

Незадолго до летних работ в Ольвии в 1913 г. грабители раскопали могилу, из которой происходили перечисленные предметы. Б. В. Фармаковскому удалось добыть фотографии поступивших уже в продажу вещей. Тогда же Б. В. Фармаковский доследовал разграбленную могилу и нашел одно золотое ромбовидное звено от исчезнувшего ожерелья. Золотой браслет с несомкнутыми концами, находившийся в составе описанных Б. В. Фармаковским предметов с усадьбы Филиппова, может быть датирован V в. н. э. (рис. 48).

---

[12] Состав коллекции перечислен в отчете Археологической комиссии за 1903 г., стр. 148—149. Предложенную там же датировку вещей, может быть, можно для некоторых из них отодвинуть к рубежу IV—V вв. н. э. или к началу V в. н. э. Аналогичные витые золотые серьги с гирьками датируются Иенни и Фольбахом V в. н. э. Указ. соч., табл. 3.

[13] ОАК, 1911, стр. 24. В 1935 г. производились небольшие раскопки некрополя Ольвии. В одном из погребений была найдена пара больших золотых серег. К сожалению, находка вскоре была утрачена. Насколько теперь позволяет память, эти серьги напоминали форму золотых серег из Келегейского клада (Літопис Музею. Херсон, 1917—1927, стр. 16, рис. 18).

[14] Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. VI, стр. 17, табл. VII, 583. Аналогичные серьги см. у H a m p e l. Указ. соч., т. I, стр. 356, рис. 936—938; Atlas, табл. 184, рис. 1, 2; табл. 263, рис. 1, 2, 3, 4.

[15] МАК, т. VIII, табл. CXXIII, рис. 10, 11, 12, 13, 14; табл. CXXIV, рис. 6; табл. CXXV, рис. 4.

У Béla Pósta опубликована считающаяся происходящей из Ольвии группа золотых украшенных зернью предметов, среди которых имеется небольшая серьга в виде опрокинутой пирамидки, а также наконечники поясов с треугольниками мелкой зерни (Archäologische Studien auf russischem Boden. IV. Budapest, 1905, стр. 450, рис. 251). Ср. также: Д. П. Д и м и т р о в. Новъ стравнителенъ материалъ към втория златенъ накитъ отъ Мадара. Изв. на Българското историческо дружество, т. XVI—XVIII. София, 1940, стр. 189, рис. 5 Ближайшие аналогии этим украшениям можно видеть также в могильнике Камунты. Д. П. Д и м и т р о в. Указ. соч., стр. 185, рис. 2.

[16] Archeologische Anzeiger, 1914, стр. 255—256, рис. 78. Аналогичный золотой браслет из Ольвии опубликован Уваровым, ук. соч., атлас, табл. XIV, 5.

В упоминавшейся уже работе Иенни и Фольбаха приведена группа золотых украшений, которая, по словам издателя, ссылающегося на определение Цана, происходит из Ольвии. Точных указаний на происхождение не дается, хотя коллекция именуется могильной находкой из Ольвии.

В составе коллекции представлены: ожерелье в виде золотой цепи, с овальной инкрустированной пластинками из зеленого и красного стекла подвеской и двумя медальонами; две золотые ушные подвески, инкрустированные лилово-красными камнями или стеклами; две золотые витые серьги с гирьками; два золотых перстня, щитки которых также инкрустированы лилово-красными вставками; золотая булавка с головкой из лилово-красного камня; два золотых браслета с несомкнутыми концами и четыре капсулы с жемчужинами (рис. 49). Золотые браслеты аналогичны браслету из грабительских раскопок 1913 г. (рис. 48).[17]

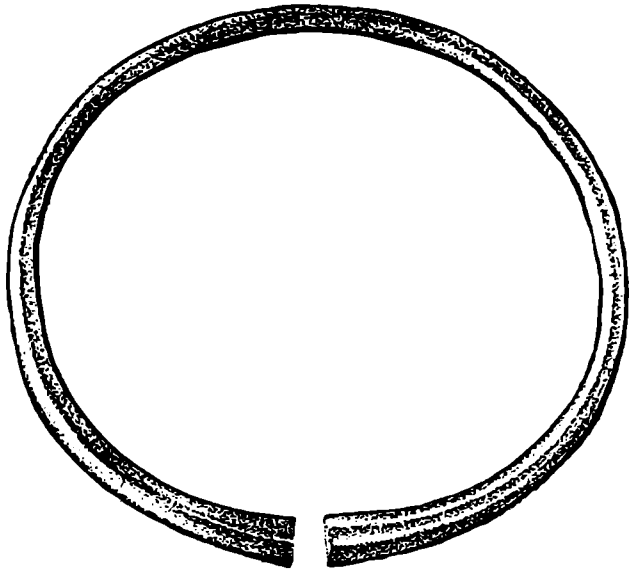


Рис. 48. Золотой браслет V в. н. э.

Возможно, что и эта коллекция происходит из окрестностей Ольвии, поскольку неоднократны были покупки подобного рода, связанные с Ольвией. Все же вполне достоверно происхождение лишь золотых серег, найденных у Чертоватого. Если доверять сведениям Б. В. Фармаковского о вещах, найденных в 1913 г., и добавить к этому покупки 1903 и 1911 гг., золотые серьги из Киевского музея, а также перечисленные выше предметы, опубликованные Иенни и Фольбахом, то можно сделать вывод, что в районе Ольвии находится могильник V—VI вв. н. э., откуда и происходят все эти памятники.

Едва ли можно ожидать, что на территории самой Ольвии будут открыты остатки поселения, одновременного находкам из погребений V—VI вв. н. э. Исследования городища, произведенные за последние годы в значительных масштабах, не дают оснований предполагать, что город продолжал жить в это время.[18] В связи с перечисленными выше находками, обнаруженными в Ольвии или ее окрестностях, представляется не случайной и находка монеты Юстина II. Однако никаких следов поселения этого времени в Ольвии до сих пор не обнаружено. Но пока не будут исследованы многочисленные поселения, густой сетью располагавшиеся

---

[17] Из этой же коллекции происходит, по описанию Б. В. Фармаковского, золотой флакон с двумя ручками и крышкой, украшенной двумя плетеными поясками и двумя припаянными завитками. На крышке флакона розетка, в центре которой вставлено красное стекло, а лепестки розетки покрыты голубой эмалью (Archäologische Anzeiger, 1914, стр. 255, рис. 79). Форма флакона, наличие двух ручек на туловище и крышке для продевания сквозь них цепи (?) напоминает флакон из Новочеркасского клада (Толстой и Кондаков. Русские древности, т. III, стр. 138).

[18] В докладе на Каирском конгрессе Б. В. Фармаковский говорил, что на основании византийских монет, констатированных Уваровым, можно было бы думать, что город существовал до VI в. н. э. (ИАК, вып. 33, стр. 116). П. Кеппен писал, что монетные находки в Ольвии простираются «не до времени Юлии Маммеи, но до Максимина и даже до времени Отацилии, супруги императора Филиппа I» (Древности северного берега Понта, 1828, стр. 71—72).

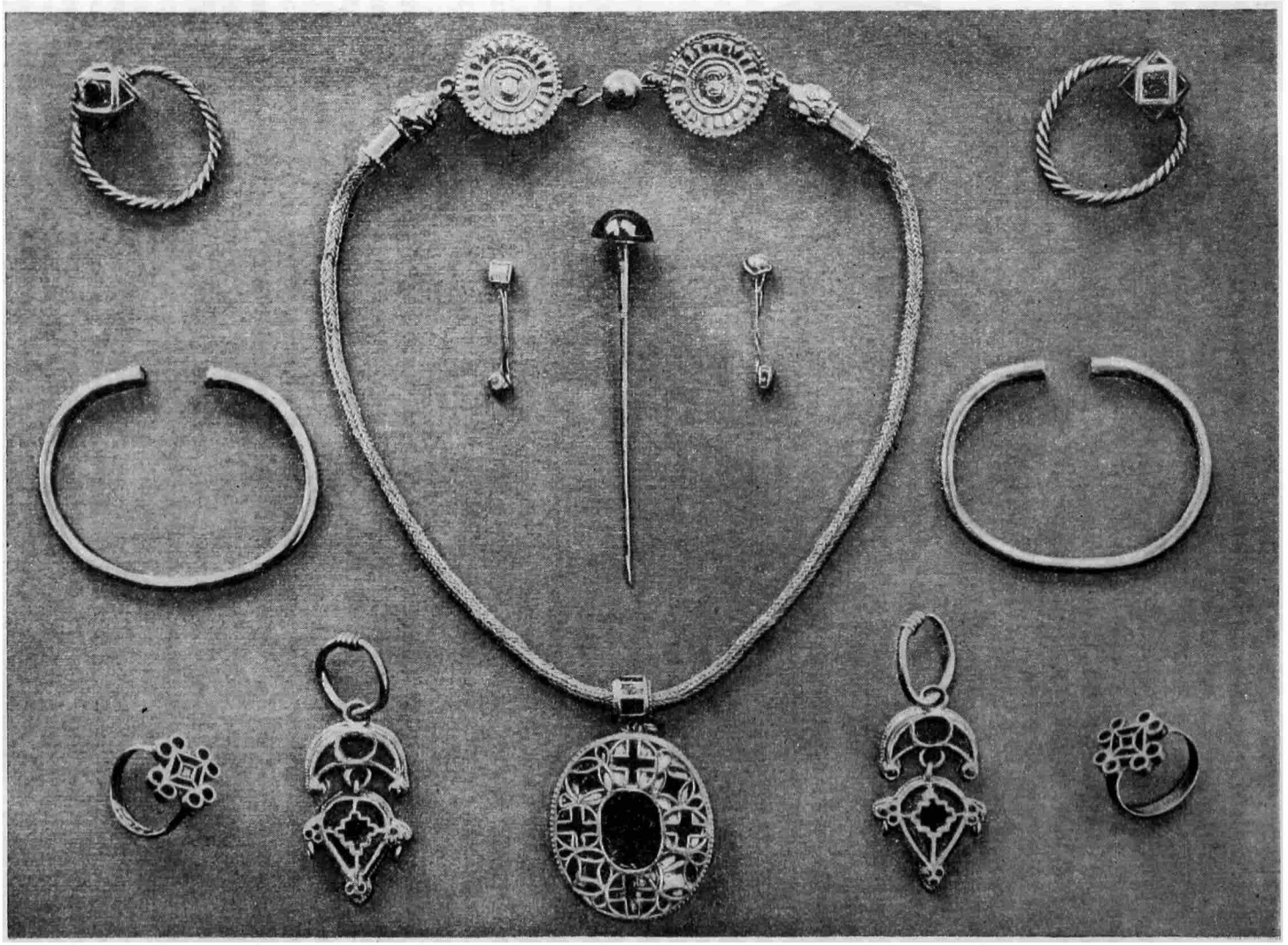


Рис. 49. Золотые украшения из Ольвии

вокруг Ольвии, вопрос этот остается нерешенным.[19] Трудно допустить, чтобы вместе с Ольвией замерла жизнь в обширном районе, центром которого в течение почти тысячи лет была Ольвия.

В этой связи, может быть, известного доверия заслуживает и сообщение Иордана, упомянувшего Ольвию в ряду причерноморских городов.[20]

Наличие могильника аланского времени в районе Ольвии, естественно, предполагает и наличие поселения, одновременного могильнику, на котором продолжалась жизнь после захирения Ольвии. Но название Ольвии, благодаря ее почти тысячелетнему существованию и первостепенному положению в северо-западном Причерноморье в древнюю эпоху, сохранилось надолго. Название Ольвии пережило город. Может быть, оно сохранилось и у Иордана потому, что в его время не замерла жизнь в районе Ольвии.

Богатство находок, происходящих из окрестностей Ольвии, наиболее близкие аналогии которым можно видеть среди памятников из могильника Камунты, позволяет сделать вывод о тесных связях этого района с аланскими центрами Северного Кавказа, а также и с западными дунайскими районами.

Район Бугского лимана был, возможно, связующим звеном в неразрывной цепи развития Северного Причерноморья.

---

[19] Раннесредневековые находки были встречены на городище Сара-Камыши, находящемся в 7 км от Ольвии. Произведенные перед Великой Отечественной войной небольшие раскопки городища у Чертоватого пока не дали подобного материала. Наличие поздних слоев на Березани широко известно.

[20] «С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она окаймлена небезызвестными городами: это Борисфенида, Ольвия, Каллиполида, Херсона, Феодосия, Кареон, Мирмикий и Трапезунта, основать которые дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю» (Getica, 32, 5. Изд. Моммсена в Monum. Germ. Histor. auctor. antiquiss., т. V, ч. 1, стр. 62, пер. Е. Ч. Скржинской). По мнению Е. Ч. Скржинской, специально работающей над этим источником, Иордан упомянул Ольвию потому, что либо он это место заимствовал у Кассиодора, воспользовавшегося, в свою очередь, более ранним источником, либо, зная лучше Кассиодора Восточную Европу, Иордан сообщал то, что сам знал о Причерноморье. Но вместе с тем, все же Иордан исходит из представления о городах древней эпохи и ошибочно в ряд с городами Северного Причерноморья ставит Трапезунт. Естественно, нельзя безоговорочно принимать сообщение Иордана как верное отражение современного ему положения, но и нельзя полностью отрицать это сообщение. Трудно предположить, что автор VI в., называя Ольвию, сообщал сведения о заведомо несуществующем уже поселении.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Вып. XXXIII 1950 год

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЛЕТОПИСНЫХ ЯТВЯГОВ

Судьба ятвяжских племен тесно связана с историей западных окраин древней Руси и Мазовецкого княжества Польши с X по конец XIII в.

В русских источниках с именем ятвягов мы встречаемся впервые в 945 г., когда в числе лиц, заключавших договор с греками, упоминается некий «явтяг» (вар. «ять-вяг»).[1] Под 983 г. находим известие о первом крупном военном столкновении Руси с ятвягами: «Иде Володимер на ятвягов и победи ятвяги и взя землю их».[2] В XI—XII вв. сведения о походах русских князей против ятвягов носят эпизодический характер, но и по ним можно судить, что борьба, начатая в X в., не прекращалась. «Ярослав иде на ятвяги», сообщается под 1038 г.,— это показывает, что победа Владимира в 983 г. была непрочной. В 1112 г. князь Ярослав Святополчич снова вынужден итти походом на ятвягов, а в 1196 г. князь Роман Мстиславич «ходи на ятвяги отомьщеваться, бяхуть бо воевали волость его, и тако Роман вниде в землю их...»[3]

Особого напряжения достигает борьба с ятвягами в половине XIII в., когда организатором противоятвяжских походов становится князь Даниил Романович галицкий, водивший в эти походы не только русскую рать, но и польских князей. В результате этой борьбы была окончательно уничтожена ятвяжская независимость и самое имя ятвягов вскоре затем исчезает со страниц летописи.

В русском летописании сведения о ятвягах обрываются в середине XIII в.,[4] у польских хронистов же они известны вплоть до позднего средневековья: в XIII в. о них пишет Богуфал, в XV — Длугош, в XVI — хронисты Меховский и Стрыйковский и др. Древнейшее же упоминание о ятвягах встречается у магистра Викентия Кадлубека (1192). Немецкие хронисты говорят о ятвягах в связи с завоеванием крестоносцами земель древних пруссов и характеризуют их как племена, наиболее яростно сопротивлявшиеся захвату их земель. Первым из немецких писателей описывает ятвягов Петр Дусбургский в «Хронике Пруссии». Неоднократно имя «ятвяги» встречается в официальных документах и в грамотах.

Таким образом, племена, известные русской летописи под названием ятвягов, оказываются почти одновременно в сфере внимания и западных

---

[1] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846. стр. 20.

[2] Там же, стр. 35.

[3] ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 3, 150.

[4] «В сие лето Болеслав Встыдливый король Полский до основания искорени с Подляша ятвягов». Прибавление к Ипатьевской летописи. ПСРЛ, т. II, стр. 343.

источников, но называются они в разных источниках по-разному. Если летописец называет их «ятвяги, ятвези, ятвезе и ятвягови», а польские памятники — «Jacwez, Jacwing, Jacwingovi», то те же польские памятники называют их нередко «судавами» или «судинами»; это же наименование встречается и в немецких хрониках. Кадлубек называет их «поллексианами». «Sudovita, Sudus, Sudini» — называют ятвягов немецкие источники, употребляя наряду с этим и обычное наименование их «Jetwesen» и называя их землю «Terra Jatwezenorum». Тождество ятвягов и судин выясняется и из указа императора Сигизмунда, где говорится «Terram vocatam Suderlant alias Jetven». [5]

Ятвяги и судавы не встречаются одновременно в письменных источниках; возможно, что, поскольку наименование судавов известно только в западных источниках, под ним и подразумевалась какая-то одна западная ветвь ятвягов. В папских буллах они упоминаются под именем «Gotveziai» (видоизмененное слово «ятвяг»). Кадлубек пишет, что эти племена принадлежали к народу пруссов. [6] В прибавлении к хронографу Иоанна Малалы 1261 г. ятвяги упоминаются среди следующих племен: «литовский род ятвязе, прусы, либь, емь и иные племена, иже Совицей зовутся». [7] Позднейшие авторы XV—XVI вв. отмечают сходство ятвягов с литовцами и пруссами в языке, религии и обрядах. [8]

Анализ судаво-ятвяжского языка, сохранившегося по большей части в личных именах и названиях населенных пунктов, приводит к выводу, что он принадлежит к числу балтийских. [9]

Непосредственно истории ятвягов посвящена упомянутая выше работа Шёгрена, вышедшая в Петербурге в 1858 г. В ряде работ, посвященных Волынской земле, о ятвягах говорится в связи с завоевательными походами галицких князей. [10] В этих, как и других сочинениях о ятвягах, часто говорится: «этот загадочный народ». В самом деле, способность в течение веков противостоять завоевателям внушала современникам уважение к этому народу, тем более что противники превосходили ятвягов и вооружением, и численностью. «Можете ли древо поддержати сулицами и на сию рать дерзьнути?» — спрашивали союзные Даниилу прусы у ятвягов, указывая им на рать Даниила, щиты которой «яко зоря бе», шеломы же «яко солнцю восходящу», а копья «яко трьсти мнози». [11] Однако ятвяги не только сопротивлялись яростно и долго, но и сами переходили в наступление: мы видим их сражающимися у ворот Дрогичина и Берестья, у Цехановца и Люблина. С конца XIII в. они более не беспокоят Галицко-Волынское княжество своими набегами, но по хроникам крестоносцев и обращениям папской курии к духовным и светским правителям можно видеть, какого труда стоило их покорение и христинизация.

Известный исследователь древностей Побужья Н. Авенариус скептически относится к возможности найти следы ятвяжских племен в археологических памятниках. «Где же искать следы ятвягов? — спрашивает автор.— Конечно, не их временные наскоро сколоченные жилища, которых уже давно нет, а более прочные следы — их кладбища? Полагаю, что искать их нечего. Проводя бо́льшую часть жизни на войне или на охоте,

---

[5] G. Gerullis. Zur Sprache der Sudawer-Jatwinger. Festschrift Adalbert Bezzenberger. Геттинген, 1921, стр. 44.

[6] A. Sjögren. Über die Wohnsitze und Verhältnisse der Jatwägen. СПб., 1858, стр. 5.

[7] Временник истории общества и древностей Российских, т. IX, 1851, стр. 29—30.

[8] М. Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.— Л., 1936, стр. 108.

[9] Gerullis. Указ. соч., стр. 47.

[10] А. М. Андрияшев. История Волынской земли до конца XIV в. Киев, 1887; В. Б. Антонович. Монография по Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885.

[11] ПСРЛ, т. II, стр. 186.

ятвяг, этот вечный бродяга, умирал далеко от своего дома, в дремучем лесу или в открытом бою. Кости его не покоятся на родовом кладбище или в тщательно сложенной каменной могиле. Они легли там, где застала его смерть, и исчезли бесследно». [12] Столь категорическое заявление Авенариуса лишено оснований, и не представляет большого труда показать, что жизнь ятвяга не была столь примитивной, как это казалось автору.

Взаимоотношения их с русскими князьями были не всегда враждебными; можно отметить и случаи торговых связей. Когда в 1279 г. ятвягов постиг голод, они обратились к князю Владимиру Васильковичу: «...перекорми ны собе, пошли, господине, к нам жито свое продаят, а мы ради купим чего восхочешь, воску ли, бели ль, бобров ли, черных ли кун, серебра ль, мы ради дамы». [13] Воск, меха и даже серебро, предметы ятвяжского обмена, повидимому, входили и в состав дани с ятвягов, которую часто упоминает летопись. В 1242 г., когда семь ятвяжских предводителей попали в плен к одному из крестоносцев, каждый из них должен был откупиться серебром. [14] В 1257 г. даньщик Даниила галицкого, Коснятин, наложил на них дань «черные куны и бель сребро». [15]

Письменные памятники, особенно русская летопись, позволяют говорить, что у ятвягов существовали родовые союзы, известные под названием «злиньци, крисменце и покенце». В случае военной опасности вся земля ятвяжская собиралась под главенством своих военных вождей: «Наутрие же собрашася вси ятвязе пешци и снузници». Число военных вождей довольно значительно. В 1227—1229 гг. военные предводители Мондунич, Шутр, Стегут и Зеброви воюют у Берестья. В 1248 г. после битвы у Дрогичинских ворот у преследуемых ятвягов «убито было князей сорок». В 1256 г. упоминается «князь Ятьвяжьский». Особо отмечены летописью, как «злые воинники», Скомонд и Борут: «Скомонд бо бе волъхв и кобник нарочит, борз же бе яко зверь, пешь бо ходя, повоева землю Пиньскую, иныи страны». В лице Скомонда, таким образом, сочетается военный вождь, известный своими набегами на соседние территории как «злой воинник» и жрец («волъхв и кобник нарочит»). [16] Эта черта, возможно, может служить лишним доводом в пользу причисления ятвягов к балтийским племенам: у последних еще в XIII—XIV вв. было характерно соединение в руках вождя жреческих, политических и военных функций. [17]

Среди ятвяжских князей существовала, повидимому, некая иерархия, так как наряду с обычными князьями, военными вождями, упоминается главный вождь «комат». Таким образом, ятвяги предстают перед нами как охотники и бортники; продукты охоты и бортничества идут на уплату дани и обмен. Они, видимо, занимались и земледелием; очевидно, недород жита (правда, о нем летопись не говорит) заставляет их покупать его у русского князя. Поэтому едва ли правильно представлять ятвягов «вечными бродягами», которые жили и умирали где придется, какими их изображал Авенариус.

Ятвяги, по меньшей мере, с X в. жили на своих землях, а затем в течение многих столетий мы видим их на одной и той же, сравнительно ограниченной территории: на северо-западных окраинах Червонной Руси, северо-восточных землях Мазовецкого княжества и в юго-восточной части

---

[12] Н. П. Авенариус. Дрогичин Надбужский и его древности. МАР, вып. 4, стр. 34.
[13] ПСРЛ, т. II, стр. 207—208.
[14] M. Töppen. Geschichte Masurens. Данциг, 1870, стр. 13.
[15] ПСРЛ, т. II, стр. 194.
[16] Там же, стр. 167, 182, 186, 193.
[17] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1930, стр. 226.

земли древних пруссов. Считая ятвягов аборигенами этой территории, следует остановиться на одном древнейшем известии, которое может быть связано с ятвяжскими племенами. Имеем в виду известное место из Птолемея, который еще около 150 г. н. э. указывал, что за венедами живут галинды, судины и ставаны. Сходство первых двух имен давало возможность перекинуть мост от судинов II в. к позднейшим ятвяго-судавам; это положение нередко можно встретить как в исторических сочинениях, так и в некоторых археологических трудах (например, W. Gaerte, «Urgeschichte Preussens» и др.), тем более что птолемеевы галинды упоминаются рядом с судинами и созвучны средневековым галиндам, западным соседям судаво-ятвягов, также принадлежавшим к балтийским племенам. В нашей летописи они известны под названием «голяди».

Но где же все-таки искать археологические следы пребывания ятвягов? Чтобы найти коренную ятвяжскую землю, нужно проследить пути походов русских князей и районы военных действий против ятвягов. Направляясь в поход против ятвягов, князья выходят из Берестья; в 1250 г. войска Даниила галицкого и князя Самовита мазовецкого «сняшася во Дорогычине и поидоша; и преидоша болота и наидоша на страну их» (т. е. ятвягов).[18] Ладьи с житом, отправленные в 1279 г. к ятвягам, шли по Бугу, затем по Нареву и далее на город Полтовеск (где были захвачены ятвягами). Таким образом, ятвяги, с которыми имели дело русские князья, находились севернее р. Нарев.

У слияния Нарева с Бобром находился город Визна, который уже с 1145 г. известен как славянский форпост на крайнем северо-западе Волынской земли. Еще Флери в 70-х годах XIX в. пытался дать реконструкцию замка Визны; им же на городище была найдена славянская керамика. При обследовании Визны в 1922 г. на городище было найдено большое количество камня, служившего, повидимому, фундаментом деревянного замка. В южном валу на глубине 1.20 м обнаружен обгорелый слой, угли, пепел и обожженная красная глина с оттисками стебельков трав; местами в валу встречались большие куски обугленного и уложенного горизонтально дерева (диаметром 15—30 см). Там же найдено много раздробленных костей зверей. Все эти данные относятся уже к тому времени, когда Визна стала русским укреплением. Но поселение существовало здесь раньше, о чем свидетельствует монета времени Антонина Пия, обнаруженная, как будто, в валу.[19]

Ятвяги обитали недалеко за Визной; перейдя реки Бобр и Лык, князья оказывались в стране ятвягов, занимавших юго-восточную часть земель древних пруссов.

Поиски ятвяжских древностей до сих пор были безуспешными, потому что исследователи пытались найти памятники, которые выделялись бы своей спецификой, в то время как задача состоит в том, чтобы суметь расчленить древности пруссов и в них выделить памятники, относящиеся к интересующим нас племенам.

Памятники за реками Бобром и Лыком изучены еще очень мало, и мы пока вынуждены пользоваться чрезвычайно отрывочными, порой случайными, к тому же довольно устарелыми сведениями.

Район, где войска Даниила встретили ятвягов, изобиловал древними укрепленными поселениями; болота и озера служили для них естественной защитой. Форма городищ этого района большей частью овальная или круглая, в то время как позднейшие орденские укрепления были квадрат-

---

[18] ПСРЛ, т. II, стр. 185.

[19] R. Jakimowicz. Sprawozdanie z dzialnosci Panstw. Konserwatora zabytok przedhistoricznych na okreg warszawski, za rok 1922. Wiadomosci Archeologiczne, т. VIII, вып. 1, 1923, стр. 204—206.

ными. Одно из таких городищ находится недалеко от Нейюха (бывш. округа Лык). Оно расположено на плато и имеет площадь 28 × 18 м. Ровные и пологие края городища говорят об их искусственной обработке (рис. 50). На поверхности встречены фрагменты лепной керамики, сравнительно тонкостенной, из красноватой, хорошо обожженной глины с примесью кварца.[20]

Городище Горцицен в округе Лыка имеет круглый вал, шириной до 1 м, являвшийся дополнением к основному оборонительному сооружению — засеке.[21] На Скомонтовом городище (на озере с тем же названием;

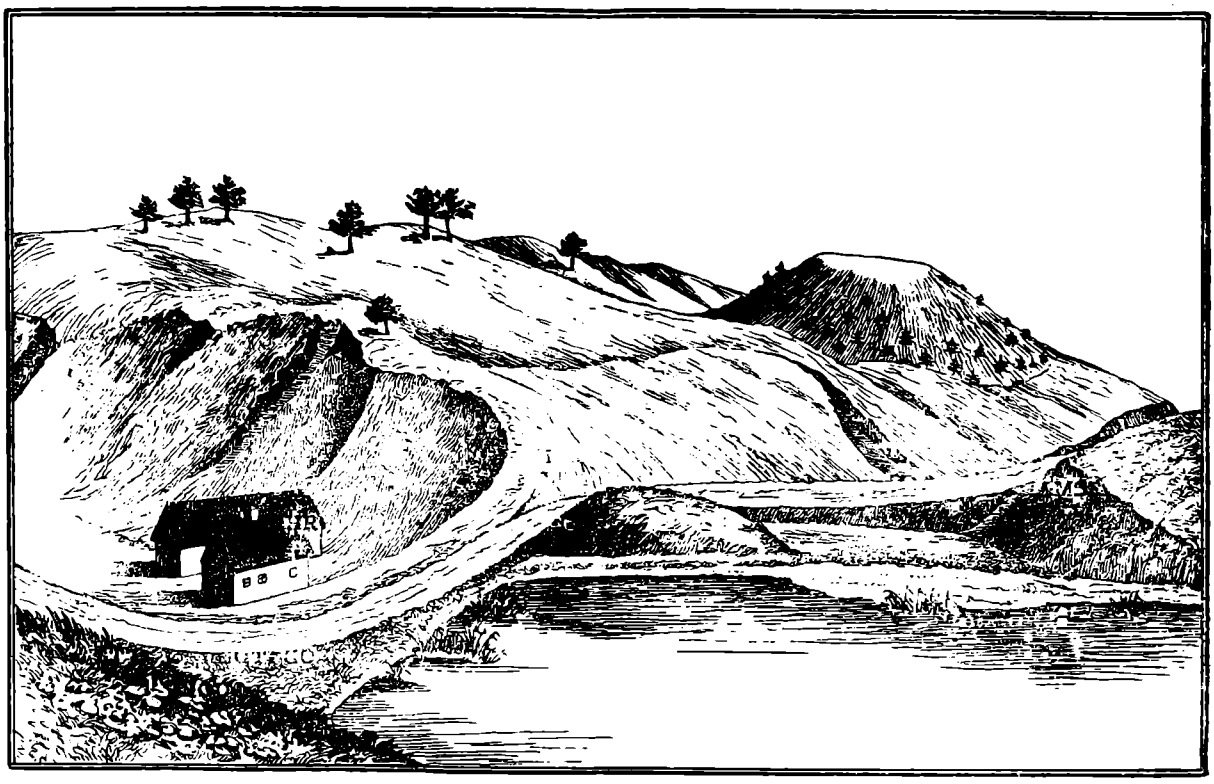


Рис. 50. Городище Нейюха, окр. Лык

возможно, что название связано с именем Скомонда русских летописей) тоже отмечен вал.[22] Известны и другие укрепления этого района.[23] Работами последних лет открыты два поселения в Рогаллен (округа Лык).[24]

В описании похода князя Даниила на ятвягов в 1255 г. летопись говорит: «идущу ему по езеру и виде при березе гору красну и град бывший на ней преже именем Рай; оттуда же прииде в дом свой».[25] Это русское поселение с русским названием. Ятвяжские поселения никогда не назывались городами, а селами, твердями и волостями. Видимо, в половине XIII в. этим краем владели ятвяги, которые и разрушили «град». Райгородское городище окружено с трех сторон водой и тянется к югу несколькими тер-

---

[20] Beckherrn. Der Schlossberg bei Neu Jucha. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, 1883—84, стр. 8.

[21] Bujack. Über die Preussische Burgwälle. Prussia, 1879—80, стр. 63.

[22] Prussia, 1878—79, стр. 33.

[23] E. Hollack. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussens. Глогау — Берлин, 1908, стр. 20, 43, 79, 159.

[24] Altpreussen, 1938, вып. 1, стр. 28.

[25] ПСРЛ, т. II, стр. 191.

расами. Здесь найдены фрагменты керамики светлокрасной глины, по орнаменту напоминающие керамику прусских поселений.[26]

Помимо Райгорода, единственного поселения, названного здесь городом, в летописи встречается указание на те или иные населенные пункты или территориальные объединения: весь («из весци Олдикищь», «вси рекомой Привища», «зажгоша их первую весь»); осека («и приде в осеку»); волость («Роман пожег волость их»); село («обеща ему Анкаду да село его не пожжено будет»; «Лев же тихо объехав село иссече все»; «и жьжаху дома их и пленяху села их»; «зажьгоша Таисевичи и Раймочи и Комата... и сташа на селе Кирковичи»).[27] В последней фразе просто перечисляются

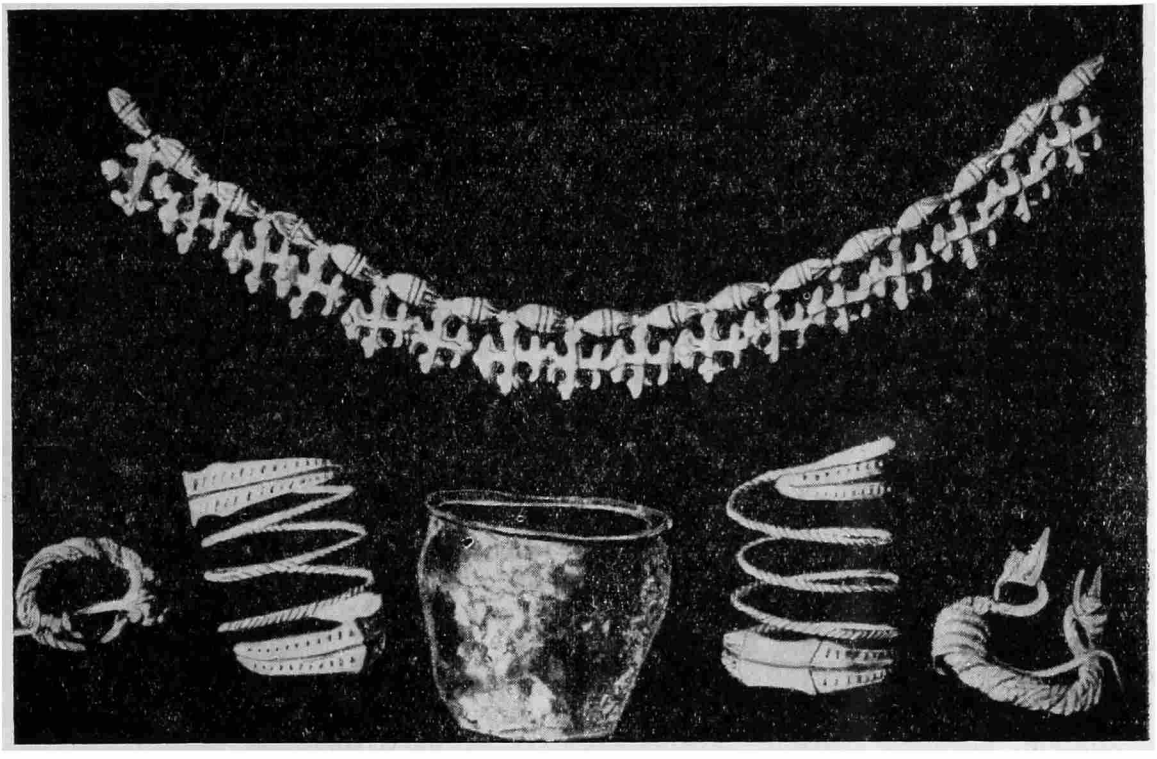


Рис. 51. Серебряный клад XII—XIII вв., принадлежавший ятвягам. Бывш. Скоментнен, окр. Лык

населенные пункты, которые русской рати пришлось встретить на своем пути; при этом следует учесть, что русские войска были на юго-западной окраине ятвяжских земель.

При исследованиях С. А. Дубинского в Бельском уезде Гродненской губ. ему встретились своеобразные городища — «пепелища». Они весьма плоски, не имеют валов, культурный слой их едва достигает 10 см; среди находок чаще всего встречаются простые неорнаментированные черепки. Подобные неукрепленные поселения, которых в Бельском уезде найдено до 30, могли служить ятвягам временным пристанищем для жилья во время их набегов на русскую территорию.

Недалеко от Скомонтова городища найден клад, который, возможно, в действительности был инвентарем погребения: в медном сосуде находились две подковообразные застежки, заканчивающиеся стилизованной головой дракона; два спиралевидных браслета, завершающихся стилизованной головой змеи; нагрудная серебряная цепь из ряда полых бус и

[26] B. Ehrlich. Der Schlossberg in Raigrod (Polen). Festschrift Adalbert Bezzenberger. Геттинген, 1921, стр. 37.
[27] ПСРЛ, т. II, стр. 150, 185, 191, 192.

фигурных крестиков (рис. 51).[28] Этот клад не единственная находка этого рода: на границе с землями галиндов, в бывш. Мариенгофе, были также найдены серебряные спиральные браслеты со стилизованной головой змеи.[29] Находки этих серебряных вещей подтверждают то, что ятвяги действительно могли получать хлеб в обмен на серебро, а также выкупаться серебром из плена.

Таким образом, хотя ятвяжские городища систематически еще не исследовались, самый факт их наличия может указывать, что при сплошном обследовании данной территории будет установлена ее довольно густая заселенность. Некоторые городища возникли довольно рано; на них находят римские монеты и раннюю керамику.

Еще меньше, чем городища, исследованы могильные памятники. Не имея никаких внешних опознавательных признаков, они не были даже зафиксированы.

При изучении ятвяжских древностей большой интерес вызывают памятники, известные под названием «каменных могил». На территории нашей страны они имеются по Неману, очень много их в Польше, на Мазовецкой земле. Общая характеристика их дана в труде Антоновича «Archeologia Polski». В 1910 г. каменные могилы у дер. Рогавка, близ гор. Дрогичина, были исследованы С. А. Дубинским. Могилы были чаще овальной и реже — четырехугольной формы: погребения были поверхностные и грунтовые (на глубине до 0.70 м) (рис. 52). По мнению автора раскопок, первый обряд погребения более ранний. Костяки лежали на спине, головой на запад. При мужских погребениях вещей не было; при женских захоронениях найдены височные кольца с напускными бусами, серьги S-образной формы, боченковидные и серебряные прорезные бусы, керамика славянского типа.[30] В свое время исследователь литовских древностей Э. Вольтер и некоторые другие авторы пытались приписать каменные могилы ятвягам,[31] но инвентарь этих могил свидетельствует об их славянской принадлежности.

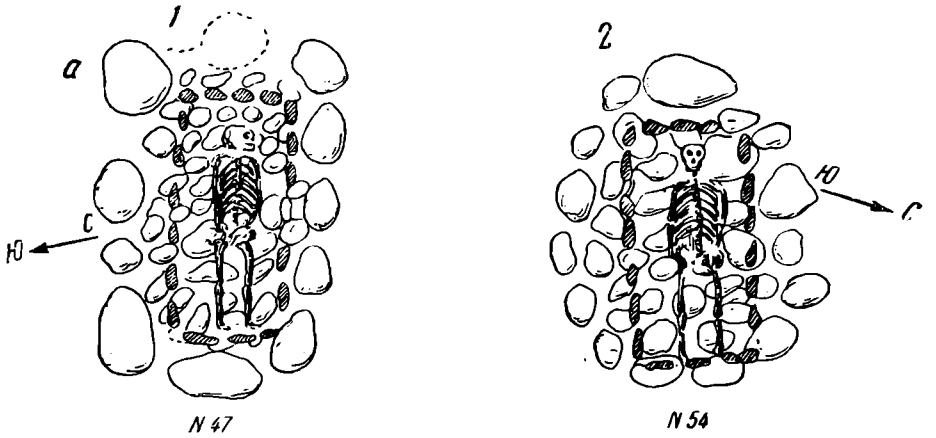
Каменные могилы начала II тысячелетия, очевидно, не могли принадлежать ятвягам. Эти же памятники более раннего времени требуют пристального внимания. Каменные могилы для земель, где соприкасались между собой памятники Руси, Польши и ятвяжских племен, являются исконной, древней формой захоронения. Поздние памятники этого вида со славянским инвентарем, известные на ограниченной территории, в более раннее время имели гораздо большее распространение.

Среди памятников Литвы выделяются погребения, где над пережженными останками умершего возводилась каменная могила. В окрестности с. Нача (Лидского р-на) Гродненской области найдено одно из самых древних погребений этого типа: в широкой с отлогими стенками яме был выложен круг из камней, который, в свою очередь, был покрыт большими гранитными камнями. Там было обнаружено несколько лепных сосудов с оттисками ручной плетенки на поверхности.[32]

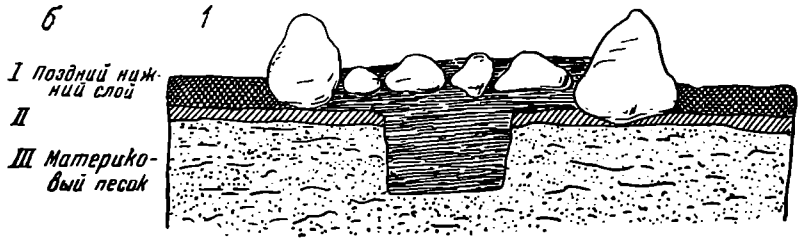
Несколько более поздние памятники этого рода открыты в Зубишках (бывш. Эйшишской волости). По внешнему виду они представляли собой кучу камней 0.5 м высоты. Под их верхним покровом — круг из камней, в его северной половине — пять ниш, в них мелкие черепки сосудов (в форме миски и горшка из хорошей черной глины) смешаны с пеплом

---

[28] C. Engel. Aus Ostpreussischer Vorzeit. Кенигсберг, 1935, стр. 123.
[29] W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Кенигсберг. 1929, стр. 355.
[30] Архив ИИМК, дело 79, 1910.
[31] Э. А. Вольтер. К вопросу о ятвягах. Ежегодник Русского антропологического общества при СПб. университете. СПб., 1908, стр. 5—8; Н. Янчук. Несколько слов по поводу археологическо-этнографической экскурсии в Седлецкую губ. в 1891 г. Памятная книга Седлецкой губ. на 1891 г.
[32] А. С. Раскопки В. А. Шукевича. ИАК, вып. 29, стр. 68—70.



Разрезы погребений впускных



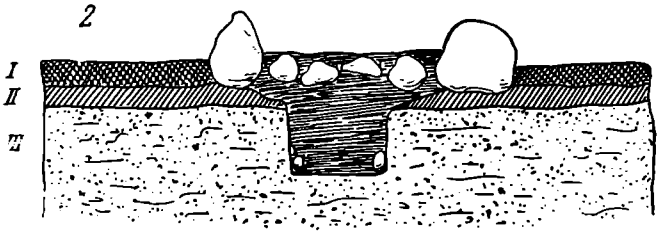


Рис. 52. Наружная обкладка и разрезы могил.

а — виды наружной обкладки могил № 47 и 54: *1* — четырехугольная; *2* — овальная (заштрихованы камни, послужившие обкладкой внутренних стенок по дну могилы); *б* — разрезы впускных погребений могил № 18, 24, 45, 46 и 54: *1* — могилы № 18 и 24 (ограда и каменный помост); *2* — могилы № 45, 46 и 54 (нижние края стенок обставлены мелкими, иногда плиткообразными булыжниками). Раскопки С. А. Дубинского в б. Бельскому. Гродненской губ.

Рис. 53. Каменная могила в Пиетрашен, окр. Лык

и углем. Подобные каменные могилы были открыты и в других местах той же Эйшишской волости. В 1907 г. в северо-западной части Лидского уезда В. Шукевичем были раскопаны целые поля низких каменных курганов с остатками трупосожжений.[33] Юго-западнее Литвы древние каменные могилы известны на территории б. Сувалкской губ.[34]

Подобные древние каменные могилы известны и на предполагаемой ятвяжской территории. Таковы каменные курганы бывш. Рейшендорф (округа Лык), относящиеся к первой половине I тысячелетия н. э. Насыпь, состоящая из 2—3 неравномерных каменных рядов, прикрывает подкурганную яму в виде каменного ящика — кисты. Каменная кладка уходит на глубину 20 см. В яме — следы угля и истлевших костяков. Встречены фрагменты плохо обожженных сосудов от красно-коричневого до серо-черного цвета, со следами ногтевого орнамента.[35] К этого же рода памятникам относится могильник Пиетрашен, где были открыты каменные курганы с трупосожжением (рис. 53). Кальцинированные кости хранились в лепных сосудах, украшенных горизонтальными линиями и точками. Инвентарь могильника состоял из бронзовых и железных изделий; встречено несколько бронзовых арбалетных фибул.[36] Работами последних лет в округе Лык открыто 15 каменных курганов, рядовой могильник VI—VIII вв. и поселение II—III вв.[37] Могилы более позднего могильника бывш. Дагучен на территории, где жили ятвяги, тоже представляли собой каменные сооружения в виде ящика, в котором находились пережженные кости и часть конского убора.[38] Каменные могилы этого рода были обычной формой захоронения у пруссов в I тысячелетии.[39]

Таким образом, определение этнической принадлежности каменных могил I тысячелетия н. э. на территории земель древних пруссов, Полесья и Мазовии поможет определить границы между ятвягами и славянскими племенами.

Приведем в заключение несколько предварительных соображений о характере предполагаемой ятвяжской керамики. Один из фрагментов, найденных на городище близ бывш. с. Пасенгейм, был гончарной выделки, со штампованным орнаментом. Известно, что керамика пруссов в начале II тысячелетия н. э. полностью воспроизводит славянскую как по форме, так и по линейно-волнистому, часто штампованному орнаменту (рис. 54, 55, 56).

На землях западных славян штампованная гончарная керамика является дальнейшим развитием лепной керамики. Мастера продолжают применять и ее штампы в виде гребешка, круга, розетки и т. д., которыми характеризуется и позднейшая керамика. Таким образом, пруссы должны были воспринять эти приемы от западных славян, так как для восточных славян начала II тысячелетия штампованная керамика не характерна. Правда, в русских землях, пограничных с землями западных славян (например, в Дрогичине и Гродно), изредка встречается штампованная керамика. Так как керамика пруссов была близка к славянской, а также и то, что ятвяги

---

[33] А. С. Могильники с каменными кистами в Виленской губ. ИАК, вып. 12, стр. 26—29.

[34] Будзинский. Археологические памятники в Гродненской (б. Августовской) губ. в период времени от 1857 до 1869 г. Памятная книжка Сувалкской губ. на 1875 г. Сувалки, стр. 83—95.

[35] C. Engel. Die Ostmasurische Hügelgräber bei Reuschendorf. Kr. Lyck. Mannus, 24, H. 4, 1932, стр. 478—490.

[36] J. Heydeck. Das Gräberfeld von Pietraschen. Prussia, 1878—1879, стр. 21.

[37] Altpreussen, 1938, вып. 1, стр. 27, 28; вып. 2, стр. 59.

[38] Prussia, 1876—77, стр. 50.

[39] E. Hollack. Die Grabformen ostpreussischen Gräberfelder. Zeitschrift für Ethnologie, 40, 1908.

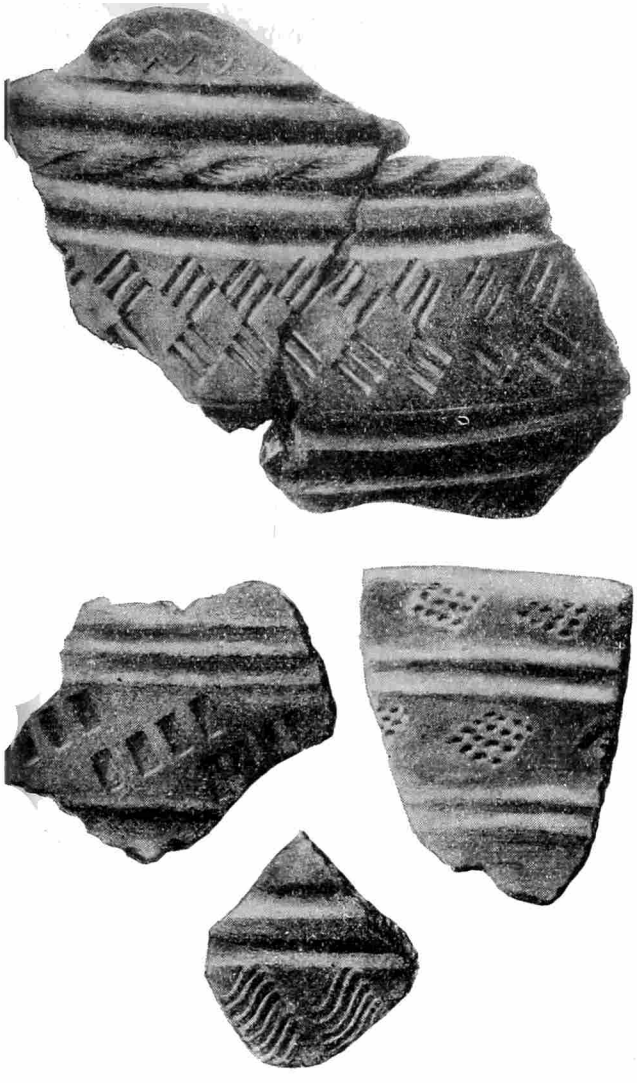


Рис. 54. Керамика прусских городищ

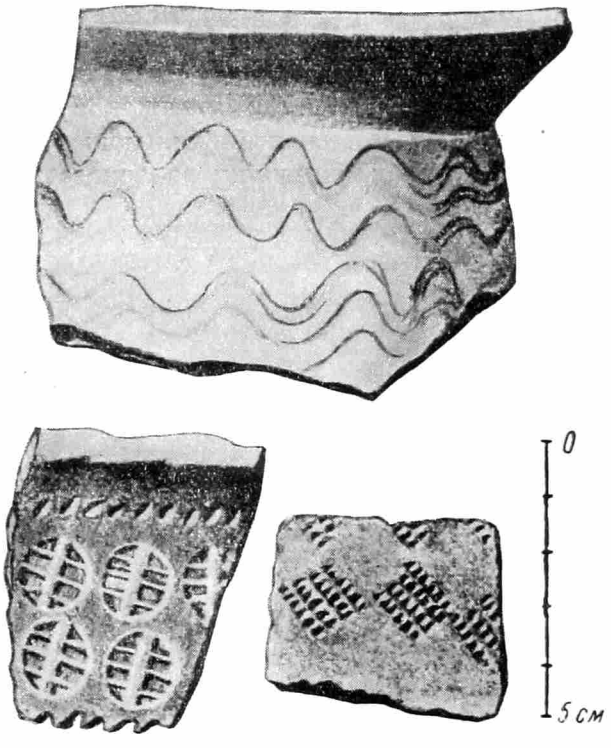


Рис. 55. Керамика из прусских погребений

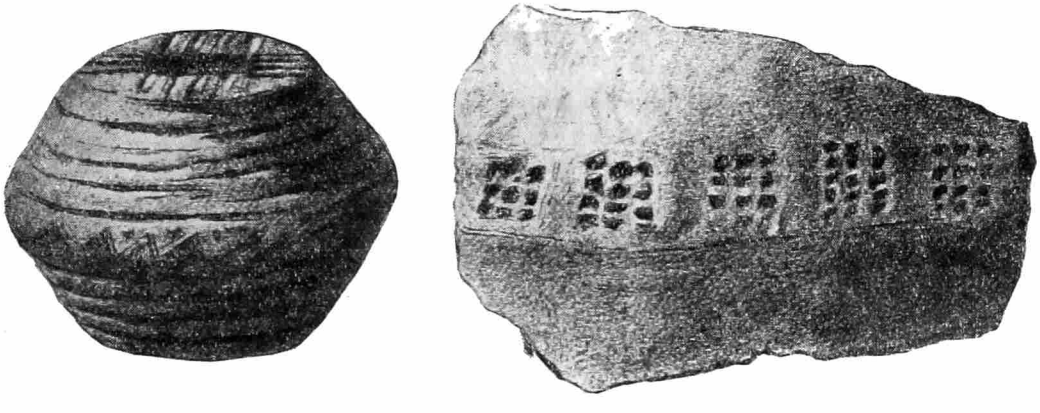


Рис. 56. Пряслице из глины и черепок со штампованным орнаментом

жили в славянском окружении, заставляет предполагать, что ятвяжская керамика едва ли сильно отличалась от славянской.

Подытожим сделанные наблюдения. Ятвяги русской летописи, известные также под названием «судавов» и «поллексиан», были, повидимому, родственными пруссам племенами балтийского происхождения. Будучи, очевидно, старыми насельниками юго-восточной части прусских земель, они должны были оставить археологические следы на данной территории. Только ее недостаточная изученность позволяла говорить о невозможности нахождения ятвяжских памятников. Те немногие памятники, которые мы предположительно связывали с ятвягами, позволяют отметить в них черты сходства с древностями пруссов начала II тысячелетия н. э. Каменные могилы Полесья того времени, вопреки попыткам присвоить их ятвягам, принадлежат славянам. Могильные памятники этого типа второй половины I тысячелетия н. э. могут оказаться ятвяжскими и помочь определению коренной ятвяжской территории. На принадлежность ранних каменных могил ятвягам, может быть, указывает и свидетельство Птолемея о судинах, живущих за венедами еще во II в. н. э.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

Н. М. БАЧИНСКИЙ

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТУРКМЕНИИ *

Архитектурные памятники Туркмении, возведенные в IX—XII вв., представляют особую группу сооружений в зодчестве Средней Азии и соседних стран. Эти сооружения безвестных мастеров так оригинальны и своеобразны, что можно говорить о собственном архитектурном направлении, основанном на местных традициях и локальных вкусах. Высокохудожественная сдержанность архитектурных форм, лаконичность которых может считаться классической в зодчестве домонгольского периода, строгий, но нарядный декор прекрасного рисунка, без арабесковой запутанности, и великолепной расцветки, без чрезмерно ярких контрастирующих красок,— хорошо прослеживается на этих архитектурных памятниках.

Выросшая полностью на местной строительной традиции, архитектура Туркмении развивалась своеобразно, хотя говорить о полном отрыве ее от общеархитектурных течений соседних стран Средней Азии, конечно, нельзя.

Наиболее ранние памятники из обожженного кирпича в архитектуре Туркмении до сих пор датировались XI в. н. э.; они демонстрируют признаки того направления в зодчестве Средней Азии, которое в X — XII вв. дало, пожалуй, лучшие образцы местного мастерства. От Мервского оазиса на западе до Ферганского края на востоке, у разных народов по-разному можно проследить некоторую общую направленность стремлений зодчих к органической связи конструкции с убранством и к выполнению его самыми скупыми средствами, по преимуществу из того материала, из которого выполнены и конструкции (т. е. из кирпича и ганча). Этот своеобразный стиль слабо отражен в сооружениях зарубежного Востока; в нашей же Средней Азии он представлен прекрасными памятниками.

На территории Туркмении имеются мало известные, но весьма ценные примеры архитектурных формообразований, которые, вне всякого сомнения, предшествовали памятникам XI—XII вв. Мы имеем здесь в виду те круглые в плане мавзолеи, в облике которых можно видеть попытку перенести в монументальные формы привычные очертания кочевой юрты. Два мавзолея в районе Парау и два в районе Мешед-и-Мисариана характеризуют этапы более или менее последовательного развития этой интерпретации зодческого замысла.

В стране высокой строительной культуры с определенными традициями такое явление в архитектуре, как упомянутые круглые мавзолеи, представ-

* Сокращенный текст доклада, прочитанного на Среднеазиатской Сессии ИИМК в Ленинграде в 1948 г.

ляло, конечно, только некоторое ответвление от общего русла архитектурного развития и не оказало сколько-нибудь серьезного влияния на общую последовательность возникновения и развития архитектурных форм и убранства. Тем не менее явление это представляет значительный интерес именно в Туркмении, где бо́льшая часть населения в X — XII вв. занималась перегонным скотоводством, следовательно, вела кочевой образ жизни, а меньшая часть оседала постепенно в земледельческих районах, переходя к новым формам хозяйства и к новым формам строительства. Эти туркмены не только восприняли и развили далее местные архитектурно-строительные традиции, но и внесли в них много собственного, оригинального. Как один из этапов развития (во всяком случае, попытки развития) архитектурных форм в духе еще чисто кочевнических вкусов и может рассматриваться группа круглых мавзолеев.

Эти четыре мавзолея относятся, безусловно, к домонгольскому периоду. Построенные в разное время, они представляют собой примеры одного и того же архитектурного направления, вновь и вновь возникавшего среди туркменских зодчих. Направление это может быть охарактеризовано как стремление найти в монументальной форме привычный взору кочевника образ юрты. Памятники эти до сих пор не были опубликованы и почти неизвестны не только относительно широкому кругу архитекторов и строителей, но даже узкому кругу исследователей-специалистов. [1]

Нам не удалось обнаружить никаких сведений об этих мавзолеях ни в этнографической, ни в исторической литературе, хотя оба пункта (Мешед-и-Мисариан и Парау) достаточно рано упоминаются в источниках.

Так, например, Белазури, писавший в IX в. н. э., в своем сочинении «Книга завоеваний стран» упоминает о Мешед-и-Мисариане, носившем тогда наименование Дихистан, и повествует об осаде этого города в 717 г. н. э. [2]

Парау упоминается под именем Ферава, Фурава и Афрава как некий укрепленный пограничный пункт, воздвигнутый в VII в. н. э. на юго-западной окраине пустыни Кара-Кум в защиту от набегов кочевников-гузов. [3]

Первый [4] памятник дошел до нашего времени несколько искаженным, что не исключает, однако, возможности расшифровки его былого облика (рис. 57). Некогда это было круглое в плане сооружение, перекрытое высоким куполом, эллиптическая форма которого очень близка к ранним сырцовым образцам. Позднее стены памятника были с внешней стороны (примерно, на половину общей высоты сооружения) взяты в своеобразный «футляр», изменивший внешний круглый абрис плана на квадрат; кроме того, со стороны входа был пристроен портал, перекрытый сводом. Свод этот впоследствии рухнул, и судить о нем можно только по остаткам кладки в пятах этой конструкции; на самом портале видны следы многочисленных ремонтов.

Первоначально мавзолей был выстроен только из обожженного кирпича, тогда как пристроенные позже части стен и портал покоятся на цоколе из камня неправильной формы.

---

[1] Впервые на эти памятники обратил наше внимание Г. И. Карпов в 1936 г.

[2] Ср. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 64. М.—Л., 1939. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа — Туркмения, т. I, стр. 12. Л., 1929.

[3] Ал-Истахри, автор X в. н. э., в сочинении «Книга путей стран». Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 176. Л., 1939.

[4] Так как ни один из четырех описываемых мавзолеев не сохранил имен погребенных в них лиц и все мавзолеи окрестным населением называются «авлия», «гумбез» или «мазар», то в дальнейшем мы будем называть их условно: «первый», «второй», «третий» и «четвертый» в том порядке, как они приводятся нами в иллюстрациях и в тексте.

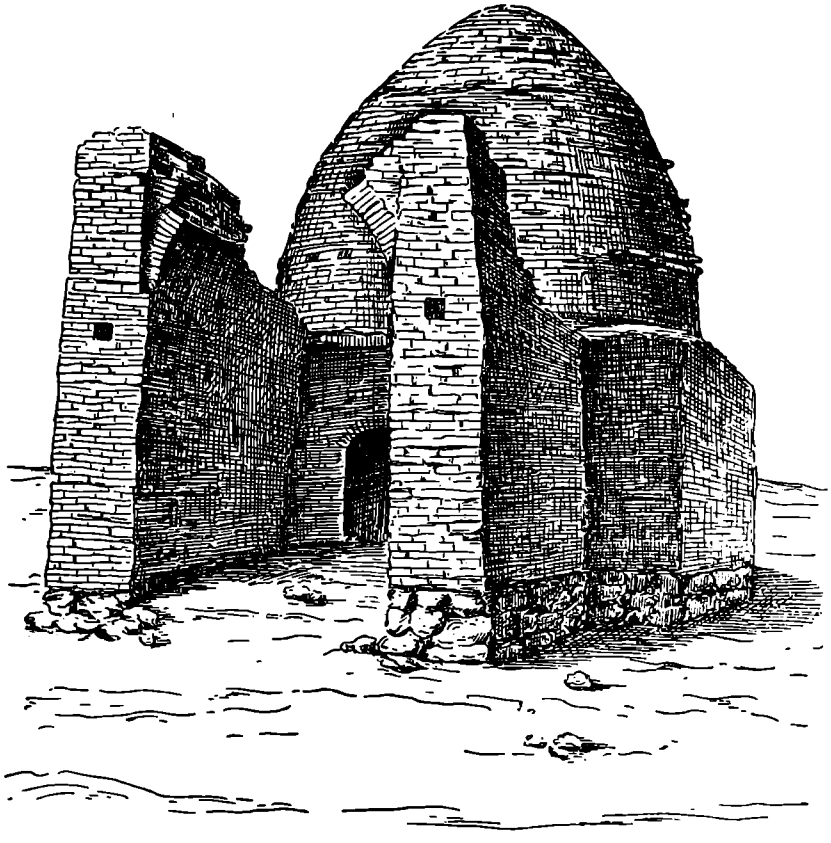


Рис. 57. Первый мавзолей

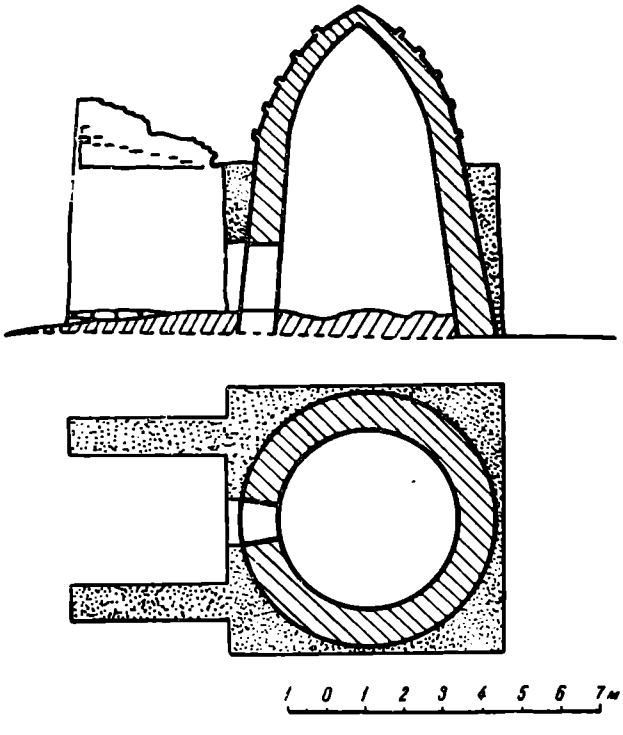


Рис. 58. Вертикальный разрез и план первого мавзолея

Входной проем в мавзолей перекрыт аркой плоского очертания; этот же проем является и единственным световым отверстием. Совершенно гладкая кладка внешних и внутренних стен, без каких бы то ни было членений по вертикали, равно как единственный проем во всем сооружении, делают этот памятник по облику очень близким к юрте, хотя эллиптические очертания купола мавзолея находятся в некотором противоречии с обычной стрельчатой формой верха туркменской юрты. Возможно, что здесь перед нами пример недостаточного технического умения строителя при стремлении к определенному образу (рис. 58).

Очертания купола и позволяют отнести этот мавзолей к наиболее ранним памятникам кирпичной архитектуры не только в Туркмении, но и в Средней Азии. Если мавзолей саманидов в Бухаре датируется началом X в., а так называемый мавзолей Фахр-ад-Дина Рази в Куня-Ургенче, вероятнее всего, XI в.,[5] то первый из круглых мавзолеев можно отнести к IX—X вв. н. э. Материал сооружения — обожженный кирпич — нисколько не противоречит этому, так как в Туркмении обожженный кирпич применялся в большом количестве еще до VII в. н. э., а строительный раствор — глина — только подтверждает это. В ранних кирпичных сооружениях именно глина служила строительным раствором, а ганчем широко пользовались как отделочным материалом для гладких и резных штукатурок. Не менее убедительна и форма кривых образующих на куполе, где еще отчетливо видны традиции сырцовых кладок, когда мастер очень осторожно изгибал кривую, опасаясь крутого наклона кирпича в отдельных кольцах кладки, так как это вело к сползанию кирпича с медленно схватывавшегося раствора — глины.

Второй из этих мавзолеев (рис. 59) представляет круглое в плане сооружение, сложенное из обожженного кирпича на глиняном растворе. По вертикали мавзолей членится на три части — собственно стену, пояс перехода к куполу и купол; эти членения, ясно видимые с внешней стороны, внутри сооружения отсутствуют. Вход перекрыт аркой очень плоского очертания. Позже, вероятно в порядке «благочестивого ремонта»,[6] была сделана попытка пристроить портал, который впоследствии обвалился. Разновременность постройки самого мавзолея и попытки украсить его порталом легко определяются по различным растворам в кладке. Из сохранившихся памятников этот мавзолей по своим формам, пожалуй, ближе всего к юрте, хотя здесь привычная спокойная кривая абриса юрты нарушена с внешней стороны упомянутым членением по вертикали, вызванным конструктивными соображениями (рис. 60).

Свет в мавзолей проникает через входной проем и небольшое окно, расположенное в подкупольном кольце кладки. Впечатление интерьера мав-

---

[5] Н. М. Бачинский. Мавзолеи Куня-Ургенча. РФТФАН, Ашхабад, 1940; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940; Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. М., 1927; его же. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.— Л., 1939; Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии, их реставрация. Сб. «Вопросы реставрации». М., 1926.

[6] Большинство архитектурных памятников культового назначения как в Туркмении, так и вообще по всей Средней Азии носило или носит до сих пор следы ремонтов, выполненных не специалистами-строителями, а разными лицами «по обету». Обеты эти давались по разным поводам и выполнялись обычно весьма простыми средствами: трещины замазывались глиной или штукатурились, под штукатуркой же скрывались и более серьезные дефекты куполов и стен; иногда, впрочем, можно наблюдать и дополнительную облицовку кирпичом, как, например, в первом мавзолее.

На михрабной стене мавзолея Мухаммад-Ханапья нами было снято 13 слоев штукатурки, лежавшей на первом слое, покрытом древней росписью XII в. Подобного же характера «ремонты» обнаружены и на многих других архитектурных памятниках Туркмении — на мавзолее султана Текеша, на мавзолее Наджм-ад-Дин Кубра в Куня-Ургенче, на мечети в Анау и др.

Рис. 59. Второй мавзолей

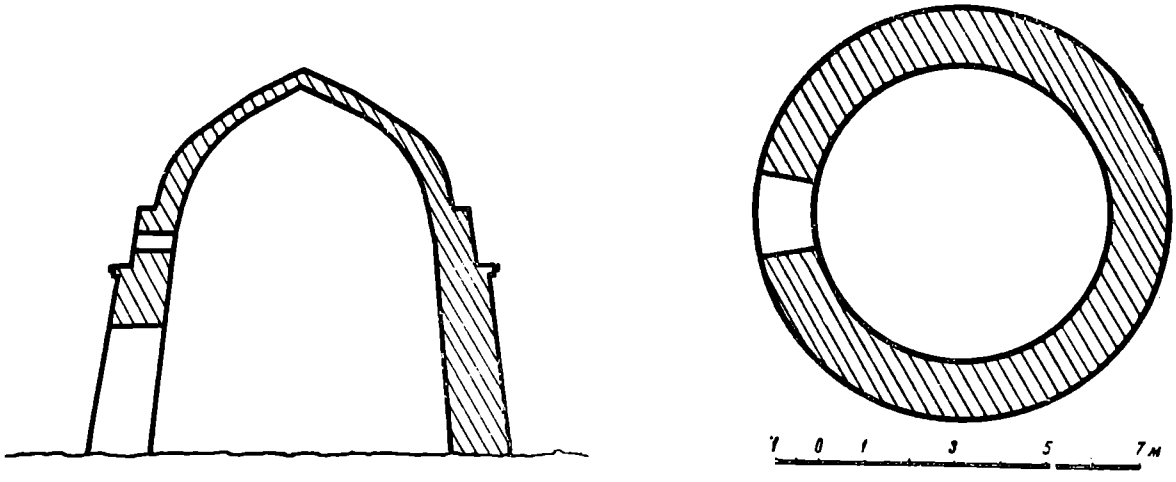


Рис. 60. План и разрез второго мавзолея

золея исключительно близко к интерьеру юрты, что, вероятно, и являлось основной задачей строителей.

Третий круглый мавзолей (рис. 61) представляет собой уже более развитой архитектурный образ. Сооружение остается еще очень простым и скромным внутри, но его внешность демонстрирует уже отход от простого подражания облику юрты применением чисто архитектурного декоративного приема — оформлением внешней поверхности стены ложной аркадой по всему периметру.

Стена этого мавзолея, как и у первого и второго, круглая в плане, но покоится уже на небольшом цоколе (0.6 м), выше которого с внешней стороны гладкая кладка переходит в глухую аркаду из 14 неглубоких ложных ниш, увенчанных арками. Этот аркатурный пояс, общей высотой 1.5 м, охватывает всю внешнюю стену, за исключением той ее части, где расположен вход и где могли быть размещены еще две такие арочки. Таким образом, стена была расчленена зодчим на 16 арок, но выложено их было только 14, а на месте двух из них прорезан входной проем, очертания и размеры которого совпадают с очертаниями внешнего обвода такой арки.

Выше пояса декоративных арок поднимается гладкая кладка, обрывающаяся выступающим декоративным пояском-карнизом из одного ряда кирпича «углом» и двух рядов гладкой кладки на нем. Этот карниз образует верхний обрез стены мавзолея, а выше идет кольцо барабана купола, прорезанное на западной стороне двумя небольшими окнами. Кладка барабана сдвинута на один кирпич внутрь (по сравнению с внешним полем стены) и, поднимаясь на 1.1 м, постепенно уменьшается в диаметре, являясь, таким образом, не барабаном, а нижней частью самого купола. Для лучшего стока атмосферной влаги верхний ряд кладки барабана выложен с большим наклоном к внешней стороне (рис. 62).

Выше барабана (уступом на один кирпич вглубь) начинается кладка купола, с внешней стороны почти правильного полуциркульного очертания. Однако при рассмотрении интерьера памятника мы видим, что кольцевая кладка купола начинается на уровне внешнего карниза стены и что, таким образом, здесь снова пример эллипсовидного очертания кривых образующих, характерных, как сказано, еще для сырцовых кладок. В связи с этим нельзя не отметить высокого мастерства зодчего, нашедшего простое и разумное решение, позволившее скрыть ложным барабаном непривлекательные по существу очертания эллипсовидного купола, который, надо полагать, удовлетворял мастера больше других форм только с технической стороны. Что строителю третьего мавзолея эти другие формы были знакомы, можно установить хотя бы по очертаниям стрельчатых ложных арок на внешней стене.

Своими простыми формами и пропорциональностью членений все сооружение производит впечатление большой законченности. Нет сомнения, что мавзолей этот дело рук талантливого мастера, сумевшего придать небольшому сооружению черты монументальности, изысканной нарядности и большой выразительности.

Несмотря на некоторые разрушения, третий мавзолей хорошо сохранился, особенно если учесть, что кладка всех частей сооружения выполнена на глиняном растворе. Исключением является только какая-то пристройка у входа в мавзолей, дошедшая до нас сильно разрушенной. Датировать третий мавзолей можно, скорее всего, IX в. н. э. Как сказано, сооружение демонстрирует все черты большого умения строившего его мастера, но в памятнике нет ничего характерного для убранства аналогичных по назначению памятников X в. (мавзолей Мир-Саид-Бахром в Кермине, мавзолей Шейх-Кевир в Мешед-и-Мисариане или мавзолей саманидов в Бухаре, не говоря уже о чертах более поздних сооружений XI—XII вв.).

Рис. 61. Третий мавзолей

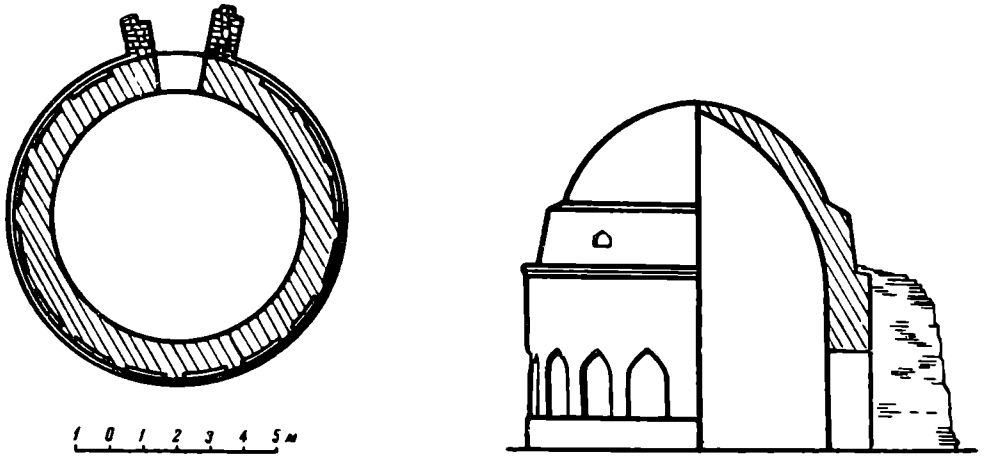


Рис. 62. План и вертикальный разрез третьего мавзолея

В качестве связующего материала применена еще глина, столь обычная в ранних кладках из обожженного кирпича, а купол, хоть и остроумно разделенный с внешней стороны на собственно купол и декоративный барабан, является еще эллиптическим, хотя внутри он производит впечатление стрельчатого, из-за разницы в толщине кладки его нижних и верхних частей (три кирпича у пяты и только один кирпич на скуфье).

Очень характерны для ранних памятников перемычки, которые мы здесь видим над световыми проемами в барабане купола. Перемычки эти выполнены каждая из двух кирпичей, поставленных наклонно один к другому, так же как это сделано в световом проеме над входом во второй круглый мавзолей.[7]

Четвертый из этой группы мавзолеев (рис. 63) — уже весьма развитое архитектурное сооружение. И если первые три памятника можно рассматривать, как некие близко расположенные звенья в одной цепи последовательного развития, то четвертый мавзолей следует считать звеном, расположенным за первыми тремя после разрыва, образовавшегося на месте каких-то не дошедших до нас памятников строительного искусства.

Четвертый мавзолей в основе своего плана, как и предыдущие три памятника, исходит из круга, однако здесь простой круг стен усложнен шестью башнями с внешней стороны, которым соответствует шесть мощных устоев внутри; на эти устои опираются пяты шести арок, несущих на себе барабан и купол. Арки эти переброшены над шестью нишами, одна из которых прорезана проемом и служит входом в мавзолей (рис. 64).

Стены мавзолея охватывают пространство большее, чем перекрываемое куполом, для чего барабан сдвинут внутрь и покоится на упомянутых устоях и арках над нишами;[8] с внешней стороны совершенно ясно подчеркнута зодчим значимость стен и как бы второстепенная роль барабана и купола. Это необычно в монументальной архитектуре Средней Азии, где таких примеров почти нет и где купол оставался доминантой не только в допортальном зодчестве, но и позже — с внедрением портала «пиштака», почти обязательного элемента в каждом монументальном здании, начиная с XIII в.

Внешние стены выложены с незначительным расширением книзу, но в выступающих из них полубашнях оно особо подчеркнуто, что придает всему памятнику вид крепостного сооружения; это, впрочем, могло быть и специальным заказом зодчему, если, например, мавзолей являлся местом погребения какого-нибудь военачальника.

Строительный материал четвертого мавзолея — обожженный кирпич очень высокого качества, обычной плиточной формы (26 × 26 × 5.5 — 27 × ×27 × 5.5 см). Раствор в кладке — очень тощий ганчевый; точнее его следовало бы назвать глино-ганчевым, так как соотношение этих компонентов, примерно, 3 : 1 (три части глины, одна часть ганча); в кладке арок и купола это соотношение изменено; здесь ганча больше, и соотношение, вероятно, близко к 1 : 1.

Это обстоятельство в известной мере говорит за сравнительно раннее происхождение памятника, когда ганч, хотя и вошел уже в строительную

---

[7] Такого рода перемычки из двух наклонно поставленных друг к другу кирпичей широко распространены были в сырцовом зодчестве. На многочисленных памятниках первых веков нашей эры в Хорезме подобные перемычки применены на бойницах крепостных стен и укрепленных замков (например, в Ата-Тюрк-Кала, датируемой II—III вв. н. э., или в еще более раннем памятнике Уллы Гульдурсун начала нашей эры и мн. др.).

Ср. работы С. П. Толстова и А. И. Тереножкина, посвященные ранним памятникам Хорезма, а также статью С. А. Ершова о памятниках левого берега Аму-Дарьи в сев.-зап. Туркмении.

[8] Здесь мы имеем, пожалуй, самый ранний для Средней Азии пример поисков зодчим такого решения, которое не лимитировало бы размера внутреннего пространства размерами купольного перекрытия.

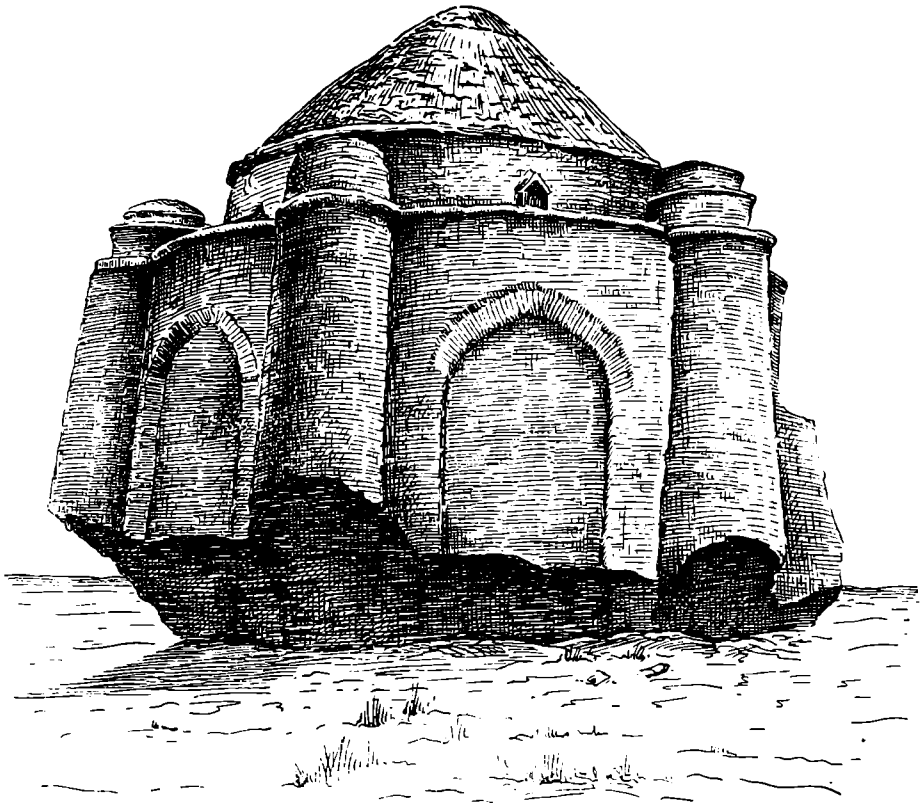


Рис. 63. Четвертый мавзолей

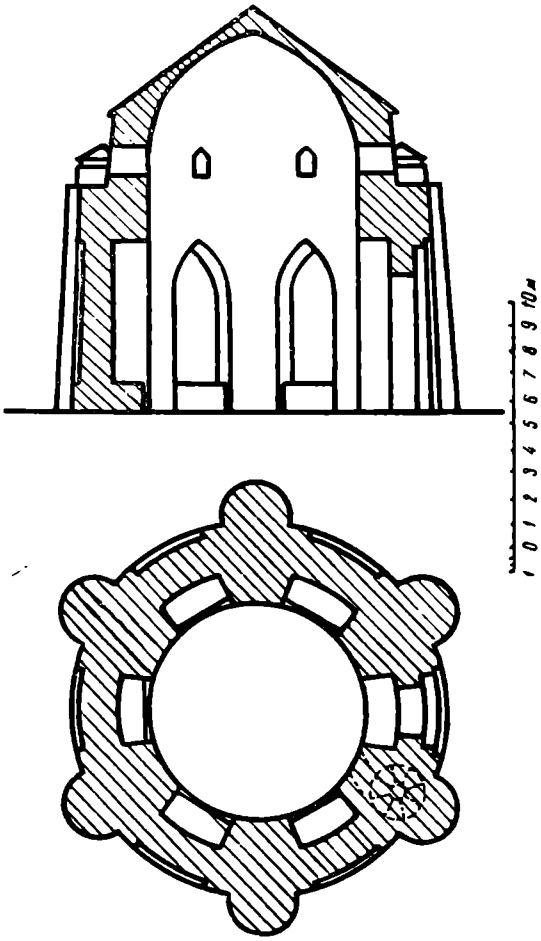


Рис. 64. План и разрез четвертого мавзолея

практику, все же не мог еще полностью вытеснить традиционный глиняный раствор.[9] В то же время как раз на примере четвертого мавзолея можно установить, что строившему зодчему уже совершенно очевидны были преимущества быстро схватывающихся ганчевых растворов при бескружальной кладке таких конструкций, как арка, свод, купол. Нельзя, конечно, упускать из виду и более высокую стоимость ганча как материала, требовавшего обжига, перемола и пр., т. е. материала, несомненно, увеличивавшего сметную стоимость сооружения. Что такие предварительные сметы зодчими составлялись, представляется нам бесспорным, хотя этот вопрос в специальной литературе еще и не разрабатывался с должной полнотой. И в этой связи значительный интерес представляет текст летописи Рашид-ад-Дина в рассказе «Повествования о Газан-Хане». Здесь прямо указывается и на проектные чертежи и на смету как на одно из средств борьбы с различными злоупотреблениями строителей и подрядчиков, поставлявших материалы. Повествуя «о любви государя ислама к благоустройству и поощрении к тому людей», Рашид-ад-Дин сообщает:

«...государь ислама дела благоустройства так прибрал к рукам и завел такой порядок, что лучше нельзя. Он выбрал повсюду надежных, честных чиновников, на которых можно положиться, назначил их во главе строительства и перевел им деньги. Он (Газан-хан) назначил достойных доверия чиновников, честных и опытных писцов и умеющих составлять чертежи зодчих. Очень расчетливо определяли все материалы, (их) стоимость и стоимость работы при таком их количестве, чтобы если производящие расчет с рабочими лица совершат преступления, недостача и убытки ложились бы на них. Доверенные лица и оценщики постоянно считали уже использованные материалы и те, которые предназначены для работы, и, основываясь на этом, требуют отчета от каждого подотчетного лица. Все так твердо установлено, что если даже через сто лет захотели бы составить смету на них (стройки) и отпустить деньги, то пусть сопоставят расчеты битикчиев с материалами, которые израсходовали на работу, и немедленно истина отчетливо отделится от неправды, причем решительно (смета) не окажется ни ниже, ни выше. Никогда ни один доносчик не найдет возможности упрекнуть за работу тех чиновников и зодчих. При каждом деле назначены смотрители, чтобы не допускать применения в работе плохих материалов. Соблюдение такого порядка и предосторожности лежит на их (чиновников и зодчих.— *Н. Б.*) обязанности. Затем еще — (поставку) всех... материалов сдавали с подряда по установленным ценам, так что сорта их были определены и утверждены».[10]

Считаем своим долгом объяснить привлечение нами летописи Рашид-ад-Дина, автора XIII в., в помощь расшифровке порядка производства строительных работ в предшествующие века. Ни один из восточных авторов, писавших до Рашид-ад-Дина, не приводит сколько-нибудь определенных сведений об организации строительных работ и о порядках, существовавших на строительствах в описываемые ими эпохи. С другой стороны, мы не можем не считаться с тем, что Рашид-ад-Дин не был ни зодчим, ни строителем, и приводимые им сведения о смете, строительных чертежах, контроле и т. п. представляют настолько разработанную систему, что нет никакого сомнения в их определенной давности, чтобы не сказать — традиционности.

---

[9] Надо думать, что первое время ганч рассматривался строителями как раствор, для которого обычным наименованием было «глина». Это и привело, вероятно, к рождению самого слова «ганч», произносимого во многих местностях Средней Азии, Кавказа и Закавказья, как «гяч, кач, геч». Этим словом называлась глина на языках яфетической группы.

[10] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, стр. 225—226. Л., 1946.

Зная привязанность к традициям в архитектуре Средней Азии, в частности Туркмении, мы не можем не признать, что внезапное появление в строительной практике XIII в. таких нововведений, как смета и чертеж, едва ли было вероятным и возможным.

Нет сомнения, что уже задолго до Рашид-ад-Дина на строительстве практиковались предварительные расчеты технические и финансовые.

Сведения же, приводимые в сочинении Рашид-ад-Дина, являются, по нашему мнению, не чем иным, как сводкой всех уже издавна бытовавших правил и порядков, принятых строителями в их взаимоотношениях с заказчиком, с одной стороны, и поставщиками строительных материалов — с другой. Издание же этих правил в законодательном порядке вызвано было, очевидно, той постепенной нормализацией взаимоотношений в производственной жизни возрождавшейся страны, в которой были заинтересованы чингизиды.

* * *

Кладка стен и башен четвертого мавзолея проведена с тщательной перевязью швов, что необходимо подчеркнуть в связи с относительно сложной конфигурацией плана сооружения. Обрез верхнего края внешней стены акцентирован выпуском кирпичной полочки, проходящей по всему периметру здания; полубашни выше этой кромки увенчаны были круглыми надстройками с купольными завершениями. Насколько можно установить, в одной из этих надстроек был выход на кровлю по винтовой лестнице, проходившей внутри полубашни, расположенной слева от входа.

Каждая из шести внешних сторон стен мавзолея украшена плоской декоративной стрельчатой аркой (углубленной только на $^1/_2$ кирпича), соответствующей внутренней глубокой нише. Над замком каждой из этих арок в барабане купола размещено по оконному проему.

Верхняя кромка барабана купола, как и верхний обрез стены, подчеркнута выпуском кирпичной полочки, являвшейся нижним обрезом купола. Купол был коническим, но еще не вытянутым вверх, как это известно по хорезмийским памятникам XI—XII вв. (в мавзолеях Фахр-ад-Дина Рази и султана Текеша). Это объясняется, впрочем, тем, что купол был единым, без рубашки над ним, как в названных куня-ургенчских памятниках. В ортогонали очертания купола очень близки к двум прямоугольным треугольникам, с соотношением сторон 3 : 4 : 5. Правда, купол очень пострадал от времени, особенно его скаты; ремонты исказили его форму.

Как сказано, в плане четвертый мавзолей является уже довольно сложной композицией. Кольцо стен круглого плана усложнено не только с внешней стороны шестью выступающими полубашнями, но и внутри мавзолея пятью глубокими стрельчатыми нишами. Простенки между ними, выступая вперед, поднимаются вверх в виде мощных устоев, несущих на себе барабан купола. Основание этого барабана опирается также на арки, завершающие ниши, одна из которых (шестая) прорезана входным проемом. Входной проем архитектурно разработан в виде трех расположенных одна за другой, последовательно уменьшающихся арок; первая по размерам соответствует внешней декоративной, следующая несколько меньше (равна проему внутренней ниши), а третья уменьшает проем еще на 40 см с каждой стороны и углублена на столько же.

В вертикальном решении, однако, композиционная сложность исчезает, и внутренность мавзолея производит впечатление изысканной простоты и спокойной монументальности.

Гладкая серо-белая ганчевая штукатурка интерьера сравнительно хорошо сохранилась, чего нельзя сказать о внешней штукатурке, хотя последняя несет на себе следы неоднократных ремонтов.

Свет, проникающий через шесть окон в барабане, рассеивается главным образом в верхней части внутренней поверхности купола; таким образом, купол освещен лучше, чем нижележащие части стен, из-за чего он кажется выше и легче. Вниз этот свет доходит мягким и рассеянным, особо подчеркивая стрельчатые очертания глубоких теней в верхних частях ниш. Это распределение света в интерьере четвертого мавзолея — одна из деталей, которые характеризуют высокое мастерство зодчего, сквозящее как в композиционном построении целого, так и в разрешении деталей этого уникального памятника.

Несколько наклонные внутрь стенки барабана несут на себе с внешней стороны конусообразное, круглое в плане, покрытие, единственной аналогией которому является перекрытие мавзолея Астана-Баба. Здесь на четвертом мавзолее прямому скату внешней стороны круглого шатра в интерьере соответствует кривая стрельчатого купола, что выполнено кладкой в едином массиве, без применения так называемой «рубашки», широко использованной, например, в более позднем зодчестве Хорезма.

Четвертый мавзолей является памятником большого мастерства неизвестного строителя, показавшего не только композиционную зрелость, но и соответствующее конструктивное умение. Нет сомнения, что для своего времени четвертый мавзолей был выдающимся произведением искусства. И теперь еще, почти десять веков спустя после постройки, памятник этот поражает своей законченностью и гармоничностью.

Полное отсутствие декоративных отделок — фигурной кладки и резного штука — позволяет датировать этот памятник концом IX — началом X в. В X в. оба названных вида архитектурного убранства нашли уже широкое применение. Особенно это следует отметить в отношении фигурных кирпичных кладок, если считать, впрочем, что бухарский мавзолей саманидов (X в.) представляет в этом отношении характерный пример. Мы позволяем себе эту оговорку на том основании, что на памятниках Туркмении фигурные кирпичные кладки как декоративный прием характерны не для X и XI вв., а для XII в. Доказательством этого является убранство каравансарая Дая-Хатын и мавзолеев Мухаммад Ханапья и Талхатан-Баба. Орнаментированная же терракота как облицовочный материал применялась в Туркмении уже в XI в., как и на других памятниках Средней Азии, а резной штук в архитектуре «послеарабского» периода представлен в Туркмении такими великолепными памятниками IX—XI вв., как михраб мавзолея Шейх Кевир и внутренняя отделка соборной мечети в Данденакане, убранство которой поражает богатством мотивов единого декора — резного ганча.

В связи с этим следует отметить некоторые особенности датировок памятников архитектуры Туркмении, развитие убранства которых шло, возможно, своими собственными путями и отличается несколько от развития архитектурных отделок на памятниках других территорий Средней Азии. Правда, сразу же необходимо оговориться, что наше современное суждение о памятниках ограничивается, естественно, кругом сооружений, дошедших до нашего времени. Многие постройки, характерные для архитектуры своего времени, бесследно исчезли и в лучшем случае только упоминаются современными им авторами. А сколько памятников погибло, не удостоившись даже только такого упоминания?

Различие во времени применения одних и тех же видов архитектурного убранства в Туркмении и по ту сторону Аму-Дарьи (в Мавераннахре) намечается с X — XI вв.; в это время в Бухаре и Узгене применялись парные и фигурные кирпичные кладки, известные на памятниках Туркмении только с XII в. (Ханапья, Талхатан-Баба). С другой стороны, великолепный образец резной штукатурки в архитектуре Туркмении датируется, как

сказано, IX — XI вв., а в Мавераннахре представлен памятником XII в.— резным ганчем во дворе термезских правителей,[11] хотя резной ганч как архитектурное убранство применялся в Средней Азии и много раньше, чему убедительным доказательством является отделка двора бухархудатов в Варахше.[12]

Возвращаясь к четвертому мавзолею и к его датировке, считаем необходимым обратить внимание также и на упомянутый уже купол этого мавзолея — шатровый с внешней стороны и стрельчатый внутри.

Как сказано, единственной аналогией перекрытию этого мавзолея является купол другого архитектурного памятника Туркмении — мавзолея Астана-Баба, датируемого концом XI— началом XII в. Однако на мавзолее Астана-Баба мы видим уже фигурные кирпичные кладки и даже зарождающийся в зодчестве того времени портал, среднеазиатский «пиштак». И надо думать, что круглое в плане конусообразное покрытие в мавзолее Астана-Баба является скорее своеобразной реминисценцией, чем современной ему конструкцией, тогда как на четвертом мавзолее этот купол соответствует всему конструктивно-декоративному замыслу зодчего.

Все четыре описанных памятника демонстрируют нагляднейшим образом самостоятельность архитектурного мышления местных строителей и оригинальность их творческих исканий. Переход от архитектуры сырцовой со всей ее спецификой к архитектуре кирпичной неизбежно должен был вызвать подобные искания, так как качественные достоинства нового материала побуждали закономерно к поискам новых конструкций и форм.

На примере этих же памятников мы видим, как стремление зодчего к определенному образу породило сперва простую и лаконичную форму и как эта простейшая форма, развиваясь, в дальнейшем приобретала у новых мастеров все новые и новые архитектурные качества. Усложняясь, первоначальная форма нашла свое наиболее полное развитие в четвертом мавзолее. Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что если первые три памятника могут считаться, с большей или меньшей долей вероятия, близкими звеньями в какой-то цепи эволюции, то четвертый мавзолей, вне всякого сомнения, является этапом, довольно далеко отстоящим от третьего.

Уточнение этого обстоятельства, как и решение вопроса датировок, будет осуществлено дальнейшей, уже совместной работой археолога и архитектора.

---

[11] Б. П. Денике. Резная штуковая стенная декорация в Термезе. Труды РАНИОН, вып. 3, М., 1928.

[12] В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа. Л., 1947.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Вып. XXXIII 1950 год

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

МАВЗОЛЕЙ У СЕЛЕНИЯ САЯТ

Во время работ Вахшского разведывательного отряда Согдийско-Таджикской археологической экспедиции летом 1947 г. в районе Шаартуза (правый берег нижнего течения р. Кафырниган) пришлось неоднократно слышать от местных жителей рассказы о мазаре Ходжа-Машад в кишлаке Саят. В известной нам литературе он не отмечен. Посещение этого памятника сразу показало, что мы, несомненно, имеем дело с крайне интересным и, вероятно, одним из наиболее ранних из известных архитектурных памятников Южного Таджикистана.

Памятник этот расположен на северной окраине большого кишлака Саят, в 4 км к югу от районного центра Шаартуз. Он представляет собой два рядом стоящих мавзолея, соединенных сводчатым проходом. Мавзолеи расположены на одной оси и точно ориентированы стенами по странам света (рис. 65). С северной стороны к мавзолеям примыкает небольшое кладбище,[1] огражденное дувалом и заканчивающееся руинами каких-то глинобитных зданий недавней стройки. С юга, со стороны фасада, заросший пустырь с одинокими деревьями, принадлежавший мазару, также окружен глинобитной оградой. Оба мавзолея построены из хорошо обожженного квадратного кирпича (25 × 25 × 4.5 см) на глиняном растворе без штукатурки. С первого взгляда оба памятника производят впечатление полного тождества; однако деталями орнаментации они разнятся один от другого и, как можно полагать, возведены в разное время.

Восточный мавзолей по своему плану — типичное для Средней Азии центрически-купольное здание. Квадратное основание (по внутреннему обмеру 10.40 × 10.42 м) переходит в восьмигранник, над которым непосредственно возвышается купол. Толщина стен четверика 2 м. Оболочка купола, постепенно утончаясь, образует снаружи три ступеньки. Внутри стены четверика выполнены простейшими формами узорной кладки: до половины снизу — включением в обычную кладку спаренных рядов кирпичей, в верхней части кладка оживлена вставкой в спаренные ряды половинок кирпичей на ребро; по верху стен идет поясок (фриз) из поставленных наискось половинных кирпичей.

Пояс тромпов оформлен в виде стрельчатых арок, в прямоугольном обрамлении. Тимпаны не имеют никаких украшений, плоские ниши орнаментированы или кладкой в елку или же рельефной кирпичной кладкой, образующей простой геометрический рисунок. Первый прием употреблен и в тромпах — полукруглых в плане и стрельчатых в сечении. Основание тромпов оформлено в виде ячеистых парусов (рис. 66).

[1] Могилы имеются и внутри здания мавзолея.

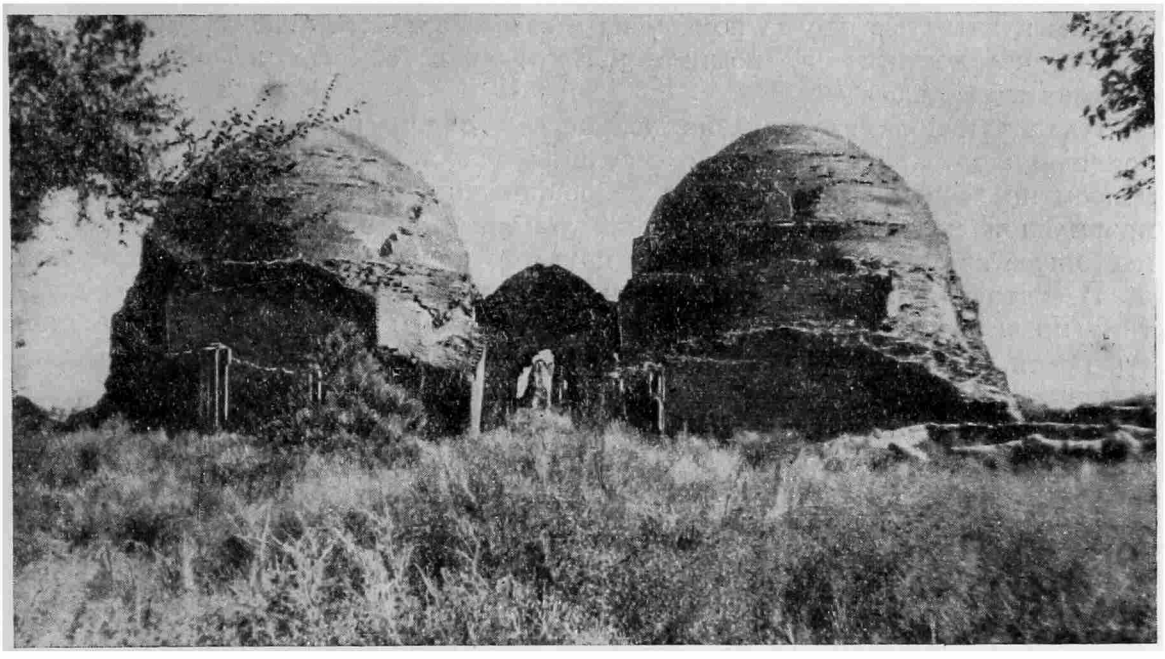


Рис. 65. Мазар Ходжа-Машад. Общий вид мавзолеев с юга

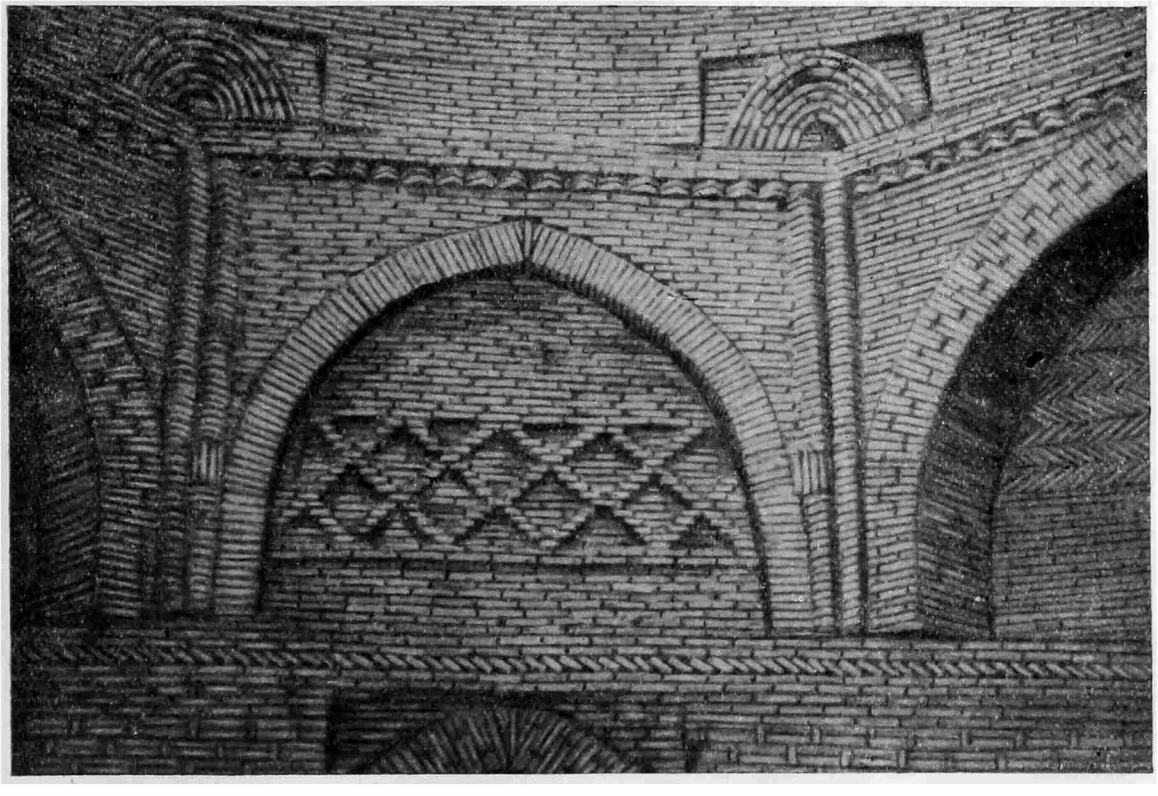


Рис. 66. Мазар Ходжа-Машад. Восточный мавзолей. Пояс тромпов

Восьмигранник переходит в купол также при помощи тромпов, включенных в основание купола и имеющих форму перспективных арочек. Верхние тромпы и ячеистые паруса помещены в слегка заглубленные прямоугольные рамки, чем достигается, помимо конструктивного, еще и определенный орнаментальный эффект.

Кладка купола гладкая, из кольцевых рядов кирпича, выполнена с большой тщательностью. Выше середины однообразие кладки прерывается поясом из косо поставленных на ребро половинных кирпичей. Впечатление правильной полусферичности купола усиливается вследствие зияющего в настоящее время в вершине купола круглого провала около 2 м диаметром.

В восточной и западной стенах четверика имеется по сквозному сводчатому проему. Проем в восточной стене сейчас снаружи заложен кирпичной стенкой и, таким образом, превращен в нишу; несомненно, что по начальному плану проем этот служил проходом в помещение. В проеме западной стены сейчас устроены двери из грубо сколоченных простых досок, появившиеся в результате недавнего ремонта.

Снаружи облицовка стен мавзолея сильно пострадала, в особенности с восточной и северной сторон. Более сохранилась южная стена четверика. В кладке этой стены применены те же простые приемы орнаментации, как и внутри здания, т. е. спаренные ряды кирпича и установка полукирпичей на ребро. Верх стен был оформлен в виде фриза, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент, позволяющий, впрочем, его реконструировать. Фриз состоял из простой композиции в виде пояса косо поставленных спаренных кирпичей; пояс отделен тремя рядами обычной кладки от вышеидущего пояса, украшенного ромбическими фигурами из примороженного плашмя кирпича (рис. 67). Самый верх стены заканчивался также тремя рядами обычной кладки. Западный край южной стены, отделяющийся от остальной плоскости стены выступом (50 см), имеет особую декорировку, но, как можно полагать, появившуюся в связи с возведением соседнего мавзолея.

Западный мавзолей по плану и по всей архитектонике повторяет восточный. Отличаются они лишь некоторыми деталями, относящимися к внешней орнаментации стен снаружи и внутри здания. Так, например, в этом мавзолее восьмерик переходит в купол не тромпами, а ячеистыми парусами. В кладке купола, в отличие от восточного мавзолея, посредине идет пояс кирпичей, примороженных плашмя на расстоянии 0.5 м друг от друга и покрытых надписями, выполненными черной краской. К сожалению, последние в большинстве закрыты натеками, так что прочесть их снизу почти невозможно.[2] В западном мавзолее в качестве орнаментального элемента введен резной, фигурный кирпич. Внутри здания он применен для отделки северного угла западной стены.

В той же стене фигурные кирпичи применены для орнаментации красиво и просто оформленной ниши михраба. Резными фигурными кирпичами выложен бордюр, обрамляющий нишу внутри по контуру. Ниша завершается полукуполом.

Снаружи, так же, как и в восточном мавзолее, лучше сохранилась южная стена. Но, в отличие от соседнего мавзолея, стена эта декорирована весьма нарядно. Вся плоскость стен разбита пилястрами (лопатками) на четыре панно (сохранились три), каждое из которых орнаментировано сложной узорной кладкой, где наряду с елочными мотивами использован и мотив ромба с крестом внутри. Пилястры орнаментированы двумя вертикальными рельефными жгутами из полукругло обтесанных кирпичей. Узкая полоска между жгутами выполнена узорной кладкой, в том числе и резными фигурными кирпичами (рис. 68).

---

[2] На некоторых, как будто, читаются слова: «Аллах Ваф» — аллах верный.

Рис. 67. Мазар Ходжа-Машад. Южная стена восточного мавзолея

Рис. 68. Мазар Ходжа-Машад. Орнаментация южной стены западного мавзолея

Продолжением этого же приема орнаментировки является и декорировка крайнего (восточного) выступа стены. Последний (шириной в 2.20 м) окаймлен рельефной рамкой из двух жгутов, переплетающихся в виде так называемой «сельджукской цепи»; полосы между жгутами, как и на пилястрах, заполнены разными фигурными кирпичиками вперемежку с обычными. Поверхность (филенка) выступа, обрамленная указанной рамкой, была предназначена для надписей, от которых сейчас ничего не осталось. Угол выступа оформлен в виде трехчетвертной колонки. Аналогичное же оформление придано и противолежащему крайнему выступу (западному) южной стены восточного мавзолея, где сохранилось начало надписи. Такая орнаментация выступа южной стены восточного мавзолея находится в явном контрасте с орнаментацией остальной поверхности стены и едва ли относится ко времени постройки этого (восточного) мавзолея. Повидимому, после того как был построен западный мавзолей, этот выступ для придания отделке фасада симметрии был декорирован аналогично противоположному выступу стены западного мавзолея. Строители пошли на такую отделку потому, что оба выступа были, видимо, предназначены для надписи.

Разрушение верхних частей этих выступов не позволяет с уверенностью ответить на вопрос о наличии портального сооружения с этой стороны мавзолеев. Наличие начала надписи как будто заставляет дать положительный ответ на этот вопрос, так как надписи обычно делаются на портале. Однако устройство свода над пролетом между мавзолеями говорит об обратном. Открытый с севера свод в южной части прохода между мавзолеями, не доходя до конца (прохода), закрыт стенкой, опирающейся на приставленные к стенам мавзолея два пилона. Последние значительно суживают проход. Снаружи (с южной стороны) пилоны были перекрыты небольшой стрельчатой аркой. Две суфы вдоль основных стен мавзолея завершают заполнение прохода. Таким образом, как можно полагать, оформление южного фасада обоих мавзолеев было в первоначальном виде двухплановым. Орнаментированные выступы южных стен мавзолея образовали ближний план, а арочный проем под сводом в глубине прохода служил одновременно и продолжением и фоном для выступов.

По форме и деталям наши мавзолеи находят себе аналогии в памятниках зодчества Средней Азии и преимущественно среди памятников XI и XII вв. Термеза и Мерва. В особенности это относится к западному мавзолею. В таких памятниках, как Султан Саадат, Талхатан-Баба, Рабат-и-Малик, мы находим элементы, роднящие их с нашим памятником. Что касается восточного мавзолея, то его орнаментация говорит о более ранней традиции. Сюда относится главным образом фриз внешней южной стены. Во всяком случае, в нашем мавзолее мы в состоянии наблюдать в отношении орнаментации завершение одной традиции и переход к другой. Если в восточном мавзолее мастер-строитель применяет для орнаментации только обычный кирпич (цельный или половинки), то в западном мавзолее мастер уже имеет под руками довольно разнообразный фигурный кирпич, хотя применение его и здесь занимает достаточно скромное место.

Как бы то ни было, памятник представляет выдающийся интерес по общей композиции и трактовке деталей, которые весьма своеобразны, и заслуживает специального изучения. Он, несомненно, займет место в истории средневекового зодчества не только Таджикистана, но и Средней Азии в целом.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ГЛАВА «О ЖЕЛЕЗЕ» МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ТРАКТАТА БИРУНИ [1]

Нижеприводимый текст является переводом главы, посвященной железу, из недавно изданного минералогического трактата знаменитого хорезмийского ученого Мухаммеда Ибн Ахмеда Абу-Рейхана Бируни, написанного в 1048 г.

Сочинение в целом является лучшей средневековой работой по минералогии не только Востока, но и Запада. Исключительно интересна глава о железе. Для советского читателя особое значение этой главы заключается еще в том, что в ней впервые помимо общего описания производства стали («пулад» — булат [2]) приводится и описание особенностей стали, шедшей на изготовление знаменитых русских мечей. Следует подчеркнуть, что сведения об этом Бируни, по его словам, получил путем расспросов.

Представляя специалистам судить о достоинстве конкретных сообщений Бируни, хочу лишь отметить, что его сообщения приобретают и более общий исторический интерес. [3] Смехотворны потуги фашистов (например, Валиди) использовать сообщения Бируни для доказательства принадлежности «мечей русов» германцам.

Бируни, выходец из Хорезма, хорошо был осведомлен об этническом составе жителей юго-восточной Европы по общению с людьми, которые посещали эти районы. Ни о каких германцах он и не мог упоминать.

Перевод сделан впервые. Текст весьма трудный, поэтому вполне возможно, что в переводе имеются и некоторые терминологические неточности. Часть текста, содержащая стихотворные иллюстрации к отдельным терминам, опущена. Также опущены и некоторые лингвистические и другие рассуждения, имеющие лишь косвенное отношение к содержанию главы.

О железе

Железо по природе [4] делится на две разновидности: одно — мягкое — называется нармохан и прозвано женским; другое — твердое — называется шабуркан, прозвано мужским из-за твердости. Оно принимает закалку и не поддается даже слабому сгибанию. Нармохан [в свою очередь] делится на два вида: один из них — он [собственно нармохан], другой — жидкость

---

[1] Сочинение написано по-арабски и называется «Книга собрания (очерков) о познании драгоценных камней», издана в 1937 г. в Хайдарабаде (Индия). Глава «О железе», стр. 247 и др.

[2] Ср. арабское «фулад».

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 227.

[4] В тексте употреблено слово «ма'дин», обозначающее также рудник, месторождение.

[«вода»] его, вытекающая из него при плавке и очистке от камня (породы). Называется она дус (возможно «даус»), по-персидски — аста,[5] а в области Забулистан[6] — рау,[7] из-за быстроты, с которой она отделяется [от породы], опережая [собственно] железо при плавке. Он [дус] — твердый [металл], белый с серебристым оттенком.

Из шабуркана мечи румейцев, русов и ас-сакалабов. Иногда его [шапуркан] называют кала [кала'] и говорят, что в кала слышно жужжание, а в другом скрип.[8] Так назван один из видов мечей, а именно калайа, что предполагает [название] народа, прозванного по месту [проживания], подобно [названию мечей] ал-хиндийа, ал-йеманийа, ал-мушрифийа. Говорят, что их привозят из [страны] Кала, откуда привозят и олово, которые по нему называется ал-кала'и.[9] А мечи те широкие. И недалеко [от истины], что из-за их белизны они служат [часто] в качестве сравнения в арабских стихах...

А смысл слов «желудок птиц» заключается в следующем.[10] Железо это разрубается на куски и затем раскаливается, пока не превратится в подобие раскаленных углей, и тогда [дают его] проглатывать страусам. Это делают для того, чтобы в их желудках оно очистилось от шлака [окалины]. И они выделяют его чистым, пригодным для ковки мечей. Затем его отбивают посредством бил и придают блеск шлифовкой.[11] И рассказывал [один человек], который видел глотание страусами раскаленного железа, что оно не задерживается в желудке страуса, а выбрасывается [страусом] сразу же после проглатывания.

А относительно шабуркана я слышал от многих рассказывавших, что русы и сакалабы раздробляют его на мелкие куски и замешивают его в муке и им кормят уток. Затем они смывают с него помет и повторяют эту [операцию] с ним несколько раз. Затем сваривают их с ними или с нею [«биха»][12] после погружения в огне.

А железо, после дуса, [содержит] шлак [тубал], это его корка, которая сбрасывается с него при ковке, а также грязь и ржавчину, которая вследствие красного цвета называется шафраном. Его удельный вес по отношению к золотому эталону — 41 и $^1/_3$.[13] Алхимики утверждают, что они посредством мышьяка так размягчают железо, что оно плавится быстро, как свинец, и когда оно приобретает твердость свинца, то соскабливанием он (мышьяк) с него сдирается. Однако он теряет в своей белизне. И это свойство чистого железа.

Соединение нармохана и его воды, а она та [вода], которая при очистке обычно вытекает раньше, дает сталь [фулад]. Особенно славится ею город Герат.[14] Называются [крицы] его здесь «яйца» из-за их формы, а они удлиненные с округлыми концами, по форме тиглей [в которых сталь варится]. Из них куют индийские и другие мечи.

Сталь по своему составу бывает двух сортов: [первый], когда в тигле плавится нармохан и «вода» его одинаковым плавлением, и они оба в нем [тигле] соединяются так, что не различимы один от другого. И такая

---

[5] Аста значит «ядро».

[6] Область в Афганистане, к югу от Кабула.

[7] Рау — перс. слово, означающее «идущий».

[8] Вероятно, речь идет о звуках разных сортов железа.

[9] Речь идет о Малайском архипелаге, издревле славившемся добычей олова.

[10] Текст этот является комментарием Бируни к стихотворным отрывкам, в которых упоминается в связи с железом «желудок птиц».

[11] Видимо, имеется в виду «клепанье».

[12] К чему относятся слова «с ними» — мне неясно.

[13] Бируни первый в истории минералогии установил удельные веса многих драгоценных камней и металлов. Для последних он избрал в качестве эталона, или как он пишет «полюса», золото.

[14] Город в северном Афганистане.

[сталь] пригодна для напильников и им подобных [предметов]. Можно предположить, что шапуркан принадлежит к этому виду [стали] и закалка приобретена им естественным образом;[15] [второй сорт] получается, когда в тигле [указанные вещества] плавятся неодинаково и между ними не происходит совершенного смешения. Отдельные частицы их располагаются вперемешку, но [при этом] каждая ясно видна по особому оттенку. Называется [это] фаранд. В мечах, которые их [два оттенка] соединяют, он [высоко] ценится.[16] Что касается зелени, то это качество постоянное. Ее предпочитают на мечах йеменских, индийских, а белизну — на мечах мушрифийских.

Говорит ал-Бахили[17] в «Книге об оружии»: «ал-фаранд — узоры, которые [бывают] на клинках мечей, а ал-паранд — блеск, в котором имеется ал-фаранд, с переменчивыми оттенками. Мечи ал-мушаттаб[18] те, в которых проведены дорожки, наподобие каналов [долы]. Иногда они [дорожки] выпуклые [рельефные], иногда углубленные. Но такое углубление [дол], о котором он [ал-Бахили] говорит, бывает только тогда, когда всего один канал [дол], но когда этих каналов [долов] больше одного, то неизбежно получается и выпуклость между двумя каналами.

Сурейджийские [мечи] названы по имени Сурейджа [мастера], который их выделывал. Но говорят, что слово это происходит от [слова] «сирадж» [светильник] в уменьшительной форме, из-за их блеска. Но такое словообразование дурное. Ал-кала'ийские [мечи] названы по имени ал-Кал'а,[19] ал-кусасийские — по имени Кусас,[20] в горах которой имеются железные рудники. Говорят, что [название] ал-мушрифийа происходит от ал-Машариф, а это селения, лежащие близко к ар-Рифу,[21] которые [называются] также ал-Мазалиф. Но говорят, что оно происходит от имени мастера [эпохи] невежества[22] из племени Сакиф, по имени Мушриф.

Относительно йеменского фаранда говорят, что он волнистый, [в виде] одинаковых белых узлов [располагающихся] по красному или зеленому полю.

К мечам, известным под названием ал-кубурийские,[23] относятся как будто те, которые находят в могилах знатных покойников. И слышал я, что если мечи [изготовлены] из металла, который при плавке получил неодинаковое [количество] примесей [«зелья»], то на них остаются тонкие нежные канальцы [жилки], не впитывающие воду.[24] Если они попадаются на лезвиях, то [мечи] не способны резать из-за отсутствия твердости [закалки]. И если их стесать с лезвия, то вреда нет.

Ал-муханнад — прозвище [тех мечей], что изготовлены в Индии, но иногда оно относится к мечам из Цейлона и других [местностей].

Ал-фаранд в Хорасане называется джаухар, служит эпитетом [для мечей]. От нагревания и шлифовки — исчезает. И когда индусы желают его показать, то они покрывают его бамьянским[25] купоросом или белым мультанским. Если бы в бамьянском не было преимущества, то зачем бы его привозили в Мультан.[26] А при закалке клинок мечей покрывают горячей

---

[15] Имеется в виду твердость этого вида железа.

[16] В переводе этого места текста я не уверен.

[17] Ал-Бахили — ученый, живший во второй половине IX в.

[18] Слово «фаранд» (перс. «паранд») обозначает шелковую материю; слово «мушаттаб» переводится обычно «бороздчатый»; см. «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу», 1939, стр. 78.

[19] См. прим. 9.

[20] Ал-Кусас — горная область в Аравии, известная своими железными рудниками.

[21] Область северо-западной Африки.

[22] «Эпоха невежества» у мусульман — доисламское время.

[23] «Кубур» означает «могилы».

[24] Имеется в виду «дус».

[25] Бамьян — город в северо-восточном Афганистане.

[26] Аналогичные попутные замечания встречаются в трактате Бируни часто.

глиной, коровьим пометом и солью — все это в виде амальгамы. И проверяют места, [предназначенные] для закалки с обеих сторон,[27] пальцами. Затем прокаливают его [в горне] дутьем. Когда амальгама выкипает, его закаляют, а потом и смывают с его поверхности то, чем он был обмазан, и [тогда] появляется джаухар. Возможно, что соль содержит и купорос.

Особая острота [мечей] с фарандом и белым дусом зависит от твердости. Но хрупкость и ломкость сочетаются с ней [твердостью]. Но если с обеих сторон [клинка] придать («...») «окружить» ему женское, черное железо, то это сохранит надолго его способность рубить и защитит его от указанных пороков. Это качество джаухара. Нет народа, который лучше разбирался бы в отдельных видах мечей и в их названиях, чем индусы.

А из разновидностей джаухара имеются такие, рисунок которых тонок, как муравьиная дорожка, но и такие, рисунок которых широкий и толстый, и в нем можно увидеть различные фигуры, какие случаются на облаках или образуются растекающейся по земле водой, а также и такие, которые мы описали в главе об ониксе. Русы выделывали свои мечи из шапуркана, а долы посредине их из нармохана, чтобы придать им прочность при ударе, предотвратить их хрупкость. Ал-фулад [сталь] не выносит холода их зим и ломается при ударе. Когда они познакомились с фарандом, то изобрели для долов плетенье из длинных проволок, [изготовленных] из обеих разновидностей железа — шабуркана и женского. И стали получаться у них на сварных плетеньях при погружении [в травитель] вещи удивительные и редкостные, такие, какие они желали и намеревались получить. Ал-фаранд же [рисунок] не получается соответственно намерению при изготовлении [меча] и не приходит по желанию, но он случаен.

И не будет беды в том, если мы расскажем, что мы узнали полезного от знатоков дела индусов в отношении [сортов] джаухара мечей. Наиболее благородный из видов его и дорогостоящий называется паларак, с первой буквой «п», в арабизированной форме — с «ф». Из него выделываются их самые красивые мечи и дорогие кинжалы. Они утверждают, что железо для него выплавляется из красного песка, добываемого в окрестностях Кануджа.[28] Они его плавят вместе с тинкаром[29] из горного хрусталя. Порошок из него имеет применение только у ювелиров. Когда он [распущен] в воде, то оседает в виде тинкара.[30] Из двух цветов этого джаухара больше бывает белого, чем черного.

Другой сорт его называется рухин. Он изготовляется в Мультане из гератских яйцевидных криц. Еще один сорт называется мун. Изготовляется также в Мультане из тех же гератских яйцевидных криц. А они [сорта джаухара] бывают трех категорий. Некоторые виды их называются ал-амрани, и они близки к паларакy, и преобладает в этом джаухаре черный цвет, и он самый красивый. Наиболее низкий называется хармун. А между ними имеются средние [по ценности].

А из йеменских мечей схожи и близки с ним один вид — черный нилабанд,[31] и другой бахри.[32] А этот бывает трех сортов: асли — близкий к рухину, мухаввас — сходный с ал-саклатун[33] ал-мухаввас.[34] Этот вид получается следующим способом. Крицу куют не по длине, а начиная с одного

---

[27] После слов «с обеих сторон» прибавлено слово, обозначающее «западный», смысл которого в контексте мне неясен.

[28] Канудж — область северо-восточной Индии.

[29] Тинкар — бура (Natrumborat) буквально «с горнохрустальным каром».

[30] Буквальный перевод этой фразы: «а это вода, в которой он [порошок] осел в виде тинкара».

[31] Нил — синий цвет, краска индиго.

[32] В рукописях приводятся и другие чтения этого слова, например «бахзи».

[33] Саклатун — сорт ткани с переливчатым оттенком.

[34] Буквально «покрытый полосами».

конца, пока она не расплющится, как блюдо. Затем разрезают ее в виде спирали, после чего округлые полосы выравнивают. Из них куют мечи, которые получаются с джаухаром мухаввас. Третий вид [собственно] бахри — [так называют] всякий меч, в котором нет джаухара. И это его единственное название. Он не имеет других определений [эпитетов]. Еще один вид называется муджли. Он сходен с бахри, но на нем случаются изображения животных, деревьев и других [предметов]. И эти бывают двух видов. Один из них тот, в котором изображения расположены целиком на одной стороне [клинка], а другой — в котором одна часть изображения расположена на одной стороне клинка, а другая переходит на другую его сторону. Это самый красивый вид их, и стоимость [меча] равна цене отборного слона. Если же изображен человек, то ценность и стоимость его увеличиваются.

Так же как на лошадях имеются круглые отметины, считающиеся хорошими или дурными приметами,— такой дурной знак называется алкали,— точно так же на мечах с джаухаром бывают черные пятна, как, например, куски, лишенные рисунка. Если пятно уничтожить, то это может повредить клинку, поэтому оставляют его. Но когда оно переходит с одной стороны клинка на другую, то покупка их считается нежелательной. Если же это бывает посредине обеих сторон, то это считается достоинством. Если же оно находится вблизи его острия, то это дурная примета для врага; если около рукояти, то обращается на владельца.

У Мазъяда ибн Али-ал-Хаддади ад-Димишки есть книга, [посвященная] описанию мечей, которая содержит трактат ал-Кинди[35] об их качествах, [в котором он пишет]: первым делом при выплавке стали [ал-фулад] является подготовка печи, изготовление тиглей соответствующей формы и из [нужного] качества глины и [умение] определять ее [глину]. Затем он предписывает класть в каждый тигль по пять ратлей[36] лошадиных подков и гвоздей, сделанных из нармохана, и по десять дирхемов[37] [драхм] жженой меди, золотистого марказита[38] и мягкой магнезии. Затем [следует] замазать глиной тигль и поставить его в печь, заполнить ее углем и раздуть ее румейскими мехами, каждый из которых [приводится в действие] обеими ногами, пока содержимое не расплавится и не перемешается. А пока печь горит, следует приготовить мешочки с приправой, состоящей из миробалана,[39] корок граната, соли теста (?) и жемчужных раковин, взятых в одинаковых количествах. Истолченную [смесь] рассыпают по 40 дирхемов в мешочки, в каждый тигль всыпается один [мешочек]. Вслед за этим следует в течение часа раздувать огонь в горне самым безжалостным образом. Затем оставляют [печь], пока она не остынет, и слиток извлекается из тигля.

Рассказывал мне один человек, побывавший в Синде,[40] что [однажды] он сидел у кузнеца, когда тот изготовлял мечи. И стал он следить [за работой]. Железо для них было из нармохана. И посыпал он [железо] каким-то зельем в виде мягкой муки красноватого цвета. Затем он сваривал его, погружая [в горн]. После этого он его вынимал и проковкой удлинял его и повторял он посыпку и обработку несколько раз. И продолжал он: «Спросил я его: — «из чего оно [зелье]?». Он посмотрел на меня насмешливым взглядом. И понял я, что это дус, который он примешивает

---

[35] Ал-Кинди — знаменитый ученый и философ, живший в Багдаде во второй половине IX в.

[36] Ратль — около 450 граммов.

[37] Дирхем — около 3 граммов.

[38] Марказит — вид железного колчедана.

[39] Сорт дерева из семейства розовых.

[40] Синд — название северной Индии.

к нармохану посредством обсыпания и сваривания [в горне], что напоминает приготовление из него [дуса] в Герате яйцевидных криц». А это то же, что рассказывает и ал-Димишки. И говорят относительно джаухара мечей, что один вид способен превращаться в другой, и поэтому среди них восхваляют старые [клинки] и хвастают ими. А так как это далеко от меня, то я могу отнести их слова лишь [за счет] влияния огня, при помощи которого одна часть смеси переходит в другую, в результате чего уменьшается то его белизна, то чернота. [Возможно] влияет и шлифовка, посредством которой снимается верхний слой и обнаруживается то, что было внутри под снятым слоем.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1950 год

Б. А. КОЛЧИН

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ГЛАВЕ «О ЖЕЛЕЗЕ» МИНЕРАЛОГИЧЕСКОГО ТРАКТАТА БИРУНИ

Публикуемый в настоящем выпуске перевод главы «О железе» из минералогического трактата крупнейшего хорезмийского ученого Бируни [1] имеет особо важное значение как для истории средневековой среднеазиатской техники, достигшей наивысшего развития в производстве тигельной стали (булата), так и для истории древнерусской металлургии и металлообработки, уровень развития которых до последнего времени сильно принижался историками всех направлений. [2]

Обе категории сведений мы разберем в отдельности.

«Самая лучшая сталь, которую когда-либо делали, есть, без сомнения, булат». [3]

Слово «булат» является русской транскрипцией персидского слова «pūlad», означающего понятие сталь вообще. [4] В середине XV в. это слово уже употребляется в русских письменных памятниках при описании военных доспехов, сделанных из восточной стали. [5] К XIX в. за словом «булат» укрепляется понятие высококачественной стали с естественным узором. «Под словом булат каждый Россиянин привык понимать металл более твердый и острый, нежели обыкновенная сталь». [6]

Слава об исключительно высоких механических качествах восточного булата заставила многих русских и зарубежных ученых-металлургов стремиться восстановить способ его изготовления, секрет которого к XIX в. был потерян.

Особенно успешны в этой области были работы русских металлургов XIX и начала XX в. В 1828—1837 гг. русский ученый, горный инженер П. П. Аносов на Златоустовском заводе провел более 185 опытов по изготовлению булата. Его работы увенчались успехом. Клинки Аносова по механическим качествам и красоте узора не уступали булатным клинкам восточного происхождения. [7] Но это было лишь началом раскрытия тайны. В конце XIX в. эти работы продолжал крупнейший русский металлург, основоположник современной металлографии, Д. К. Чернов. [8] В начале

---

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность автору перевода текста А. М. Беленицкому, любезно предоставившему мне свою рукопись до ее опубликования.

[2] До работы Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси».

[3] Д. К. Чернов. Критический разбор статей Лаврова и Калакутского. Записки Русского технического об-ва, 1868, № 7, стр. 339.

[4] Ср. арабское «фулад», индийское «вутц».

[5] Хождение за три моря Афанасия Никитина.

[6] Аносов. О булате. Горный журнал, 1841, № 2, стр. 157.

[7] Аносов. Указ. соч., стр. 175.

[8] Д. К. Чернов. Damask steel. The Metallographist, 1899. № 3.

XX в. уже на основе теории металлографии снова поднимается вопрос о булате. Русские ученые Н. И. Беляев[9] и А. П. Виноградов[10] в своих исследованиях о булате основное внимание уделяют выяснению структурной природы булата.

Металловеды приходят к выводу, что булатная сталь является обыкновенной высокоуглеродистой сталью с резко выраженной структурной неоднородностью.[11] Следовательно, для получения булатной стали необходимо, чтобы слиток металла был по возможности неоднороден,[12] и температура проковки слитка была бы как можно ниже. При выковке изделия необходимо комбинировать разнообразные приемы энергичной деформации, после чего изделие подвергать шлифовке, полировке и травлению.

Таким образом, лишь в двадцатых годах XX в. металловедам на основе современной теории металлографии удалось разгадать природу булатной стали,[13] которую более тысячи лет назад с таким виртуозным искусством изготовляли кузнецы и металлурги Средней Азии, Ирана и Индии. В настоящее время основное внимание в производстве высококачественных сталей обращено на специальные примеси, поэтому способ получения булатной стали теряет прежнее практическое значение, но представляет большой теоретический и историко-технический интерес.

Теперь обратимся к Бируни. Глава о железе, как уже говорилось выше, является небольшой вставкой в минералогический трактат. Но в ней довольно подробно описана металлургическая техника Средней Азии X — начала XI в.

Бируни очень четко разделяет весь черный металл (т. е. железо и его сплавы с углеродом) на четыре вида — кричное железо[14] — «нармохан», сырцовую сталь, уклад — «шапуркан», чугун — «дус» и тигельную сталь — «фулад».

Кричное железо и сырцовая сталь получаются непосредственно в домнице. Этот процесс, очевидно, считался таким простым и ясным, что Бируни на описании его даже не останавливается.

Белый чугун («белый с серебристым оттенком») образуется в домнице при восстановлении железа; имея температуру плавления на много ниже, чем железо (около 1200—1300°), он вытекает из нее раньше, чем оканчивается процесс образования железной крицы — «жидкость его, вытекающая из него при плавке и очистке...» Здесь чугун, вероятнее всего, является еще отходом сыродутного процесса, но при этом уже широко используется при дальнейшей переработке железа в тигельную сталь. Применяли ли в Средней Азии чугун как литейный материал на изделия — мы сказать не можем, но следует заметить, что в Китае чугун как литейный материал при-

---

[9] Н. И. Беляев. О булате. ЖРМО, 1911, № 4, ч. 1.

[10] А. П. Виноградов. Происхождение булатного узора. Технико-экономический вестник, 1924, № 8—9, стр. 661.

[11] Современная металлография считает, что металл тем лучше, чем однороднее и тоньше его структура. Противоречит ли это природе булата? Нет, не противоречит. Булатная сталь всегда рассматривалась в ее конкретном применении. Из булата изготовляли только холодное оружие. К клинкам холодного оружия предъявлялись требования вязкости и упругости в продольном направлении и максимальной твердости на острие. Этим условиям могла удовлетворять только сталь неоднородного строения — булат. Булатная сталь обладает чрезвычайно высокой упругостью, повышенней вязкостью, повышенной твердостью и способностью держать острие.

[12] Существуют две теории о происхождении этой неоднородности: А. П. Виноградова и Н. Т. Беляева. Интересующихся этим вопросом отсылаю к следующему труду: А. П. Виноградов. Мягкий булат и происхождение узора. Изв. Днепропетровского горного института, т. 15, 1925—1927, стр. 245.

[13] У каждого исследователя была своя технология изготовления стали.

[14] Кричным железом я называю продукт прямого восстановления руды в домнице. В XVII—XIX вв. кричным железом также называли железо, полученное в передельных горнах из чугуна.

менялся уже с VI в. до н. э.[15] Имеются сведения, правда, без указания источника, что во II в. до н. э. жители Ферганы научились от беглецов из китайских войск лить чугун.[16]

Тигельная сталь — «фулад» — в зависимости от способов получения разделяется на три вида. Первые два получаются от сплавления в тигле кричного железа и чугуна — «соединение нармохана и его воды... дает сталь». Отличаются они один от другого температурным режимом плавления металлов, в силу чего получаются и разные качества стали.

Первый вид стали получается при режиме полного расплавления в тигле железа и чугуна. Для этого требуется температура не менее 1500—1600°. В результате образуется сталь с довольно однородным строением. Бируни указывает, что такая сталь употребляется для напильников и подобных инструментов.

Второй вид стали получается при режиме с более низкой температурой, и сплавляемые металлы доходят только до полужидкого состояния. Бируни пишет: «...и между ними [т. е. железом и чугуном] не происходит полного смешения. Отдельные частицы их располагаются вперемешку, но [при этом] каждая ясно видна по особому оттенку». Этот сорт тигельной стали и является собственно булатом. Получающийся на стали естественный узор по-арабски называется фаранд, по-персидски — джаухар.[17] «В мечах, которые его имеют, он [высоко] ценится».

Третий вид стали получается от сплавления в тигле кричного железа — «лошадиных подков и гвоздей, сделанных из нармохана», с веществами, содержащими углеродистые соединения. Металл доводится до полного плавления и затем медленно охлаждается. Из этого сорта стали также изготовляются мечи.

Остановимся подробнее на некоторых элементах технологии получения тигельной стали, описываемой Бируни.

Для достижения столь высокой температуры, при которой стало бы плавиться железо (не менее 1550°), необходима технически совершенная печь. О ее устройстве у Бируни мы находим только косвенные сведения: «...первым делом при выплавке стали [ал-фулад] является подготовка печи» и затем: «...поставить его [железо] в печь, заполнить ее углем и раздуть ее румейскими мехами, каждый из которых [приводится в действие] обеими ногами». Перед нами вырисовывается печь, очень похожая на описанную Масальским, применявшуюся персами в начале XIX в. для тех же надобностей.[18] Это была кубической формы камера с несколькими соплами (до четырех), закрытыми стенками и регулируемым отверстием для тяги наверху. В нее насыпали немного угля, затем, так же как у Бируни, ставили и закрепляли тигель, засыпали доверху углем и начинали дутье. Очень важно отметить наличие в Средней Азии в эпоху Бируни мощных воздуходувных мехов с ножным приводом, что позволяло металлургам того времени достигать в печах и горнах очень высоких температур.

Нелегким делом было изготовление огнеупорных тиглей. Бируни пишет: «первым делом при выплавке стали является... изготовление тиглей соответствующей формы и из [нужного] качества глины и [умение] определять ее». Далеко не из каждой глины можно сделать тигель, способный выдержать температуру выше плавления железа (а это около 1600°). Размер

---

[15] Т. Т. Рид. Литье чугуна в древности. Архив истории науки и техники, вып. 5, М., 1935, стр. 276.

[16] Lassen. Indische Altertumskunde, т. II, Лейпциг, 1874, стр. 620.

[17] Еще в XVII в. в Персии тигельная сталь с естественным узором, т. е. булат, называлась «poulad jauherder».

[18] Масальский. Изготовление булата по способу, употребляемому персиянами. Горный журнал, 1841, № 11—12, стр. 233.

тигля был диаметром около 7—8 см и высотой около 20 см. Во время плавки тигель закрывался крышкой и замазывался глиной. Описывая выплавку стали из железа и чугуна, Бируни не сообщает читателю пропорции того и другого. Но нам нетрудно эти пропорции вычислить. Считая, что в чугуне, вытекающем из кричного горна, углерода содержится 3.5—4.3%, а в булате углерода содержится в среднем немного более 1%, мы получим, что на три части кричного железа необходима была одна часть чугуна.[19]

Особенно интересны и важны сведения Бируни при описании технологии производства собственно булатной стали. Основным признаком булата является его структурная неоднородность. Эти свойства в строении металла достигались восточными металлургами X в. путем очень сложной и тонкой технологии. Плавку стали в тигле они вели с таким температурным режимом, при котором чугун расплавляется полностью (1145—1450°), а железо доходит до тестообразного, полужидкого состояния. Большая часть углерода чугуна диффундировала в железо, чугун превращался в высокоуглеродистую, заэвтектоидную сталь (1.3—1.7% углерода), а железо, науглероживаясь, превращалось в сталь с неравномерно распределенным углеродом. Самым сложным в этой технологии было улавливание момента, когда металл в тигле достигал полужидкого состояния.

Другой сорт стали, из которого тоже изготовляли мечи, приготовлялся следующим способом. В тигель клали около 2250 г[20] мягкого железа («лошадиных подков и гвоздей») и по 30 г (10 дирхемов) жженой меди, марказита и магнезии.

Добавка меди (до 1%) в сталь придает последней противокоррозийную стойкость. Для более равномерного распределения меди в железном сплаве ее превращают в окись (путем пережога) и порошок медной окиси добавляют в тигель. Марказит (один из видов железного колчедана) и магнезию (окись магния) добавляли, вероятнее всего, для очищения кричного железа от шлаковых включений и иных примесей. Затем тигель закрывали, ставили в печь и шихту доводили до полного плавления. После этого в него всыпали 120 г порошкообразной, специально приготовленной смеси из миробалана,[21] корок граната, жемчужных раковин и соли какого-то теста (?). Затем в течение часа поддерживали в печи очень высокий жар, после чего дутье прекращали и тигель охлаждали вместе с печью. Содержащиеся в миробалане, в корках граната, раковинах и тесте (?) углеродистые соединения, сгорая, превращались в углерод. Углерод, диффундируя в железо, превращал последнее в сталь.

Приводимые Бируни весовые пропорции шихты позволяют определить состав стали по углероду. 120 г смеси дерева, корок граната, раковин и теста (?) дадут после сгорания около 30% углерода, т. е. 36 г. Зная вес плавки — 2250 г, легко определить процентное содержание углерода; это составит около 1.5%. Перед нами высокоуглеродистая сталь.

Медленное охлаждение слитка создавало в металле крупную дендритную структуру. Имела ли эта сталь узор, Бируни не говорит, но режим медленного охлаждения при высоком содержании углерода должен был создать мозаичность структуры, а следовательно, и узор на травленном клинке.

Большая часть текста Бируни посвящена описанию и определению различных наименований мечей и видам и названиям узора (фаранд), имею-

---

[19] Такие же пропорции приводит Масальский (см. указ. соч.). Аносов брал на четыре части железа одну часть чугуна и одну часть окалины (см. Аносов. Указ. соч., стр. 284).

[20] В начале XIX в. в Персии булатный слиток тигельной стали весил 650—2500 г. (Масальский, Указ. соч., стр. 235).

[21] Дерево из семейства розовых; растет в Индии, на Цейлоне и в Индийском архипелаге.

щегося на этих мечах (их более 11). Как правило, мечи назывались по месту их изготовления, а это в свою очередь характеризовало и качество стали. Иногда попутно он описывает ту или иную технологическую деталь изготовления меча. На наиболее интересных замечаниях Бируни мы остановимся.

Говоря об узоре под названием «мухаввас» на йеменских мечах, сходном с переливчатым оттенком ткани, покрытой продольными полосками, Бируни пишет: «Этот вид получается следующим способом. Крицу куют не по длине, а начинают с одного конца, пока она не расплющится, как блюдо. Затем разрезают ее в виде спирали, после чего округлые полосы выравнивают. Из них куют мечи, которые получаются с джаухаром мухаввас». Этот короткий отрывок говорит о глубоком понимании средневековыми металлургами природы строения стального слитка. При медленном охлаждении перегретого высокоуглеродистого стального слитка (это технология третьего вида тигельной стали; у первых двух режим охлаждения нам не известен) от внешних сторон, по направлению к центру слитка, образуются дендриты, осями которых является более мягкая ферритная часть слитка. Вокруг этих осей обволакиваются карбиды железа, имеющие самую высокую твердость. Чтобы сохранить эту структуру (при простой вытяжке слитка это строение возможно легко перепутать), кузнец только расплющивал слиток и затем делал развертку получившегося диска по спирали. В результате у него получался по всей длине клинка продольно-волнистый рисунок с поперечными переливами. Готовые клинки мечей подвергали термической обработке — закалке. Чтобы при нагревании в горне поверхность клинка не обезуглероживалась, его покрывали слоем специально приготовленного глиняного теста — «амальгамой». После соответствующего нагрева (степень нагрева определяли по «выкипанию» (?) обмазки; не совсем ясное место) клинок вместе с обмазкой закаливали, т. е. опускали в какую-то охлаждающую жидкость. О виде охлаждающей среды Бируни ничего не говорит, но если это даже была вода, то все равно закалка получалась мягкая.

Травителем для проявки узора на готовых мечах служил бамьянский или мультанский купорос. В одном случае это был цинковый (белый) купорос (мультанский), в другом — неизвестно.

Очень интересно описание Бируни производства мечей с искусственно науглероженной поверхностью в северной Индии. На обычном кричном железе путем многократного обсыпания чугунными опилками и последующей многократной проковкой при сварочном жаре создавали нацементованную поверхность. Такой клинок, уступая по качеству булатному, все же имел острое лезвие и некоторую продольную упругость и вязкость.

Перейдем теперь к сведениям Бируни о металлургии и металлообработке в древней Руси.

В начале главы, классифицируя металл, Бируни пишет: «Из шабуркана мечи румейцев, русов и ас-сакалабов». Шапурканом, как уже говорилось выше, называется сталь не тигельного происхождения. Это, вероятнее всего, сырцовая сталь — уклад, полученная непосредственно в сыродутном горне.

В другом месте Бируни останавливается на мечах русов подробнее. Приведу весь текст: «Русы выделывали свои мечи из шапуркана, а долы посредине их из нармохана, чтобы придать им прочность при ударе, предотвратить их хрупкость. Ал-фулад не выносит холода их зим и ломается при ударе. Когда они познакомились с фарандом (т. е. с узорчатым булатом), то изобрели для долов плетенье из длинных проволок (изготовленных) из обеих разновидностей железа — шабуркана и женского. И стали получаться у них на сварных плетениях при погружении (в травитель) вещи удивительные и редкостные, такие, какие они желали и намеревались получить».

Особая ценность этих текстов заключается прежде всего в категорическом утверждении производства мечей у русов. Вероятность этого утверждения подкрепляется описанием Бируни ряда подробностей технологии производства и археологическими находками древнерусского оружия.

Четыре раза Бируни говорит о материале русских мечей и всегда это шапуркан, т. е. сталь не тигельного происхождения. Сталь, очень широко применявшаяся в древней Руси для орудий труда, оружия и инструмента, всегда была или сырцовая, или сварочная, или цементированная. В этом мы убедились после проведенного нами металлографического исследования древнерусских изделий из черного металла (было исследовано более 350 образцов).[22] Бируни объясняет отсутствие у нас тигельной стали тем, что «ал-фулад не выносит холода их зим и ломается при ударе». Хотя это до некоторой степени верно,[23] но причина была в другом — древнерусская металлургия была технически менее развитой, чем металлургия Средней Азии.

При широких связях Руси с Востоком в X — XI вв. и знакомстве русских оружейников с булатной сталью, «когда они [русы] познакомились с фарандом...», это отставание объяснялось следующим. Основной технологией русского металлообрабатывающего ремесла при производстве орудий труда, оружия и инструмента была наварка стали на железную основу того или иного изделия. При этой технологии тонкие полосы сварочной или цементованной стали вполне удовлетворяли техническим требованиям того или иного изделия. Поэтому у русских металлургов не было прямой необходимости в производстве тигельной стали.

Очень ценны сведения Бируни о мастерстве и искусстве древнерусских оружейников, изготовлявших мечи, немногим уступавшие по механическим качествам знаменитым булатным клинкам. Рисунками узора на мечах восхищается даже сам Бируни: «И стали получаться у них на сварных плетениях при погружении [в травитель] вещи удивительные и редкостные, такие, какие они желали и намеревались получить. Ал-фаранд же [рисунок] не получается соответственно намерению при изготовлении [меча] и не приходит по деланию, но он случаен».

Все известные нам древнерусские мечи (их найдено более 75) имеют конструкцию клинка, подобную описанной Бируни. Средняя часть полосы клинка по ширине всегда имеет на обеих сторонах широкий дол, идущий по всей длине клинка. Изготовление дола на клинке позволило уменьшить вес меча, сохранив при этом его продольную упругость. Бируни это очень хорошо понимал,[24] «чтобы придать им прочность при ударе».

Сведения о том, что древнерусские мечи были с наварными стальными лезвиями на цельножелезную или плетеную основу клинка, подтверждаются опять нашими исследованиями. Из 17 исследованных нами древнерусских мечей все имели подобную технологию. На некоторых мечах основа клинка («долы») была цельножелезная, а на других сваренная из железа и стали. На мече из Михайловского могильника по всей длине дола шел рисунок в елочку.

Указания Бируни, что русы «изобрели для долов плетение из длинных проволок», не совсем точно. Подобную технологию уже знали римляне и

---

[22] Эта работа находится в подготовляемой нами к печати монографии «Черная металлургия и металлообработка в древней Руси».

[23] У термически обработанной литой стали с понижением температуры (ниже комнатной) хрупкость увеличивается, так как остаточный аустенит переходит в мартенсит. Практически на изделиях при температурах до — 50° это не отражается.

[24] А авторы XX в. пишут: «желобок, который обычно идет вдоль клинка и предназначен для стока крови» (см. Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М., 1949, стр. 75).

применяли ее при изготовлении мечей.[25] Возможно, что Бируни этого не знал и приписал изобретение русам. Но вообще трудно сказать, являлись ли древнерусские кузнецы наследниками античной техники или самостоятельно сделали это изобретение. Важно здесь еще отметить, что среднеазиатские и индийские мастера подобной технологии не применяли.

В русском переводе текста Бируни есть несколько непонятных мест, но поскольку переводчик опустил часть стихотворного текста, мы пока от объяснения этих мест воздержимся.

Итак, краткий обзор главы о железе из книги Бируни показал нам, что металлургическая и металлообрабатывающая техника Средней Азии в X — XI вв. была высокоразвитой и научно обоснованной. Подробно разработанная рецептура и технология металлургического процесса свидетельствуют о том, что среднеазиатские алхимики, занимаясь поисками философского камня, положительные достижения алхимических исследований вводили в практическую жизнь своих народов.

Производством лучшей булатной стали славился среднеазиатский город Герат. Существовали два способа ее изготовления. Первый способ — плавка в тигле железа с чугуном, второй способ — плавка в тигле железа с углеродистыми веществами. Тайны булатной стали, разгаданной русскими металлургами XIX и XX вв. лишь наполовину, теперь больше не существует. Бируни нам сообщает подробную технологию обоих ее видов.

Публикация столь глубоко научной и технически точной главы из минералогического трактата, написанного просвещенным хорезмийцем Бируни в середине XI в., является важным документом для разоблачения лживых буржуазных теорий об извечной отсталости восточных народов, их науки и техники, а также разнообразных псевдоисторических концепций о западноевропейском происхождении древнерусского оружия. Точная осведомленность Бируни о металлообрабатывающей технике русов говорит о значительных культурных и экономических связях древней Руси с Средней Азией и о широкой известности русских оружейников.

Великий средневековый энциклопедист, хорезмиец Бируни, известный нам как выдающийся этнограф, историк, географ, астроном, минералог и поэт, выступает теперь перед нами еще как крупный металлург и химик.

---

[25] B. Neumann. Römischer Damast-Stahl. Archiv Eisenhüttenwesen, 1927 г. I, стр. 241.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Вып. XXXIII КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я МАРРА 1950 год

IV. АВТОРЕФЕРАТЫ ЗАЩИЩЕННЫХ ДИССЕРТАЦИЙ

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

СОГД И ЧАЧ

(Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 28 апреля 1948 г.)

«Сугда, вторая обитель благословения, богатая людьми и скотом» [1] — область древнейшей цивилизации в Средней Азии, развивалась на устойчивом ирригационном земледелии. Ремесленным, торговым и культурным центром ее был гор. Самарканд. Чач (Шаш), обнимавший земли орошения рек Чирчика и Ангрена, как страна такой же древней земледельческой культуры несколько отставала в развитии, испытывая постоянное воздействие кочевников, обитавших к северу и востоку в пустынных степях. Несмотря на большое расстояние (около 250 км), разделяющее эти области, они тесно связаны между собой общностью основ хозяйствования, этнически и положением на главной линии торговых связей в Средней Азии.

В основе работы лежат археологические материалы, полученные автором во время наблюдений на строительстве Ташкентского канала в 1940 г., при раскопках замка Ак-Тепе на северной окраине гор. Ташкента в 1940 и 1941 гг., а также при исследованиях городища Афрасиаба (домонгольский Самарканд) в 1945—1947 гг., производившихся по поручению Института археологии и истории АН Узбекской ССР, и раскопках на городище Пянджикента в 1947 г. (Таджикско-согдийская экспедиция под руководством А. Ю. Якубовского). Особое значение для нас имеют работы Г. В. Григорьева в Чаче, увенчавшиеся открытием культуры Каунчи, и на городище Тали-Барзу, в 6 км к югу от Самарканда, позволившие ему дать первый опыт периодизации археологических материалов Согда.

В результате перечисленных исследований автор считает возможным предложить следующую периодизацию истории материальной культуры в Согде и Чаче (см. табл. на стр. 153 и рис. 69—73).

В Чаче наша периодизация открывается временем развитого бронзового века, который может быть датирован серединой II — началом I тысячелетия до н. э. Для него известны скорченные захоронения (на боку) в курганах, клады и отдельные находки, характеризующие оседлый пастушеско-земледельческий быт на уровне средней ступени «варварства». Поселения не обнаружены. Типичны сосуды в виде горшков с отогнутым венчиком, выпуклым корпусом и плоским дном, украшенные линейным и зубчатым штампом, бронзовые вислообушные топоры казахстанского типа,

[1] Зенд-Авеста. Вендидад I.

Периоды	Даты	Согд	Чач
Поздняя пора бронзового периода	XV—VIII вв. до н. э.	Случайные находки	Вариант андроновской культуры
Сако-ахеменидский	VI—IV вв. до н. э.	. . . . . . Афрасиаб I	Бургулюк I Бургулюк II
Сако-эллинистический	IV—II вв. до н. э.	Афрасиаб II Афрасиаб III	— —
Кангюе-юечжийский	II - I вв. до н. э.	Афрасиаб IV Тали-Барзу I	Каунчи I Каунчи II
Кушанский	I—IV вв.	Тали-Барзу II Тали-Барзу III	Джунская культура
Эфталитский	V—VI вв.	Тали-Барзу IV	—
Тюркский	VI—нач. VIII вв.	Тали-Барзу V	Замок Ак-Тепе
Мусульманский	VIII—XII вв.	Четыре культурные стадии Афрасиаба	

ножи срубного типа, массивные бронзовые браслеты.[2] Для бронзового века в Чаче отчетливо видны связи с андроновской культурой Казахстана и Семиречья, что дает право условно определять его в качестве варианта этой культуры.

Для эпохи бронзы из Согда нам известен только один своеобразный проушной бронзовый топор в виде кайла, который по типу, возможно, связан с древними культурами Передней Азии.[3]

У саков Семиречья в VII — IV вв. до н. э. вместе с железом продолжает широко употребляться и бронза.[4] Такое же значение бронза сохраняет в течение этого времени и в Чаче, где из нее делаются обоюдоострые кинжалы, однолезвийные ножи, втульчатые двухлопастные наконечники стрел, двуушковые кельты (типа третьей группы минусинских кельтов).[5] Культура эта еще недостаточно изучена и известна пока только по случайным находкам. Она определяется нами в качестве первой стадии бургулюкской культуры. Ее, повидимому, следует связывать с теми прияксартскими варварами, которые в союзе с саками заставили Александра Македонского построить на левом берегу Яксарта (Сыр-Дарья) для обороны город Александрию.[6]

Стадия Бургулюк II известна поселениями Средне-Чирчикского р-на. Поселения (до 200 м в поперечнике) с ямами больших землянок, наличие сырцовых кирпичей, обилие небольших (длина 34, ширина 14 см) зернотерок, каменных пестов и разных терок — свидетельствуют об оседлом земледельческом быте. Кости домашних животных (преимущественно коровы,

---

[2] М. Э. Воронец. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 335; его же. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР. Материалы по археологии Узбекистана, т. I. Ташкент, 1948, стр. 65.

А. И. Тереножкин. Памятники матеральной культуры на Ташкенском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, № 3, стр. 30.

[3] Его же. Археологические находки в Таджикистане. КСИИМК, вып. 20, стр. 74 и сл.

[4] А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 9—10.

[5] Изв. УзФАН, 1940, № 3, стр. 30—31.

М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Труды Отдела истории первобытной культуры, Гос. Эрмитаж, I, стр 262—266, стр. 257, рис. 2.

[6] Арриан. III, 30; IV, 1.

Согд I. Бронзовый топор, найденный случайно в районе гор. Пянджикента (старое собрание Самаркандского музея)

II. *1* — каменный молоток без сверлины (городище Афрасиаб, раск. 1947 г. в пункте № 43); *2* — железный серп (строительство дороги через Афрасиаб в 1947 г.); *3* — бронзовое зеркало (там же); *4* — железная лопаточка (там же); *5—7* — глиняные сосуды (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 35); *9* и *10* — глиняные котлы (строительство дороги в 1947 г.)

III. *1* и *2* — кубковидные сосуды; *3—5* мисочки; *6* — котел; *7* — верх большого кувшина; *8* и *9* — разрезы венчиков хумов (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 46)

IV. *1* и *2*—кубки; *3*—верх небольшого хума; *4*—верх кувшина; *5*—детский молочник; *6* — верх кувшина; *7* и *8* — венчики хумов; *9—11* — мисочки; *12* — глиняное грузило для ткацкого станка (раск. 1947 г. в пункте № 2)

V. *1* — кубок (Афр., раск. 1945 г. в пункте № 2); *2* — кубок (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 16); (*3* — кубковидная чаша (раск. в пункте № 2); *4* — верх кувшина (раск. 1946 г. в пункте № 16); *5*—плошечка раск. 1947 г. в пункте № 2); *6* — верх сосуда (раск. в пункте № 16); *7* — котел (там же); *8* — кубок (там же); *9* и *10* — мисочки (раск. в пункте № 2); *11* — венчик хума (там же); *12* и *13* — грузики для ткацкого станка (там же); *14* — железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы (раск. 1945 г. в пункте № 2); *15* — стеклянная бутылочка с обломанным горлом (там же в 1947 г.)

VI. *1* — кубок (городище Тали-Барзу, раск. Григорьева); *2* — верх сосуда (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); *3* — чашечка (там же); *4* — кубок (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); *5* — глиняная фигура с головой барана (раск. Григорьева на Тали-Барзу); *6* — небольшая корчага (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); *7* — крышка для хума (там же); *8* и *9* — венчики хумов (там же); *10* и *11* — грузики для ткацкого станка (там же)

VII. *1* — кубок; *2* — сосудик с ленточной росписью; *3* — кувшин с ленточной росписью ангобом (раск. Григорьева на Тали-Барзу)

VIII. *1* — энохоя; *2* — чашевидный кубок; *3* — корчага; *4* — сосудик с ленточной росписью ангобом (раск. Григорьева на Тали-Барзу)

IX. *1* — чашевидный кубок (раск. Григорьева на Тали-Барзу); *2* — мисочка (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2); *3* — чашевидный кубок (там же); *4* — кувшинчик (там же); *5* — чашевидный кубок (там же); *6* — детский молочник (там же); *7* — венчик хума (там же); *8* и *9* — пряслица (там же); *10* — железный нож (там же)

X. *1* — кружка с оттисками гранатов и слюдяной обсыпкой (раск. Григорьева на Кафир-Кала); *2*— кувшин (там же); *3* — тарелочка, покрытая красным ангобом (раск. 1947 г. в пункте № 36); *4* — верх кувшина с согдийской надписью (там же); *5* — кружка с оттисками гранатов и слюдяной обсыпкой (там же); *6* — кружка с узором канелюрами (там же); *7* — кувшин с резным узором (там же); *8* — тарелка с красным ангобом (там же); *9* — верх котла (там же); *10—12* — венчики хумов (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2): *13* — железный наконечник стрелы (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 36)

XI. *1* — кружка, украшенная срезами по плечику (Афр., раск. 1945 г. в пункте № 4); *2* — железный нож (Афр., строительство дороги в 1947 г.); *3* — стеклянная кружка с рельефным узором (там же); *4* — стеклянная кружка с рельефным узором (Афр., раск. 1945 г. в пункте № 4); *5* — стеклянная рюмка (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2); *6* — глазированная чашечка с зеленой, коричневой и желтой росписью (Афр., строительство дороги 1947 г.); *7* — светильник неглазированный (там же)

XII. *1*—глазированное блюдо (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); *2*—голубовато-зеленая роспись с арабской надписью на блюде того же типа (Афрасиаб, по И. А. Сухареву); *3* — копилка (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 38); *4* — кувшин (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 30); *5* — большой кувшин (там же); *6* — светильник, покрытый зеленоватой глазурью (там же); *7* и *8* — котлы (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); *9* — кувшинчик (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 30)

XIII. *1* — прочерченный узор на глазированном блюде (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 21); *2* — белая глазированная чашечка с арабской надписью (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 30); *3* и *4* — фрагмент блюда и арабская надпись на блюде (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 20); *5*—горло стеклянного сосуда (Афр., пункт № 51); *6* — белый глазированный светильник (Афр.); *7* — железный наконечник стрелы (Афр., раск. 1946 г. в пункте № 30); *8* — коричневая глазированная ваза с белой росписью (там же); *9* — кувшин (там же)

XIV. *1—3* — коричневая роспись на белых глазированных чашах (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 41); *4* — стеклянная чашечка (Афр., пункт № 10); *5* — горло бутыли (там же); *6* — стеклянная рюмка (там же); *7* — голубой глазированный светильник (Афр.); *8* — железный нож (Афр., пункт № 10); *9—11* — железные пластинки от панцыря (там же)

Чач XV. *1* — бронзовый нож (Ташкентский музей, случайная находка); *2* — бронз. вислообушный топор (Чимбайлыкский клад); *3* — бронз. нож (то же); *4* — бронз. булавка (то же); *5* — каменное полированное орудие (Ташкентский канал, с. Урта-Сарай, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); *6* — бронз. браслет (с. Искандер в верховьях р. Чирчик); *7* и *8* — глиняные сосуды (с. Ореховское, Средне-Чирчикского р-на 1940 г.)

XVI. *1* и *2*—бронзовый кинжал с обеих сторон (Урта-Сарай); *3*—бронз. нож с обломанным концом (с. Ангар, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); *4* — бронз. нож (с. Урта-Аул, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); *5—7*— бронз. кельты (собрание Ташкентского музея); *8* — бронз. нож (то же); *9* — бронз. кельт «мотыга» (то же); *10* — бронз. копье (Фергана)

XVII. *1* и *2*—круглодонные сосуды (поселение на овраге Бургулюк близ Урта-Аула, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); *3* — глиняная крышка для котла (там же); *4* — сосуд (поселение на правом берегу р. Ангрена у с. Караташ, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); *5* — глиняная фигура, фрагментированная (поселение на овраге Бургулюк); *6* — фрагмент чаши с росписью красным ангобом (там же); *7* — край котла с выступом (там же); *8* — котел (там же); *9* — стенка котла с ручкой (там же); *10* — каменный пест (там же)

XVIII. *1* и *2* — глиняная чаша (городище Каунчи, по Г. В. Григорьеву); *3* и *4* — венчики хумов (там же); *5* — костяная пластинка от лука (там же); *6* — пряслице (там же)

XIX. *1—3* — кружки с ручками в виде животных (с. Беш-Бай, Средне-Чирчикский р-н, 1940 г.); *4* и *5* — кувшины (там же); *6* и *7* — котлы (Каунчи, по Г. В. Григорьеву); *8* — кувшин (Беш-Бай); *9*—кувшин с ручками (там же); *10* — сосуд (там же); *11* — миска (там же); *12* — пряслице (Каунчи, по Г. В. Григорьеву); *13* — глиняная фигура с головами баранов (там же); *14* и *15* — венчики хумов (там же); *16*—костяная пластинка от лука (там же); *17* — нож (Беш-Бай); *18* — косметическое каменное острие (там же); *19* — каменная пуговица (там же); *20* — бронзовые бубенчики и бусы от повязки-браслета (там же)

XX. *1* — кувшин (Урта-Аул, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); *2* — костяная пластина от лука (курганы на арыке Джун, у гор. Янги-Юля, по Т. Г. Оболдуевой); *3—5* — кружки (Урта-Аул); *6* — курильница (там же); *7* — миска (там же); *8* — бронз. зеркало (арык Джун); *9* — железный меч (там же); *10*—глиняная фляга — мустахара (там же); *11* — железный нож (Беш-бай, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); *12* — железный наконечник стрелы (арык Джун)

XXI. *1* и *2*—кружки (Ак-Тепе, близ Ташкента; раскопки 1940—1941 гг.); *3*—верх котла (там же); *4*—котел (там же); *5* — чашечка (там же); *6* — мисочка (там же); *7* — кружка ручной лепки (там же); *8* — кувшин (гор. Пскент, 1940 г.); *9—11*— венчики хумов (Ак-Тепе); *12* — железный топор (там же); *13* — венчик хума (там же); *14* — железный нож (там же); *15* — сосуд ручной лепки (там же); *16* — глиняная пуговица (там же); *17* — железное стремя (с. Ангар, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); *18—20*— фигурные кирпичи (Ак-Тепе); *21—23* — железные наконечники стрел (там же); *24* — костяной наконечник стрелы (там же)

XXII. *1* и *2*—глазированные блюда (Ак-Тепе, близ Ташкента; раскопки 1940—1941 гг.); *3*—роспись коричневая на глазированном сосуде (там же); *4* — чашечка глазированная (там же); *5* — глазированный сосуд (там же); *6* — подражание арабской надписи на глазированном блюде (там же); *7*— глазированный кувшинчик (там же); *8* — серебряный браслет (поселение у с. Урта-Аул, Средне-Чирчикского р-на, 1940 г.); *9*—котел (Ак-Тепе); *10* — железный серп (Урта-Аул)

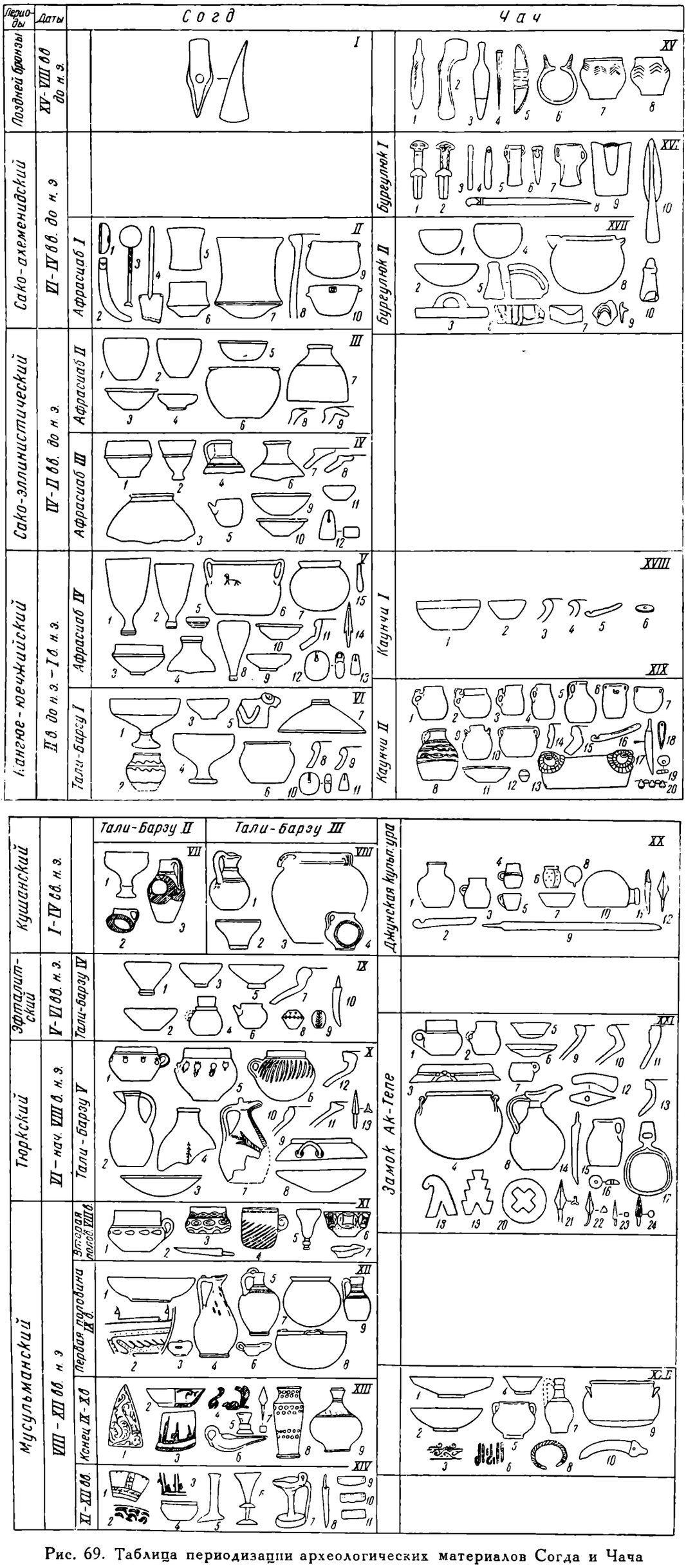


Рис. 69. Таблица периодизации археологических материалов Согда и Чача

Афганистане (с их ремесленными цилиндрическими и коническо-цилиндрическими сосудами).[14]

В Согде сложилась тогда уже высокая городская культура с развитыми ремеслами и торговлей. Самарканд, как это точно доказано стратиграфически, размещался в то время на всей площади современного городища Афрасиаба, окружность которого достигает 3.5 км (площадь 218.9 га). Обширность размеров городища и его древность подтверждают правильность идентификации Самарканда с Маракандой античных авторов.

Самарканд развивался не постепенным ростом из малого центра («первоначального поселения») концентрическими кругами,[15] а сложился сразу как огромный город, повидимому, в результате закономерной трансформации обширнейшего родового поселения той более древней стадии, которую здесь еще не удалось выявить археологическим путем. С. П. Толстов, открыв в Хорезме «городища с жилыми стенами», правильно понял природу древнего среднеазиатского города и, в частности, города Мараканды.[16] Развитое С. П. Толстовым положение о первоначальных городах Средней Азии, как укрепленных больших общинных поселениях с особой планировкой (типа пуэбло), имеет первостепенное историческое значение. Исследования на Афрасиабе вносят лишь ту поправку, что Мараканда в сако-ахеменидское время уже пережила эту архаическую стадию и представляла, как отмечено выше, сложившийся город с развитыми ремеслами и торговлей.

Сако-эллинистическому периоду (IV—II вв. до н. э.) в Согде соответствуют слои культурных стадий Афрасиаб II и III.

На стадии Афрасиаб II в древнем Самарканде отмечается дальнейший рост техники керамического производства: лучше готовится глина, более тонко формуются сосуды, увеличивается разнообразие форм, распространяется тщательное (до металлического блеска) полосчатое лощение по красному ангобу. Из коническо-цилиндрических сосудов Афрасиаб I вырабатываются сосуды, приобретающие отчетливую форму кубков. Форма эта, развиваясь и варьируя в дальнейшем, имеет важное значение в нашей периодизации. Появляются кувшины; характерны мисочки с своеобразно ломаным профилем края.

Керамическое производство в древнем Самарканде достигает наивысшего уровня на стадии Афрасиаб III. Его характеризуют чистота отмучки глины, тонкость и плотность черепка и изящество форм сосудов. Сосуды небольших размеров покрываются не только красным ангобом хорошего качества, но и красным лаком. Некоторое распространение получают сосуды из серой глины, покрытые плотным черным ангобом. Типичны небольшие коническо-цилиндрические кубки с пояском в виде валика на невысоком поддоне и такие же кубки на небольшой, но достаточно устойчивой ножке. Изготовление котлов осваивается гончарами-ремесленниками, что решительным образом сказывается на их качестве. Впервые отмечаются обожженные кирпичи.

К кангюе-юечжийскому периоду (II—I вв. до н. э.) относятся Афрасиаб IV и Тали-Барзу I.

На стадии Афрасиаб IV в керамике слегка ухудшается качество глины, прекращается употребление серой глины и черного ангоба, исчезает красный лак, упрощаются формы сосудов. Кубки на ножке, утратив поясок, приобретают вид конических кубков на высокой, но неустойчивой ножке;

---

[14] R. Chirshman. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. Revue des arts asiatiques, XIII. Paris, 1939, стр. 10—22.

[15] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Ташкент, 1928, стр. 6.

[16] С. П. Толстов. Городища с жилыми стенами. КСИИМК, вып. XVII, стр. 7; его же. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 77 и след.

коническо-цилиндрические кубки на поддоне получают вид чаш. Судя по находкам конических кубков на неустойчивой ножке в могилах некрополя Туп-Хона, близ Гиссара, в Таджикистане (раскопки М. М. Дьяконова в 1946—1947 гг.), сопровождавшихся оболами Эвкратида, стадию Афрасиаб IV можно датировать рубежом от II к I в. до н. э.

Смена этих наслоений на городище Афрасиабе слоями стадии Тали-Барзу I прослеживается в ряде случаев стратиграфически. Тем самым, помимо других данных (например, связь с культурой Каунчи II в Чаче) совершенно снимается ошибочная датировка Тали-Барзу I доахеменидским [17] или ахеменидским временем. [18] Предварительно мы считаем возможным датировать стадию Тали-Барзу I рубежом нашей эры, полагая, что она в какой-то степени развивалась и в начале кушанского периода.

Помимо культурных слоев на Афрасиабе и нижнего культурного слоя на городище Тали-Барзу, эта культурная стадия представлена в Согде огромным земледельческим районом с остатками небольших укрепленных усадеб (не менее 100), расположенным к югу от Самарканда (за арыком Даргомом).

На стадии Тали-Барзу I наблюдается дальнейшее понижение качества керамических изделий: сосуды становятся грубее, тяжеловеснее, сильно ухудшается красный ангоб. Для нее в качестве руководящей формы мы, вслед за Г. В. Григорьевым, принимаем кубки в виде вазы на высокой устойчивой ножке, с валиком или без него на шейке. [19] Часто встречаются сосуды с волнистым орнаментом.

В культурных слоях Афрасиаб IV и Тали-Барзу I найдены терракотовые фигурки в виде всадников на конях, верблюдов и других животных (лепленых от руки, часто без обозначения глаз, ноздрей и деталей одеяний), а также штампованные фигурки, в которых Г. В. Григорьев видит изображения Анахиты. ТБ I отмечен находкой замечательного изображения Гопатшаха на фрагменте сосуда. Для Афрасиаб IV характерны довольно крупные, иногда тонко моделированные широколицые головки с удлиненными глазами и расчесанными на две стороны волосами, а также головки в сложном головном уборе и знаком V на щеках и на лбу. [20] Г. В. Григорьев нашел в слое Тали-Барзу I на городище Тали-Барзу целую фигурку Анахиты в длинных одеждах и с плодом в руке. В головках типа Афрасиаб IV чувствуется связь со скульптурами Аиртама (близ Термеза), [21] черты, роднящие их с «гандхарскими»; терракоты же стадии Тали-Барзу I имеют более «архаический» вид, сближаясь в этом отношении с некоторыми статуэтками из Хорезма [22] и кушанского Термеза. [23]

В качестве важных культурных достижений на стадии Афрасиаб III следует отметить начало применения обожженного кирпича для строительных (?) целей, [24] обжиг алебастра, ткацкий станок с вертикальной основой; для Афрасиаб IV отмечается обжиг извести и появление стеклянных сосудов. На стадии Тали-Барзу I для размола зерна служат уже

---

[17] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, II, стр. 88 и 103.

[18] Его же. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 151.

[19] ТОВ, 1934, стр. 93, рис. 3а.

[20] C. Trever. Terracotas from Afrasiab. М.—Л., 1934, табл. 6, рис. 79 и 82.

[21] М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Ташкент, 1933; К. В. Тревер. Греко-бактрийское искусство. М.—Л., 1940, табл. 49.

[22] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 196 и след.

[23] М. И. Вязмитина. Керамика Аиртама времени кушанов. Термезская археологическая экспедиция, т. II. Ташкент, 1945, стр. 51, рис. 11.

[24] Не исключено, что обожженный кирпич появился на стадии Афрасиаб I, но вопрос этот нужно изучить дополнительно.

большие ручные зернотерки (до 60 см длины), указывающие на прогресс земледелия.

В Чаче, на городище Каунчи (в гор. Янги-Юле) Г. В. Григорьев выделил культурные стадии Каунчи I и Каунчи II, отнеся первую к бронзовому веку, а вторую — к сакам (середина I тысячелетия до н. э.). Однако в подстилающем слое того же городища были обнаружены керамические остатки типа Бургулюк II,[25] что позволило нам, наряду с другими данными, датировать эти стадии значительно более поздним временем, а именно: Каунчи I — примерно II—I вв. до н. э., а Каунчи II — рубежом нашей эры.

Каунчи I характеризуется сравнительно высоким качеством керамических изделий, преимущественно в виде больших плоскодонных мисок с желобчатым краем, украшенных брызгами бурого ангоба. Есть поделки из рога благородного оленя (обкладки от лука, плоские наконечники стрел с черешком, ручки ножей), пряслица, глиняные и каменные бусы.[26] Стадо домашних животных состояло из овец, коз, крупного рогатого скота, лошадей, двугорбых верблюдов. Предметом охоты служили олени и горные козлы.[27] Культурная стадия изучена очень слабо.

Памятниками стадии Каунчи II служат разбросанные в различных местах Ташкентской обл. огромные холмища, так называемые «тепе», с скрытыми в их толщах развалинами монументальных сооружений крепостного типа и различных жилых построек из сырца и глины (пахсы). Об успехах архитектуры свидетельствует умение перекрывать галлереи сводами.[28] Многочисленные тепе, курганные группы и могильники без внешних признаков говорят о высоком росте численности населения, значительном подъеме производительных сил и об общем росте культуры. Чач в ту пору населяли не обитатели пещер и шалашей, как это представлялось Г. В. Григорьеву,[29] а создатели такой цивилизации, которая, может быть, лишь в малой степени уступала Согду или Хорезму.

Погребения как в курганах, так и без них совершались в глубоких (до 4 м) семейных катакомбах, в вытянутом положении, на спине и сопровождались обычно глиняной посудой. Кроме того, в женских захоронениях встречаются ожерелья из стеклянных золоченых бус и разноцветного бисера, а также принадлежности косметики; в мужских захоронениях — маленькие железные ножи.[30]

На развитие земледелия указывает смена небольших зернотерок (какие отмечались для Бургулюк II) крупными, т. е. одинаковыми с зернотерками стадии Тали-Барзу I в Согде. Состав сельскохозяйственных культур полностью еще не выяснен. Известны пшеница, ячмень, персики, джида и лох. Среди домашних животных, кроме указанных для Каунчи I, отмечены свинья и осел.

Железо готовилось сыродутным способом. Из него ковались крупные черешковые трехлопастные наконечники стрел, шилья, небольшие ножи с

---

[25] Г. В. Григорьев. Каунчи-Тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940; его же. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940; см. нашу рецензию в Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 84—87 и С. П. Толстов. К вопросу о датировке культуры Каунчи-Тепе. ВДИ. 1946, № 1, стр. 173.

[26] Г. В. Григорьев. Каунчи-Тепе, стр. 33—39.

[27] В. И. Громова. Материалы к изучению древнейших домашних животных в Средней Азии, стр. 42.

[28] Г. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 3.

[29] Указ. соч., стр. 17—25.

[30] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 9, стр. 33—34; М. Э. Воронец. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 336.

горбатой спинкой, пряжки, перстни. Крупных орудий и предметов вооружения пока не найдено. На вертикальных ткацких станках ткалась разнообразная материя — то тонкая, как бязь, то толстая, как паласная ткань. Кувшины, кринки, миски и хумы лепились от руки или, реже, на гончарном круге из хорошо промешанной глины. Мелкая посуда покрывалась красным ангобом и, реже, залащивалась, хумы обрызгивались жидким раствором красного ангоба (со струйками). Типичными являются кружки с ручками в виде барана, изредка — лисы или волка. На кувшинах часто заметен волнистый прочерченный узор. Кухонные плоскодонные горшки и круглодонные котлы лепились из грубо промешанной глины. Интересны, несомненно, культовые глиняные фигуры с двумя головами баранов (в Согде такие же известны для Тали-Барзу I) и в виде головы быка с ямкой на носу, в которой зажигалось масло.[31]

В Чаче времени развитой земледельческой культуры Каунчи II следует, повидимому, видеть основное ядро варварского государства Кангюя, политический центр которого мы, следуя В. В. Бартольду,[32] помещаем в области среднего течения Сыр-Дарьи.

Время Кушан в Чаче отмечено сменой культуры Каунчи II джунской культурой (по арыку Джун, у гор. Янги-Юль), а в Согде — сменой двух культурных стадий, изученных на городище Тали-Барзу — ТБ II и ТБ III, которым соответствует большой период упадка жизни в Самарканде.

Джунская культура известна только по курганным могильникам.[33] Захоронения совершались в катакомбах одиночно и, реже, парно.[34] Особенно важно, что на джунской стадии устанавливается обычай класть в могилы большое количество предметов вооружения — меч, кинжал, стрелы, лук; встречаются кинжалы и в женских могилах.

Т. Г. Оболдуевой выяснено обилие элементов, связывающих джунские курганы с сарматскими погребениями в Нижнем Поволжье, и установлено, что джунская стадия восходит ко II—IV вв. н. э. В могильном инвентаре джунской стадии обильно представлена глиняная посуда простой гончарной работы на круге: полнотелые широкогорлые кувшины, вьючные фляги — мустахара (появляющиеся в Чаче с Каунчи II, а в Согде с Афрасиаб IV), кружки с ручками без изображений, чашечки, маленькие курильницы с отверстиями в стенках. Прочий инвентарь представлен длинными (до 0.9 м) обоюдоострыми мечами с коротким насадом для ручки, короткими обоюдоострыми кинжалами, бронзовыми зеркалами (диаметр 9 см), с короткой боковой ручкой, китайскими зеркалами, костяным гребнем с конскими головками, золотыми серьгами, украшенными зернью, бронзовыми и железными перстнями, железными пряжками, бронзовыми бубенчиками, разными бусами, арбалетовидной фибулой.

Одновременно со сменой погребального ритуала большими изменениями в составе инвентаря и его типах должна быть отмечена, что весьма существенно, и смена антропологического типа: длинноголовые каунчинцы («саки», по Г. В. Григорьеву), европеоиды средиземноморской расы, связанные со скифами и предками туркмен, сменяются короткоголовыми европеоидами со слабой примесью монголоидности («гунны», по Г. В. Григорьеву), так называемого памиро-альпийского типа, близкого к усуням

---

[31] Г. В. Григорьев. Каунчи-Тепе, стр. 9—13, 19, 23; Изв. УзФАН, 1940, № 9, стр. 33—34.

[32] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 5.

[33] Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 102.

[34] М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 336—337 (неправильно указано, что захоронения преимущественно парные).

Семиречья, древнему населению Восточного Туркестана и сарматам Нижнего Поволжья.[35]

Джунские могильники позволяют поставить вопрос о возможном в эту эпоху продвижении с востока этнических групп, которое могло быть вызвано распадом гуннского племенного союза в Центральной Азии;[36] не этим ли движением вызван упадок гор. Самарканда, в каком он находился, примерно, с I или со II по IV в. н. э.?

Стадия Тали-Барзу II в Согде нам еще очень мало известна. Для нее характерны кубки, близкие к вазообразным кубкам предыдущей стадии, узкие кувшины и прочие сосуды, украшенные красной ленточной росписью.[37]

Тали-Барзу III Г. В. Григорьев отнес по ряду признаков к эллинистическому периоду (III—II вв. до н. э.). Здесь происходит новый подъем керамического производства, но эллинизм его весьма относителен. В слое этой стадии на городище Тали-Барзу были найдены трехгубые кувшины типа энохои, конические широкодонные кубки-чаши, разные сосуды с налепными головками под ручками.[38] Присутствие «эллинистических» черт, искусствоведчески еще не рассмотренных, нельзя расценивать как указания на слишком раннюю дату. Опираясь на достаточно твердые даты Афрасиаб IV и Тали-Барзу I, мы считаем возможным отнести Тали-Барзу II и III, примерно, к I—IV вв. н. э. Об успехах искусства в кушанской Средней Азии свидетельствуют со всей очевидностью открытые М. Е. Массоном скульптуры и архитектурные фрагменты в Аиртаме и Термезе и открытия С. П. Толстова в Топрак-Кале в Хорезме. Это было время подъема культуры и искусства у народов древней Средней Азии.[39]

Однако Самарканд при кушанах находился в упадке. Письменные источники этого времени о нем молчат, даже наименование его в них не упоминается. Об этом же упадке, но в более широких хронологических рамках, пишет и В. В. Бартольд, указывая, что в середине V в., когда о Самарканде впервые сообщают китайские хроники, первенство на Зеравшане принадлежало еще не Самарканду, а княжеству Маймургу с городом Ривдадом (городище Тали-Барзу, по Г. В. Григорьеву), в котором и в мусульманскую пору находились замки «согдийских ихшидов».[40] Политический центр и культурная жизнь в Согде до восстановления Самарканда сосредоточивалась в гор. Кушании в местности около нынешнего Катта-Кургана.[41]

Недостаток материалов не позволяет нам осветить характер материальной культуры времени эфталитов. Возможно, что в Согде к этому времени восходит Тали-Барзу IV, но все же мы на основании материалов древнего Пянджикента и Афрасиаба больше склонны относить эту стадию к началу тюркского периода.

---

[35] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии гуннов и саков. СЭ, 1946, № 4, стр. 207—210.

[36] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 10—17.

[37] Г. В. Григорьев. Тали-Барзу. ТОВЭ, II, стр. 93, рис. 3—б, е, ж.

[38] Там же, стр. 92—93, табл. III, рис. 1 и 2; стр. 101, рис. 6—б, в.

[39] С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1, стр. 186; М. Е. Массон. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции 1937 и 1938 гг. Термез. археол. экспедиция, II, 1945, стр. 4—6; его же. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков нашей эры.

[40] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 17; Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 3, стр. 165.

[41] В. В. Бартольд. Там же, стр. 19; его же. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 104.

Керамика Тали-Барзу IV не выделяется ни качеством работы, ни красочностью отделки. Руководящими для нее служат чашевидные кубки с вогнутым краем на поддоне, вылепленные от руки конные всадники с огромным носом и глазами, большими усами и клинообразной бородой, «буддийские образки».[42] В том же слое на Тали-Барзу был найден обломок хума с процарапанной согдийской надписью, которая, несмотря на то что относится к значительно более позднему времени, чем предполагал Г. В. Григорьев, остается древнейшим местным образчиком этой письменности.

Как ни грубо, как ни упрощенно выполнены фигурки всадников Тали-Барзу IV, они все же определяют своеобразие стиля терракотовых художественных изделий Согда V—VI вв. Устойчивость этого стиля доказывается тем, что он не утрачивается и на следующей культурной стадии. В нем, например, выполнена известная крышка оссуария с мужской головой из Самарканда,[43] крышка оссуария со столь же великоплепной женской головой в Самаркандском музее, а также замечательные сосуды с лепными изображениями мужской и женской голов из гончарной печи конца VII в. на городище Кафир-Кала.[44] Со времени Тали-Барзу IV в Согде констатируется широкое распространение зороастрийского обряда захоронения в оссуариях (бо́льшая древность их еще не установлена). В культурных наслоениях этой стадии на Афрасиабе найдены наиболее ранние ручные жернова, сделанные из гранита с рубчатой поверхностью для лучшего размола зерна.

Тали-Барзу V датирована Г. В. Григорьевым VI—VII вв. В настоящее время она может быть более определенно отнесена к VII — началу VIII в., что установлено на основании находки больших и ценных комплексов вещественных остатков на Афрасиабе и на Пянджикентском городище, сопровождавшихся медными монетами местной чеканки по китайскому образцу, которые введены в Согде не ранее первой половины VII в.[45]

Возрождение Самарканда началось при эфталитах, а в эпоху тюрков он вновь переживает расцвет. VII век — время блестящего подъема ремесел, земледелия, торговли и культуры в Согде. О богатстве согдийской культуры дают представление не только китайские сведения, но гораздо больше раскопки последних лет. Согдийская предприимчивость, стесненная враждебной политикой Сасанидского Ирана, не находит открытого и выгодного пути на Запад, но с успехом устремляется на Восток; не только торговля, но и мощная согдийская колонизационная струя через Чач и Тараз (центр согдийской культуры VI — VII вв. в Семиречье, как его определяет А. Н. Бернштам) глубоко проникает в Центральную Азию.[46]

Немалые успехи делает искусство, обильные материалы по которому дали раскопки керамических мастерских в Кафир-Кала.[47] Широко распространяется согдийская письменность, памятники которой после находки архива согдийского царя Диваштича прибывают в виде постоянных новых находок обломков сосудов с надписями.[48]

Из глины (пахсы), сырцовых кирпичей и обожженных кирпичей сооружаются здания с арками, сводами, куполами, террасами и колоннадами.

---

[42] ТОВЭ, II, стр. 95; табл. III. рис. 3; табл. IV, стр. 101, рис. 6—д.

[43] Записки Вост. отд. РАО, XVIII, вып. 1, табл. VI, рис. 2.

[44] Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 101—102, рис. 49; стр. 99, рис. 47—1.

[45] О. И. Смирнова. Новые данные по истории Согда VIII в. ВДИ, 1939, № 4, стр. 98; ее же. О трех согдийских монетах. ВДИ, 1939, № 1, стр. 116.

[46] А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, вып. VI, 1940.

[47] Г. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 92 и след.

[48] Согдийский сборник, М.— Л., 1934.

В керамическом производстве отмечается подражание металлическим сосудам, которое достигается воспроизведением форм, обсыпанием слюдой, придающей серебристый блеск, и украшением сосудов рельефными оттисками растительных узоров, изображениями животных и человеческих головок. Особенно ярки и постоянны кружки с кольцевидной ручкой, узкогорлые кувшины с длинным носиком и низкие тарелки с округленным дном, причем они покрывались яркокрасным пачкающим ангобом.[49] Среди терракот преобладают оттиснутые в формах изображения всадников с гривной на шее, поясом, булавой и кинжалом, а также силенов. К этому же времени относятся грубо лепленные от руки фигурки иногда как бы устрашающего вида. Принадлежность к этой же стадии известных самаркандских фигурок с грубым телом и изящной штампованной головкой, которые Н. И. Веселовский считал изображениями Александра Македонского, почти несомненна.[50]

Зороастризм начинает приобретать значение господствующей религии. Около городов и селений появляются большие некрополи из сырца, состоящие из надземных склепов-гробниц (наусов), в которых ставилось по нескольку погребальных оссуариев. Среди оссуариев первое место по художественному и историко-культурному значению бесспорно занимают бия-найманские и самаркандские.[51]

Тюркский период в Чаче представлен замком Ак-Тепе, близ Ташкента, с остатками монументальных сооружений двух строительных периодов, позволяющих осветить общую организацию архитектурных масс, планировку, строительные приемы, устройство плоских перекрытий, тип колонны, строительство куполов, сводов и богатейшей по разнообразию системы арок.[52]

Не исключено, что замок Ак-Тепе возник еще при эфталитах, о чем позволяют предполагать находки драхм Издигерда II (439—457) и Фируза (457—484).[53] Основные толщи культурных наслоений на Ак-Тепе датируются VII — началом VIII в. и сопровождаются новооткрытыми медными монетами местной, чачской, чеканки с согдийскими надписями, изображениями правителей и тамгами. Ввиду отсутствия материалов по эфталитскому периоду, мы лишены возможности проследить процесс формирования материальной культуры Ак-Тепе в Чаче и получаем представление о ней, так сказать, в готовом виде. В общем, на этом этапе она развивается под прямым воздействием Согда и приобретает облик согдийской культуры.

В такой же зависимости от Самарканда развивался и верхнезеравшанский центр сложения согдийской культуры, выдающимся памятником которой является городище древнего Пянджикента с его кухендизом, замечательным по сохранности планировки шахристаном, рабадом и некрополем с зороастрийскими наусами.[54]

---

[49] К этому же времени принадлежат серебряные тарелки и кувшин из с. Покровского в северной Киргизии; см. К. В. Тревер. Греко-бактрийское искусство, стр. 110.

[50] Н. И. Веселовский. Греческие изображения на туркестанских оссуариях. ИАК, вып. 63, стр. 66—67, рис. 10.

[51] А. Я. Борисов. К истолкованию изображения на бия-найманских оссуариях. ТОВЭ, II, стр. 25 и след.; В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. Сообщения Института истории и теории архитектуры, 1947, вып. 8, стр. 35; А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. ВДИ, 1938, № 2, стр. 133.

[52] А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Материалы по археологии Узбекистана, т. I. Ташкент, 1948; В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-Тепе близ Ташкента, по данным работ 1940 г. В том же сборнике.

[53] Определение О. И. Смирновой.

[54] А. Ю. Якубовский. Согдийская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, стр. 34—35.

Рис. 70. Керамические и бронзовые изделия из Чача и Согда

1 — бронзовый вислообушный топор (Чимбайлыкский клад в верховьях р. Чирчик; нат. вел.); *2* — бронзовый нож (тот же клад; нат. вел.); *3* и *4* — глиняные сосуды, А I (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 35; $^1/_2$ нат. вел.); *5* — глиняный сосуд, А II (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 46; $^1/_3$ нат. вел.); *6* — головка терракотовой статуэтки, А IV (Афр.. раск. 1947 г. в пункте № 2; увел. $1^1/_2$ раза); *7* — стеклянный сосудик, А IV (там же; нат. вел.)

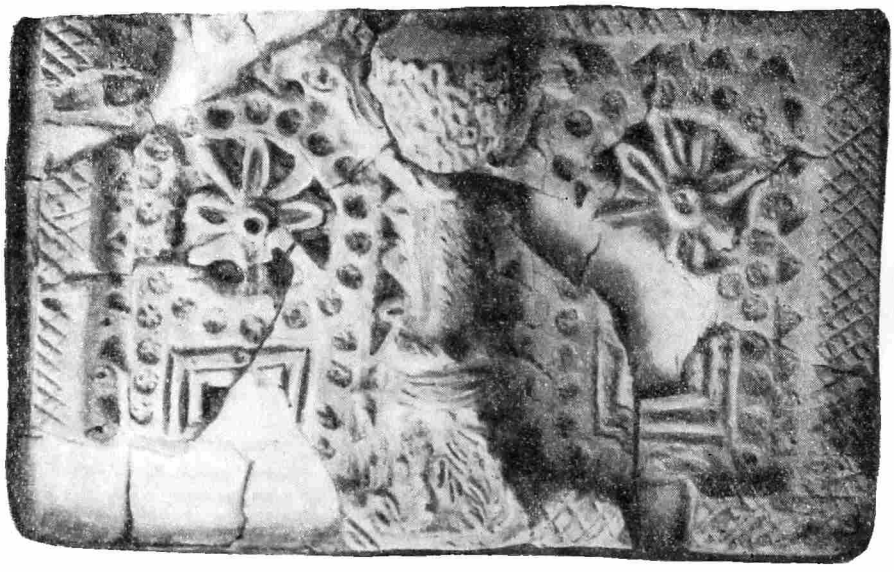


Рис. 71. Керамические изделия из Чача и Согда

1 — часть терракотовой фигурки верблюда, ТБ I (Афр., раск. 1945 г. в пункте №9; нат. вел.); *2* — чашевидный глиняный кубок, ТБ IV (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2; $^1/_2$ нат. вел.); *3* — фрагментированная фигурка с пламенем на плечах, ТБ V (там же; нат. вел.); *4* — верхняя часть терракотовой статуэтки, ТБ V (там же; увел. $1^1/_2$ раза); *5* — глиняная кружка с оттисками гранатов, ТБ V (Афр., раск. 1947 г.; $^1/_2$ нат. вел.); *6* — фрагментированная терракотовая погремушка, ТБ V (там же; нат. вел.); *7* — глиняная тарелочка, ТБ V (там же; $^1/_2$ нат. вел.); *8* — терракотовая плита с изображением колонны, ТБ V (Афр., Самаркандский музей; $^1/_4$ нат. вел.); *9* — терракотовый фигурный кирпич VI—VII вв. (замок Ак-Тепе, близ Ташкента; раск. 1941 г.; $^1/_2$ нат. вел.)

Ак-Тепе и Пянджикент отличаются от Самарканда редкостью находок терракотовых изображений, меньшим художественным достоинством их и упрощенностью керамических форм. Местные типологические особенности сосудов сказываются преимущественно в деталях и в некоторых частностях технических приемов лепки. Они не украшались обсыпкой слюдой и оттисками штампов, отсутствует красный ангоб, который характеризуют гончарство Кафир-Калы, Афрасиаба и Тали-Барзу V. Оссуарии Чача, в отличие от четырехугольных самаркандских, имеют овальную форму. Большой могильник с оссуариями в небольших подземных камерах-катакомбах был исследован Я. Г. Гулямовым и Т. М. Миргиазовым близ селения Той-Тюбе. Кухонные котлы в Самарканде и Чаче круглодонные, а в Пянджикенте — плоскодонные. Совокупность признаков позволяет выделить и Чач, и Верхний Зеравшан (Пянджикент) в качестве отдельных областей развития согдийской культуры. Нужно думать, что при дальнейших исследованиях по Зеравшану выделятся и другие локальные районы согдийской культуры. Так, бия-найманские оссуарии столь разнятся от самаркандских, что район древней Кушании составит, повидимому, четвертую такую зону, культура которой будет отличаться высокими художественными традициями.

К арабскому завоеванию Самарканд представлял типичный для Средней Азии средневековый город, с шахристаном и ремесленным рабадом. В этом виде он сформировался не в процессе постепенного перерождения античного рабовладельческого города, а на месте его руин: возрождаясь, он складывался как город иной социально-экономической структуры, обязанной отношениям развивающегося феодализма.

Чач вошел в мусульманский период как область с необыкновенно большим количеством городов. Возникновение их обусловлено, может быть, недостаточной безопасностью жизни, небольшими и слабо укрепленными поселками на краю кочевой степи, начинавшейся так близко за р. Келесом, а также, возможно, возросшим спросом на продукцию городского ремесла со стороны тех же кочевников. Особая роль Чача, как и Хорезма с его многочисленными городами, в торговле с кочевыми народами не раз отмечалась исследователями Средней Азии (Бартольд, Якубовский).

Арабское завоевание не могло вызвать значительных изменений ни в сельском хозяйстве, ни в ремеслах. Тем сильнее сказалось оно на областях культуры, связанных с идеологией, и прежде всего на искусстве; арабы были нетерпимы ко всему, что свидетельствовало о национальной культуре и независимости, которую они беспощадно подавляли.

Недостаток добытых материалов для этой эпохи по Чачу восполняется Афрасиабом. Мусульманизация Чача протекала медленнее, чем Согда, так что Самарканд и в этом отношении будет более показательным. В течение мусульманского периода в Самарканде исчезает изобразительное искусство и развивается орнаментализм; на смену терракотам и рельефу в керамике приходит полихромная роспись с глазурью.

Грань между «старым» и «новым» в истории материальной культуры Самарканда лежит где-то близко к середине VIII в. С этого времени до конца жизни Самарканда на Афрасиабе (1220 г.) устанавливаются четыре этапа, различающихся легче всего по смене стилей глазированной посуды. Наибольшим спросом пользовались глазированные миски, чашечки (типа пиалы), блюда и светильники, реже — глазированные кувшины. Первые опыты глазирования посуды были очень робкими. Не менее ста лет потребовалось, чтобы самаркандские мастера подобрали устойчивые и нерасплывающиеся красители, овладели техникой росписей, изяществом геометрического, растительного и буквенного узора и соответствующих композиций его, чтобы они добились крепкого соединения глазури с черепком. Глазированная посуда появилась в Самарканде не в готовом и в

Рис. 72. Находки из раскопок в Согде

1 — стеклянный медальон, предполож. ТБ V (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2; увел. в 2 раза); *2*—бронзовый несторианский крест, предполож. ТБ V (Афр., случайная находка 1946 г.; увел. $1^1/_2$ раза); *3*—гипсовая стойка с тремя стеклянными баночками X в. (Афр., раск. 1946 г. в пункте №30: $^2/_3$ нат. вел.); *4* — стеклянная рюмка второй половины VIII в. (Афр., раск. 1947 г. в пункте №2; $^2/_3$ нат. вел.); *5*—глазированный сосуд с носиком, расписанный коричневой, зеленой и желтой краской, X в. (Афр., раск. 1947 г. в пункте №51; $^1/_3$ нат. вел.); *6*—глиняный кувшин, первая пол. IX в. (Афр., раск. 1946 г. в пункте №30; $^1/_3$ нат. вел.)

совершенном виде, как предполагал В. Л. Вяткин.[55] Древнейшие образчики ее отличаются простотой, а иногда и вялостью росписей, недостаточной яркостью красок и низким качеством глазури. Самаркандские ремесленники познакомились с глазированием едва ли ранее середины VIII в. и ко второй половине IX в. достигли в нем такого высокого мастерства, которое хорошо знакомо по саманидским блюдам.

Среди неглазированной посуды довольно длительное время сохраняются формы, установившиеся к концу тюркского периода. Кувшины старого типа доживают до начала IX в., сменяясь кувшинами яйцевидной формы с высоким цилиндрическим или воронкообразным горлом. На грани от тюркского к мусульманскому периоду распространяются кружки с высоким цилиндрическим горлом и низким овальным корпусом, украшенным (но не всегда) одним рядом овальных срезов по плечику. Кружки эти исчезают, примерно, к началу IX в. Вместе с тем глиняные кружки в Самарканде вытесняются стеклянными, первоначально очень похожими на глиняные.

На стадии Афрасиаб III, как отмечено выше, котлы начинают делать гончары; несмотря на то, что эти котлы лепятся от руки, они представляют собой продукцию ремесленного производства. Имея шаровидную форму и круглое дно, они были приспособлены для приготовления пищи в открытом очаге. Глубокая древность такой формы котлов у многих оседлых народов Средней Азии служит положительным указанием на то, что в ней нельзя видеть признаков влияния кочевого быта, как это склонны утверждать некоторые исследователи. Переход к станковому производству круглодонных котлов задерживался тем, что обычный гончарный круг рассчитан на изготовление плоскодонной посуды. В конце тюркского периода (стадия ТБ V) котлы подправляются на гончарном круге — они становятся тонкостеннее и более совершенными по форме, причем простой гладкий край заменяется сложнопрофилированным.

На рубеже VIII и IX вв. в Самарканде было изобретено приспособление, позволившее делать на гончарном круге и круглодонные котлы. Для этого обожженную глиняную форму, имеющую вид неглубокой чаши, стали ставить дополнительно на круг (с помощью комка сырой глины). Такие целые формы были найдены нами на Афрасиабе в гончарных печах XI в.[56] Котлы, изготовлявшиеся на круге, обычно чрезвычайно тонкостенны и полусферической формы; форму эту они сохранили вплоть до вытеснения чугунными котлами. Дальнейшим шагом по усовершенствованию котлов явилось покрытие их внутри плотной и весьма стойкой голубой глазурью, отмечаемое впервые в XI — XII вв.

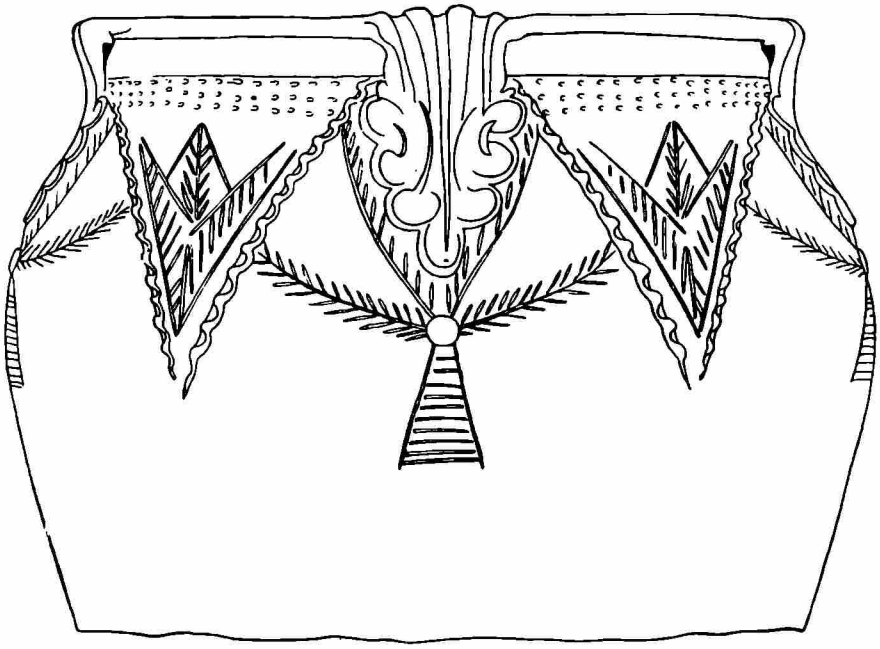
В мусульманский период широко распространяются светильники, имевшие в середине VIII в. вид плошечки с вогнутым краем (без ручки) и коротким носиком для фитиля; в X в. они получают вид изящной глазированной поделки, которая могла служить украшением любого дома.

Древность стекла в Самарканде отмечена находками, восходящими к Афрасиабу IV. Однако вплоть до мусульманского периода находки стеклянных изделий сравнительно немногочисленны. Огромный сдвиг в стекольном производстве произошел во второй половине VIII в., когда изделия из стекла стали почти столь же обычными для самаркандцев, как и глиняная посуда. В это время наибольшим распространением пользовались сосуды, дутые в формах с рельефным узором — широкие, низкие кружки, стаканы, рюмки на высокой ножке, различные бутылочки и флакончики. В X в. господствует тонкая, дутая без форм посуда: бутылочки, графины, вазы, тарелочки, высокие рюмочки, стаканчики.

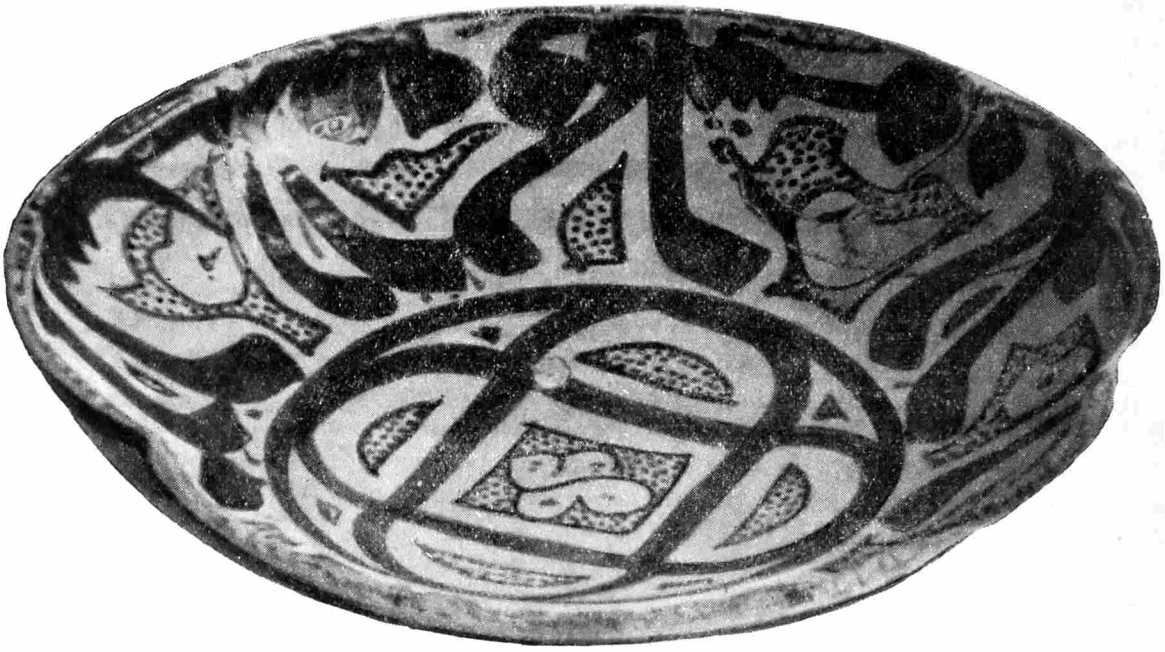
---

[55] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб, стр. 11.

[56] Эта находка подтвердила правильность предположения о способе изготовления котлов в Хорезме в X—XI вв.; см. Изв. УзФАН, 1940, № 6, стр. 63—64.



1



2

Рис. 73. Керамика из Афрасиаба

1 — верхняя часть корчаги с лепными и резными узорами, ТБ V (Афр., раск. 1947 г. в пункте № 2, $^1/_4$ нат. вел.); *2* — глазированное блюдо с арабской надписью, вторая пол. IX — нач. X в. (Афр., случайная находка 1946 г.; $^1/_2$ нат. вел.)

В VIII в. отмечаются крупные успехи в мукомольном деле, о чем говорит появление на арыке Сиабе, протекающем у северного края городища Афрасиаба, уже настоящих водяных мельниц с гранитными жерновами до 1 м в диаметре. Наши знания истории материальной культуры Согда и Чача стоят на стадии первичного сбора материалов. Некоторые этапы едва намечены. Особенно велики пробелы в археологии Чача. От раскопок на Афрасиабе можно ждать много ценного для изучения древней согдийской культуры, в частности по развитию различных производств и ремесел.

Нужно возобновить раскопки на городище Тали-Барзу, оборвавшиеся в связи со смертью Г. В. Григорьева.

Особо важное значение будут иметь работы по изучению обширнейшего земледельческого района с остатками многочисленных построек, расположенного к югу от Самарканда, между арыком Даргомом и горами. На рубеже нашей эры (время Тали-Барзу I) он был густо заселен и погиб, вероятно, в связи с теми же событиями, которые повлекли за собой длительный упадок жизни Самарканда на Афрасиабе в эпоху кушан. Исследования еще совсем не коснулись больших курганных групп, расположенных к западу от Катта-Кургана. В Чаче на очереди должны быть поставлены раскопки поселений бургулюкского типа, ранние тепе и огромные курганники, так называемые «минг-тепе» («тысяча бугров»).

Развитие согдийской культуры отличается самостоятельностью и многими чертами, говорящими о своеобразном, высоком творческом процессе. Такими же особенностями проникнуто и культурное развитие Чача.

К сожалению, мы ничего не можем сказать относительно культуры Согда на ступени родового общества. В течение рабовладельческого периода (примерно с середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э.) в Согде большие успехи делают ремесло и торговля, концентрирующиеся в Самарканде. Для Согда наиболее замечательна необыкновенно частая смена культурных форм и культурных стадий. На всех этапах чувствуется мощная пульсация жизни; здесь нет периодов застоя, только движение, непрерывный прогресс, нарушаемый, повидимому, лишь временами вражеских вторжений. На каждом историческом этапе видны признаки исканий нового, энергичная деятельность талантливых мастеров и людей искусства. Ни Иран, ни Греция, ни Индия не сказались в культуре Согда так, чтобы в тот или иной исторический момент определить ее лицо. Г. В. Григорьев, выделяя «сасанидскую» стадию (Тали-Барзу V), сделал это без надлежащего учета местных могучих культурных факторов, не оценив того, что именно тогда в Согде процветала та культура и цивилизация, которой более всего отвечает понятие «согдийская», когда Согд сам распространял свое влияние на отдаленнейшие страны, особенно на Восток. Согд и Чач не были отгорожены от остального мира непроницаемой стеной, но их культурное развитие определяется не проникновением отдельных элементов культуры из соседних стран; основа их местная, так как они сами представляли важнейшие центры формирования среднеазиатской культуры. В материальной культуре Согда и Чача трудно на начальных ступенях уловить черты общности, временами кажется, что они идут по совершенно различным путям (Каунчи II и Тали-Барзу I), но при всем том для них рано определилась тенденция сближения, сильнее всего впервые сказавшегося в VI—VII вв. н. э. Процесса сближения не прерывает и арабское завоевание. Согд, Чач, Бухара и Хорезм, оправившись после арабского завоевания, снова при Тахиридах и Саманидах становятся главными центрами социально-экономического развития общества, идущего по пути создания общей культуры и национального единства, которые после победы Великой Октябрьской социалистической революции нашли свое выражение в образовании Узбекской республики в ряду других братских республик народов Средней Азии.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Вып. XXXIII 1950 год

V. ХРОНИКА

Н. Я. Мерперт

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР за 1948 г.

В 1948 г. археологические исследования получили дальнейшее расширение по всему Советскому Союзу и, прежде всего, на территории РСФСР, где 1948 год ознаменован увеличением охваченной исследованиями территории, ростом масштаба работ, расширением тематики.

К работе были привлечены центральные и местные учреждения, что, как и в предшествующие годы, в значительной мере способствовало успеху работ.

В 1948 г. Комитет полевых исследований ИИМК АН СССР выдал 89 открытых листов на право производства археологических раскопок и разведок в 36 местностях (Москва и Московская область, Владимирская, Ивановская, Калининская, Вологодская, Ярославская, Горьковская, Рязанская, Брянская, Курская, Смоленская, Орловская, Воронежская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Молотовская, Свердловская, Ульяновская, Омская, Томская, Саратовская, Ставропольская, Крымская, Тульская, Грозненская области, Красноярский край, Краснодарский край, Башкирская АССР, Чувашская АССР, Татарская АССР, Дагестанская АССР, Мордовская АССР, Хакасская авт. обл., Бурят-Монгольская АССР, Тюменская обл.).

Близ гор. Звенигорода Московской обл. М. Г. Рабинович произвел раскопки одного из курганов группы «Поречье». В яме под курганом найдено погребение с типичными вятичскими вещами X—XIV вв. У дер. Мякинино, той же области, им же были раскопаны четыре кургана, отнесенные к XIII в. Интересна находка остатков шумящих привесок, а также покрытого красным лаком пластинчатого браслета и височных колец, сделанных в виде спиральки с одним обратным изгибом проволоки, не встречавшихся ранее в подмосковных курганах. Характерные славянские комплексы здесь отсутствуют.

Экспедиция ГИМ, под руководством Л. А. Голубевой, произвела раскопки на территории кремля гор. Рузы. Открыты отдельные следы древнейшего поселения, относившегося к первым векам нашей эры. Археологически засвидетельствована интенсивная жизнь города в XIII—XV вв.

В с. Беседы Московской обл. Г. А. Авдусиной был раскопан типичный вятичский курган. В. М. Раушенбах произвела обследование неолитических стоянок в Московской обл. по берегам Клязьмы, Лавровки и Дубны. В ряде пунктов Полоцкой обл. М. Г. Рабинович обследовал остатки русских крепостей, построенных во время Ливонской войны. Определена система обороны Полоцкой земли, созданная московскими воеводами и военными инженерами.

В Новгородской обл. Т. Н. Никольской раскопано 11 славянских курганов в дер. Пристань Крестецкого р-на и дер. Борисово Валдайского р-на.

Работы большого масштаба, под руководством А. В. Арциховского, продолжались в Великом Новгороде. На Ярославовом дворище в культурном слое (XV—XVII вв.) открыты настилы вечевой площади и помост, состоявший из пяти горизонтальных слоев настилов, образованных продольными лагами и перекрытых поперечными — горбылями. В слое XII—XIV вв. вскрыта целая система водопроводных сооружений, включавшая в себя водоразборный бассейн и четыре входящие в него трубы разного диаметра. Кроме того, найдены трубы различного времени и назначения. В слое X—XI вв. открыты связанные друг с другом срубы значительных размеров; через центр одного из них проходила труба, положенная на материк.

Раскопки произведены также в Перыни, где установлено наличие значительного культурного слоя, древнейшая часть которого не моложе IX в. Исследование городских укреплений продолжил А. Л. Монгайт.

В Пскове продолжала исследования С. А. Тараканова. Выяснено, что Псков развился на основе более древнего славянского поселения, расположенного первона-

чально только на берегу Псковы и лишь к середине I тысячелетия занявшего берег р. Великой. Постройка первых крепостных стен и развитие кузнечно-литейного ремесла относятся к VIII в. Раскопками вскрыты жилища, жертвенники; найдены ремесленные изделия. В районе Пскова открыты курганные группы и раскопан один курган с 16 погребениями с трупосожжением. Произведены также разведочные раскопки городища Камно.

В Ленинградской обл., в низовьях Ояти, А. М. Линевский раскопал 85 курганов XI в. Полученный материал чрезвычайно важен для исследования раннего феодализма на севере новгородских владений.

В. И. Равдоникас продолжал раскопки одного из древнейших русских городов — Старой Ладоги. Получен дополнительный материал по планировке Старой Ладоги IX—X вв. Постройки располагались правильными рядами, с фасадами на улицу. Пешеходные мостки соединяли мостовую с настилами, покрывавшими свободные участки между рядами построек. К VIII—IX вв. относятся большие избы и хозяйственные постройки, принадлежавшие обособленным крестьянским большесемейным коллективам, занимавшимся земледелием, скотоводством и рыболовством, что засвидетельствовано находками сошников, зерен проса, ячменя и конопли, костей домашних животных и рыб. О наличии домашней промышленности свидетельствуют находки обрывков тканей и деталей ткацкого стана. Из других находок должны быть отмечены игрушечные деревянные мечи, найденные в слое IX в.

В гор. Вологде производил раскопки А. В. Никитин. Важна находка здесь стеклянного браслета, археологически подтверждающая возникновение Вологды в XII в.

В Селивановском р-не Владимирской обл. А. Ф. Дубынин продолжал раскопки Малышевского могильника. Могильник принадлежит муроме VI—XI вв. Вскрыто 42 погребения, из них 10 с трупосожжениями. В пяти погребениях найдены арабские диргемы X в. В одном случае открыто погребение коня с остатками сбруи.

В Ивановской обл. Е. Н. Ерофеева произвела раскопки кривичских курганов XII—XIII вв. у дер. Рыжково и на р. Черной Кинешемского р-на. Найдены топоры, ножи, а также многочисленные украшения, среди которых, несмотря на преобладание славянских элементов, имеются некоторые вещи, характерные для мордовских племен.

В Городецком р-не Горьковской обл. И. А. Кирьянов обследовал стоянку Яхра, относящуюся к концу неолита — началу бронзы, а также поселение эпохи раннего железа в с. Курмыше, на левом берегу р. Суры. Кроме того, он произвел обследование Георгиевской башни Нижегородского кремля.

По берегам Оки и Волги продолжал разведки Б. А. Сафонов. Открыто 19 неизвестных ранее археологических памятников. Среди них одна неолитическая стоянка, более поздние стоянки с сетчатой керамикой, городище дьякова типа, остатки славянских поселений.

В Рязанской обл. А. Л. Монгайт производил раскопки городища Старая Рязань и связанного с ним могильника. Открыто кладбище XII — начала XIII в., часть погребений которого связана с событиями 1237 г. В шейном позвонке одного из костяков найден вонзившийся наконечник стрелы. Вскрыт ряд наземных жилищ, полуземлянок и землянок с печами. Среди находок следует отметить амфорную ручку со славянской надписью, наконечники стрел, янтарный перстень, пластину из слоновой кости с резным орнаментом, серп, замки, кресала. Завершены раскопки Борисоглебского храма, украшенного внутри фресковой росписью.

А. В. Никитин производил исследования укреплений «Засечной черты» на участке от Ст. Рязани до окрестностей Тулы. Выявлены различные виды оборонительных сооружений, построенных с учетом особенностей тактики противника, путей его проникновения и характера вооружения.

В Брянской обл. в бассейнах Десны, Усы, Судости производил разведки В. П. Левенок. Обследованы памятники, среди которых неолитические стоянки, поселения эпохи бронзы и раннего железа, славянские городища.

В Курской обл. продолжал археологические исследования М. В. Воеводский. Произведены раскопки Авдеевской палеолитической стоянки. В районе дер. Липино исследованы бескурганный могильник XII в. и селище этого же времени. Здесь же раскопан курганный могильник XII в. Произведены разведочные работы на неолитической стоянке у дер. «Кузина гора» и на Шуклинском городище, где особенно интересен слой роменской культуры, датированный саманидским диргемом X в.

В Хреновском р-не Воронежской обл. В. П. Левашова произвела раскопки на берегу р. Мечетки. Открыт горн XIV в. для обжига кирпичей. Раскопки одного из холмов вскрыли часть фундамента кирпичного здания с изразцовой облицовкой и несколько мусульманских погребений.

В той же области А. Н. Рогачев произвел раскопки на месте верхнепалеолитической стоянки Костенки I. Шурфовка выявила пять горизонтов культурных остатков. Установлен факт многослойности этого поселения. Под верхним слоем солютрейского времени залегают ясно выраженные и, очевидно, более древние горизонты культурных остатков. Из находок в нижнем горизонте совершенно исключительный интерес представляют кремневые наконечники метательных орудий с вогнутыми основаниями.

В Чувашской АССР, близ с. Б. Тояба, А. П. Смирнов произвел раскопки городища и могильника золотоордынской эпохи. Раскопками установлено, что поселок здесь возник еще в XI в. В XIV в. поселок был укреплен; одновременно внутри него воз-

никла дополнительно укрепленная усадьба. Открыты остатки постройки золотоордынского времени со знаками на кирпичах. Рядом с городищем исследовано мусульманское кладбище.

В Дубенском районе Мордовской АССР П. Д. Степанов продолжал раскопки городища Ош-Пандо. Установлено присутствие на городище трех комплексов: фатьяновского, городецкого и древнемордовского. Продолжены исследования могильника, относящегося к фатьяновскому времени.

В Татарской АССР экспедиция Казанского филиала АН СССР, под руководством Н. Ф. Калинина, обследовала значительную часть территории в Столбищенском, Пестречинском, Корноуховском, Лаишевском и Рыбно-Слободском районах. Маршрут охватил 1500 км. Открыто и обследовано 74 археологических памятника, среди которых стоянки, городища, селища и могильники различных эпох. Семь открытых стоянок относятся ко II — началу I тысячелетия до н. э. Городища, селища и могильники I — начала II тысячелетий н. э. исследователь связывает с буртасами и булгарами.

Объединенная экспедиция ИИМК, ГИМ и Казанского музея продолжала исследование городища Великие Болгары. Первый отряд экспедиции, под руководством З. А. Акчуриной, работал в центре с. Болгары. Раскопками выяснено, что в X—XII вв. данный район был окраиной города. После восстановления разрушенного монголами города в XIII в. здесь находились дома ремесленников, а в середине XIV в. этот район занимали железоделательные мастерские. В конце XIV в. здесь возникли богатые постройки. Найдено много русских вещей, заставляющих предполагать наличие в городе русских ремесленников. Вторым отрядом, под руководством О. С. Хованской, в районе Голландского озера изучен ряд керамических горнов, очень сходных с древнерусскими. Третий отряд, под руководством А. М. Ефимовой, продолжал исследование могильника в урочище Бабий Бугор. Вскрыто 100 булгарских захоронений домонгольского (XII в.) и золотоордынского (XIII—XIV вв.) периодов. Эти исследования показали, что город Булгар возник на поселении местных племен городецкой культуры.

В Елабужском р-не ТАССР экспедиция, под руководством А. В. Збруевой, продолжала раскопки Луговской стоянки. Вскрыты полуземлянки с очагами, а также жертвенное место со следами человеческих жертвоприношений. Раскопаны также три кургана, синхронные стоянке и относящиеся к эпохе поздней бронзы.

В Молотовской обл., в низовьях р. Чусовой, О. Н. Бадер произвел раскопки трех стоянок. Из них одна докерамическая; ее микролитический инвентарь дает представление о характере эпипалеолитической культуры на Среднем Урале; две другие относятся к III—II тысячелетиям до н. э. Кроме того, произведены разведки по обоим берегам Чусовой.

В Нижне-Тагильском р-не Свердловской обл. А. Я. Брюсов произвел раскопки на Горбуновском торфянике. Намечены пять хронологических этапов в развитии местной неолитической культуры, начиная со второй половины II тысячелетия до н. э., вплоть до VII—VI вв. до н. э.

В той же области, у дер. Броды (район гор. Каменска-Уральска), Е. М. Берс произвела небольшие раскопки стоянки VII—IV вв. до н. э. Найдены остатки большого коллективного жилища, зернотерки и керамика, среди которой отмечены позднеандроновские формы. Кроме того, Е. М. Берс произвела археологические разведки, показавшие значительную насыщенность района Каменска-Уральска находками четвертичной фауны.

В Челябинской обл. К. В. Сальников производил исследования в районе гор. Магнитогорска. Обследовано 27 памятников, среди них 18 курганных групп, три селища, старинное кладбище, казачий пикет. Произведена разведочная шурфовка на селище эпохи бронзы, а также на селищах абашевской и андроновской культур. Раскопано 26 погребений, среди них срубно-хвалынские курганы, погребения прохоровской стадии сарматской культуры, позднесарматские (аланские) и золотоордынские погребения.

В Ульяновской обл. П. Д. Степанов произвел разведки в районе среднего течения р. Суры. Открыта неолитическая стоянка, обследованы памятники эпохи бронзы, обнаружены городища и селища древней мордвы.

В Саратовской обл. И. В. Синицын произвел археологические исследования по берегам рек Большого и Малого Узеней; открыт ряд поселений и могильников. Керамика поселений ярко отражает сочетание двух культурных вариантов — нижневолжской хвалынской культуры и андроновской. Раскопано шесть курганов, содержащих восемь погребений скифо-сарматского времени. В курганах найдены мечи, зеркало, стрелы, глиняные сосуды. Раскопано также несколько погребений XI—XIV вв. Среди них особый интерес представляет погребение воина-кочевника в панцыре, с мечом, стрелами и неполным остовом коня.

В Кабардинской АССР и Грозненской обл. работала экспедиция под руководством Е. И. Крупнова. В Кабарде обнаружены погребения раннего бронзового века. В двух местах открыты могильники раннескифского времени. Интересны каменные ящики у с. Каменномостское, где вещи скифских форм найдены наряду с оружием и украшениями кобанского типа. В Грозненской обл. исследован грунтовой могильник позднебронзовой эпохи и два поселения, давшие керамику, типичную для скифского времени.

В Дагестанской АССР работала экспедиция под руководством К. Ф. Смирнова. В Таркинском могильнике вскрыто 30 погребений, относящихся к двум культурам: каякентско-хорочоевской (первая половина I тысячелетия до н. э.) и сарматской. Мо-

гильник представляет первый памятник сарматской культуры в приморской части Дагестана. Среди инвентаря сарматских погребений интересны бронзовое зеркальце, фибулы, наконечники стрел, копье, керамика. У с. Агач-Кала Буйнакского р-на К. Ф. Смирнов раскопал погребения алано-хазарского времени. Особенно интересна обширная подземная камера, давшая богатый материал, в том числе сабли, копья, конскую сбрую, украшения. В Краснодарском крае им же произведены раскопки двух могильников у ст. Пашковской. На Пашковском могильнике № 3 обнаружен древнейший участок могильника с погребениями VII в. до н. э. На Пашковском могильнике № 1 вскрыто 15 позднесарматских погребений.

В гор. Анапе Краснодарского края В. Д. Блаватский произвел обследование городища Горгиппии, определив границы древнего города.

Н. В. Анфимов в северо-восточной части Приазовской низменности обследовал ряд городищ и могильник, давшие типичный для сарматской эпохи материал и важный для изучения культуры меотов. Им же были произведены разведки и раскопки по среднему течению р. Кубани. Интересно богатое погребение III в. н. э., вскрытое в станице Воронежской. В нем богатство украшений (золотые гривна и ожерелье) сочетается с набором хозяйственных предметов (проушной топор, секачи, котел, кувшины и др.). Две могилы вскрыты также близ станицы Усть-Лабинской. Одна из них относится к первым векам нашей эры, другая — более древняя, датируется VI в. до н. э.

На Таманском полуострове А. С. Башкировым было обследовано городище Патрэй. Помимо остатков античного города, восходящего к VI в. до н. э., здесь обнаружены средневековые наслоения, доходящие до XIV в. Открыты остатки глинобитной оборонительной стены и фундаменты строений. Этот комплекс относится к средневековой эпохе и важен для решения славяно-русской проблемы Азово-Черноморской Руси. В античном слое вскрыта винодельня II—III вв. н. э.

М. М. Кобылина продолжала исследование гор. Фанагории на Таманском полуострове. Открыто 34 погребения, в основном III—II вв. до н. э. Из найденных здесь вещей интересны местные вазы, своеобразные по форме и акварельной росписи. На верхней террасе городища обнаружен культурный слой исключительной мощности (6 м 75 см), включающий культурные напластования V в. до н. э.— XIII в. н. э. Здесь вскрыт комплекс хиосских амфор V в. до н. э. Раскопки велись также на нижнем плато городища. Подтверждена установленная здесь ранее стратиграфия слоев, древнейший из которых относится к VI в. до н. э. В верхних слоях вскрыт архитектурный комплекс, относящийся к Тмутараканскому княжеству.

В Крымской обл. В. И. Юдин произвел исследование могил в наиболее угрожаемых частях пантикапейских некрополей, 10 могил первых веков нашей эры вскрыты на Глинище (вост. и сев.-вост. части города). Две могилы этого же времени доследованы на северном склоне Митридата. Здесь же открыт склеп с дромосом III—IV вв. н. э.

В. Ф. Гайдукевич производил исследования трех городов: Илурата (у дер. Ивановки), Тиритаки и Мирмекия. В Илурате открыты мощные оборонительные сооружения и примыкающий к стенам городской квартал. В Тиритаке найдены остатки северной оборонительной стены. В Мирмекии работы велись в центральной части городища и на возвышенном береговом участке.

И. Б. Зеест продолжала исследование городища Киммерик на Керченском полуострове. Произведенные здесь раскопки позволили установить, что город существовал уже в V в. до н. э. В IV—III вв. до н. э. территория города тяготела к гавани, позже, на рубеже нашей эры, она распространилась на холмы, где были созданы открытые раскопками оборонительные сооружения. О тесной связи с местным населением свидетельствует ярко выраженный местный характер культуры города.

В. Д. Блаватский продолжил исследование Пантикапея. Были уточнены данные о границах Пантикапея и их изменениях в различные времена. Произведены раскопки акрополя и западной окраины города, до сего времени мало исследованных. На юго-западном склоне Второго Кресла Митридата обнаружен развал оборонительной стены и остатки стратегической улицы, сооруженной вдоль городской стены. Дата существования этих укреплений—I—IV вв. н. э. К северу от Эспланадной улицы обнаружены девять культурных напластований, начиная с VI—V вв. до н. э. Здесь раскопаны остатки большого жилого дома III—II вв. до н. э.

На верхнем Эспланадном раскопе открыты следы укреплений акрополя. Характер находок позволяет предполагать наличие на акрополе парадных общественных зданий.

Из находок интересны образцы местной керамики, калиптер из известняка, обломки чернолаковой ситулы, чернофигурная амфора V в. до н. э., служившая погребальной урной, свинцовый отвес, электровый кизикин с изображением кабана и тунца, обломок антефикса со скульптурной головой богини Коры, светильники, архитектурные детали.

Помимо раскопок на Митридате, в окрестностях Керчи раскопан курган с каменным склепом I в. н. э. В склепе найден каменный саркофаг.

На городище Нимфей производил исследования М. М. Худяк. Закончено изучение архаического святилища. Из найденных здесь материалов интересны фрагменты культовых сосудов, глиняная форма с изображением силена и терракота: возлежащая мужская фигура с ритоном в руке, датируемая первой половиной VI в. до н. э. На территории святилища найдена третья по счету большая керамическая печь. На другом уча-

стко найдены ямы, перекрытые развалом здания VI в. до н. э. Такие ямы могли быть жилищами местного населения скифского времени.

Г. Д. Белов продолжал раскопки в Херсонесе. Открыты эллинистические здания в северной части городища, а также остатки римского дворика с колодцем. Найдено семь погребений, принадлежавших таврскому некрополю. За городской стеной открыто два средневековых каменных склепа.

Н. В. Пятышева произвела раскопки южного участка херсонесских укреплений. Обнаружено 11 строительных периодов, начиная с III в. до н. э. и кончая X—XI вв. н. э. Раскопки позволили отнести находящуюся здесь протейхизму к V—VI вв. н. э., а главную крепостную стену — к III в. до н. э.

Н. В. Пятышева обследовала юго-восточный берег Крыма. Из вновь открытых здесь памятников интересен некрополь близ Судака, с поздними каменными ящиками, таврское убежище на вершине Караул-Оба, близ Феодосии, скифское городище и сельские усадьбы античного времени.

В Судакском р-не, близ дер. Щебетовки, А. Я. Брюсов исследовал стоянку второй половины II тысячелетия до н. э.

М. А. Наливкина произвела разведочные раскопки на Черноморском городище, на предполагаемом месте Калос-Лимена. Раскопки показали, что жизнь на городище началась в III в. до н. э. Удалось выяснить, что после разрушения ранней стены города, возведенной, очевидно, в III в. до н. э., была выстроена в первые века нашей эры новая городская стена. Ранне-средневековый материал свидетельствует о том, что жизнь на городище продолжалась в VI—VII и в XII—XIII вв.

Г. Д. Смирнов раскопал близ Черноморского городища скифский курган с женским и детским погребениями. Из находок интересен сетчатый аттический арибаллический лекиф второй половины IV в. до н. э.

В Инкермане Е. В. Веймарн исследовал сохранившуюся часть некрополя III—IV вв. Вскрыто 40 погребений, относящихся к четырем типам: подбойные могилы, грунтовые больших размеров, обычные грунтовые и склепы. Найдено много керамики, оружия, украшений. Некрополь принадлежал тавро-сарматскому населению. В этом же районе обследовано таврское селище с очажными и зерновыми ямами, а также произведены археологические разведки.

На юго-западном склоне Чуфут-Кале Е. В. Веймарн исследовал аланский могильник VI—VII вв. н. э.

П. Н. Шульц продолжал исследование Неаполя Скифского. В районе городских ворот открыто дополнительное укрепление, выдвинутое перед городской стеной. В завале ворот найден обломок каменного рельефа с изображением коня. Открыты оборонительные сооружения вблизи мавзолея. В развалинах южной стены найдено три детских погребения, из них два в амфорах. На территории городища открыты остатки жилого дома II—I вв. до н. э., большое скопление амфор первых веков нашей эры и несколько выложенных камнем зерновых ям. За пределами города производились исследования некрополя I—III вв. н. э.

Т. М. Минаева исследовала поселение у подножья Неаполя Скифского. Вскрыты ямы хозяйственного назначения. Поселение ориентировочно относится к первой половине I тысячелетия до н. э.

В. П. Бабенчиков продолжал раскопки грунтового могильника I—III вв. на восточном склоне Неаполя Скифского. Вскрыто 11 погребений. Из находок интересны лучковые фибулы, стеклянный бальзамарий, зеркала.

На территории Тюменской и Омской областей производил исследования В. Н. Чернецов. Открыты курганы и поселения. Произведены раскопки в урочище Голая сопка, где обнаружено городище середины II тысячелетия н. э., стоящее на месте поселения эпохи бронзы. В устье р. Ивановки раскопаны курганы VII—VI вв. до н. э.

В Молчановском р-не Томской обл. производил археологические обследования Н. С. Розов. Целью работ было картографирование памятников. Открыт и обследован ряд поселений. Раскопано несколько курганов в бассейне р. Чулымы.

Горноалтайская экспедиция, возглавляемая С. И. Руденко, вскрыла три кургана скифского времени. В одном из них благодаря вечной мерзлоте сохранился труп вождя, покрытый художественной татуировкой в зверином стиле. Найдено также 28 конских трупов с остатками богатого убранства. Из находок интересны щиты, стрелы, шейная гривна с изображением грифонов, золотые серьги, сосуды с орнаментом в зверином стиле.

В Хакасской и Тувинской автономных областях производил исследования Э. Р. Рыгдылон. Основной целью разведок было обследование древних плавилен, стоянок каменного века, памятников тагарского и таштыкского времени, писаниц и орхонских надписей.

В Бурят-Монгольской АССР, в долине р. Селенги, производил археологические исследования А. П. Окладников. Открыты палеолитические стоянки, а также поселения и погребения эпохи неолита. Интересны погребения с костяными гарпунами и стрелами. Найдены два кинжала с вкладными лезвиями из двусторонне ретушированных каменных пластин. Открыты также погребения эпохи бронзы и раннего железа. Среди находок в них следует отметить нефритовые топоры и кинжал карасукского типа. В низовьях Селенги открыт ряд наскальных изображений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии Наук СССР
IosPE — Inscriptions orae septentrionalis Ponti Euxini
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии Наук СССР
МАК — Материалы Археологической комиссии
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАО — Русское археологическое общество
РФТФАН — Рукописный фонд Туркменского филиала Академии Наук СССР
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
УзФАН — Узбекский филиал Академии Наук СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры за 1948 г.

I. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ

А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде 3
В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея 17

II. ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМЕ

И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра 29
Е. И. Горюнова. Итоги работ Муромской экспедиции 39
С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова 48
З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов и О. С. Хованская. Раскопки Великих Болгар 63
М. Г. Рабинович. Археологическая разведка в Полоцкой земле 81
М. М. Кобылина. Раскопки Фанагории 89
И. Б. Зеест. Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора 96

III. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

С. И. Капошина. Золотые серьги из окрестностей Ольвии 103
Ф. Д. Гуревич. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов 110
Н. М. Бачинский. Малоизвестные архитектурные памятники Туркмении . . . 121
А. М. Беленицкий. Мавзолей у селения Саят 134
А. М. Беленицкий. Глава «О железе» минералогического трактата Бируни . . 139
Б. А. Колчин. Несколько замечаний к главе «О железе» минералогического трактата Бируни 145

IV. АВТОРЕФЕРАТЫ ЗАЩИЩЕННЫХ ДИССЕРТАЦИЙ

А. И. Тереножкин. Согд и Чач 152

V. ХРОНИКА

Н. Я. Мерперт. Археологические исследования в РСФСР за 1948 г 170
Список сокращений 175

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *С. Т. Попова*. Технический редактор *Н. А. Невраева*. Корректор *Н. Н. Морозов*

РИСО АН СССР № 3806. Т-03471. Издат. № 2424. Тип. заказ № 177. Подп. к печ. 27/VI 1950 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бумажн. лист. 5,5. Печ. л. 15,07. Уч.-издат. 15,7. Тираж 2 000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10.